

Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»
№ 3 (27) 2010
ISSN 1996-0522

Учредители

ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»

Издатель

Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
Ю.В. Зацепилин – к.ф.н.
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Политология

С.Г. Зырянов – д.полит.н., доцент
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

Социология

Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор

Юриспруденция

В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Л. Фартыгин – к.ю.н., доцент

Экономика и управление

О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент

Культурология

С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – к.с.н., доцент
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент

История

В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С.В. Нечаева – к.и.н., доцент

Главный редактор

доктор политических наук
С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А.Л. Фартыгин – зав. рубрикой
государства и права
Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономической политики и управления
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный за
международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
А.А. Куштым

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.
Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
Подписано в печать 21.09.2010 г.
Формат 70x108¹/16.
Усл.п.л. 10.85. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1081.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в ООО «Полиграф-Мастер»
454004, г. Челябинск, ул. Ак. Королева, 26

Цена свободная

СОЦИУМ

В.Д. Попов

Духовно-информационная природа и сила эгрегора 4

В.Н. Сагатовский

Новый взгляд на историю 12

В.Г. Игнатов

Факторы и приоритеты государственного
воздействия на уровень жизни населения
Российской Федерации 18

ВЛАСТЬ

А.А. Борисенков

Политическое влияние как способ
осуществления назначения политики 23

Г.А. Айвазян

Политическая идентичность – аналитический
инструмент политологии 29

А.С. Ханмагомедов

Портал повышения компетентности
госслужащих – управленческая новация 33

Е.М. Гурарий

Соотношение управленческих и политических
компонентов в политическом поле реализации
приоритетных национальных проектов 37

Г.Ю. Чернов

Политико-ориентированный подход к социально-
массовым явлениям: философский анализ 42

А.В. Славянский

Современные технологии регионального
информационного лоббизма
(на материалах Ростовской области) 48

А.В. Табалов

Внутрипартийная фракционность:
угроза единству партии или условие
ее выживания 53

М.В. Толмачева

Современная молодежная политика:
опыт и проблемы (на материале Ростовской области) .. 58

Г.А. Лактионов

Молодежные парламенты в России:
проблемы институционализации
и политические процессы 64

И.Н. Леонов

Политические аспекты функционирования
судебной системы современной России 70

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, права, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся данными проблемами.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношения с муниципальной и государственной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика и управление, культурология, история.

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей, представляемых для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 136.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:
(351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

Адрес в Интернет
<http://urags-chel.ru>

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 4 раза в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

П.В. Ведерников

Гражданское лидерство как объект
политологического исследования 74

Т.А. Чегодаева

Участие профсоюзов в политической жизни
и формировании гражданского общества:
социологический анализ 80

М.И. Безбородов

Международная деятельность
Русской Православной Церкви:
внешнеполитические позиции и
сотрудничество с государством 84

Р.Х. Файзрахманов

Понятие вооруженного насилия
в политико-правовой мысли
Древнего Востока и современность 90

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

О.Е. Томазова

Правовые проблемы организации единой
системы органов исполнительной власти,
осуществляющих государственный надзор
и контроль в финансовой области 96

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Н.З. Торгай

Возможности социальной адаптации домохозяйств
в условиях транзитивной экономики 102

КУЛЬТУРА

Н.С. Шкурко

Социокультурные истоки отечественного
имперского мифа 107

ИСТОРИЯ

С.С. Смирнов, А.В. Власова

Социальная работа Русской Православной
Церкви Урала в дореволюционные военные годы 112

В.Н. Новоселов

Строительство первого промышленного
ядерного реактора для производства
плутония на Южном Урале 115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кризис и политическая ситуация в регионах России
(Материалы выступлений участников заседания
Клуба уральских политологов) 121

SOCIUM
V.D. Popov

Spiritual and informational nature and the power of egregore 4

V.N. Sagatovskiy

A new view to the history 12

V.G. Ignatov

Factors and priorities of state impact onto the life level of the population of the Russian Federation 18

POWER
A.A. Borisenkov

Political influence as the means of achieving the political purpose 23

G.A. Ivazyan

Political identity as the analytical instrument of politology 29

A.S. Chanmagomedov

The Portal of raising the public servants competence as a administrative novelty 33

E.M. Gurariy

Administrative and political interrelations in the process of national priorities implementation 37

G.Yu. Chernov

Politically-focused approach to the socially-mass phenomena: the philosophical analysis 42

A.V. Slavyanskiy

The modern technologies of the regional informational lobbyism (based on the materials of the Rostov region) 48

A.V. Tabalov

The inner-party factiousness: a threat to unity of a party or a condition of its survival 53

M.V. Tolmacheva

The modern youth policy experience and problem (on the material of the Rostov Region) 58

G.A. Laktionov

The youth parliaments in Russia: the problems of instiutalization and political processes 64

I.N. Leonov

The political aspects of functioning of the modern Russian court system 70

P.V. Vedernikov

Civil leadership as the object of politological research 74

T.A. Chegodaeva

The participation of the trade unions in the political life and formation of the civil society: sociological analysis 80

M.I. Bezborodov

International activity of the Russian Orthodox Church: foreign policy and state collaboration 84

R.H. Faizrahmanov

The concept of armed violence in the political and legal thought of Ancient East and modern society 90

STATE AND LAW
O.E. Tomazova

Legal problems of the organization of the united systems of executive organs which carry out the state supervision and control in the finance 96

ECONOMIC POLICY AND MANAGEMENT
N.Z. Torgay

The possibilities of the social adaptation of households in the conditions of transitive economy 102

CULTURE
N.S. Shkurko

Sociocultural sources of the russian imperial myth 107

HISTORY
S.S. Smirnov, A.V. Vlasova

The social work of the Russian Orthodox Church in the Ural during the pre-revolutionary war period 112

V.N. Novoselov

The construction of the first industrial nuclear reactor for the plutonium production in the South Urals 115

SCIENTIFIC LIFE

The Crisis and political situation in Russian regions 121

ДУХОВНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА И СИЛА ЭГРЕГОРА*

УДК 130.2

В.Д. ПОПОВ

Психоаналитическая интерпретация эгрегора

Спустя 10 лет после выхода в свет «Розы Мира» А. Некрасов пишет: «Эгрегор – иноматериальное образование, возникающее из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами: племенами, государствами, некоторыми партиями и религиозными общностями». Они «обладают... сконцентрированным волевым зарядом» [см.: 8, с. 25]. Что это за заряд? Подчеркнем, что это надколлективные «выделения», обладающие «сконцентрированным волевым зарядом».

Может это и есть «плотная сущность» (т.е. сущность ментального мира)? В этой связи вспоминается «закон духовного единства толпы» Г. Лебона [см.: 9, с. 76-82], «искусственная информационная толпа» С. Московичи [см.: 10, с. 242-243]. В особенности, новый вид толпы, рожденный информационной революцией – «мгновенная толпа», формируемая с применением современной коммуникативной технологии – флэшмоб (flashmob). В ней зарождается «новая психическая эпидемия – «согласованные самоубийства», организованные через интернет» [11]. Это своеобразный информационный наркотик. Причины его зарождения трудно понять. Возможно, причина в темнотном эгрегоре? Но, заметим, данное явление, как впрочем любая стихийная или организованная толпа (например, секты, объединения мигрантов во Франции, студентов в Греции, группы антиглобалистов), коррелирует с определением темнотного эгрегора Д. Андреева и с современной информационно-психологической теорией. А главное – с вечным законом сохранения и превращения энергии: биогеохимическую (по Вернадскому) в биологическую, физиологическую, психическую, духовную. На мой взгляд, эгрегор следует понимать в этом контексте.

А. Некрасов считает, что «эгрегор – это энергоинформационный объект в тон-

ком мире, связанный с определенными состояниями, идеями, желаниями, стремлениями людей». При этом «эгрегоры – реальность, которая оказывает влияние на нашу жизнь вне зависимости от того, знаем мы о них или нет» [8, с. 24-25]. Подчеркнем, что, во-первых, влияние эгрегора воздействует на нас вне зависимости от нас. Во-вторых, это «энергоинформационный объект» (а не субъект, почему?), оказывающий «влияние на нашу жизнь», притом реальное, но неосознаваемое, бессознательное. Скорее это не объект, а механизм, фактор. Проявления эгрегора автор объясняет, например, различиями «атмосферы» в различных коллективах. В них, по его доказательствам, создается «своеобразное психоинформационное пространство». Но почему это пространство он называет «коллективное бессознательное» или «психоэнергетическое пространство», «энергоинформационное пространство» [8, с. 19]? Заметим, что и здесь мы сталкиваемся с энергоинформационной теорией.

Если следовать логике А.Некрасова, то особенность эгрегора, возможно, состоит в том, что он есть результат давления «коллективного бессознательного» на сознание индивидов (например, когда люди необъяснимо замативированы на членство в секте или на самоубийство для свершения теракта во «имя Аллаха» против «неверных»).

При этом встает еще более глубинная проблема – сложность вскрытия причин формирования самого «коллективного бессознательного». Возможно, концепт эгрегора позволит решить эту проблему, обращаясь к тайнам бытия человека и еще не раскрытым в нем самом сущностным свойствам, в особенности информационно-энергетическом. Вот тогда развитие информационной теории получит новый импульс. А информационная политика, отражая глубину воздействия эгрегора на психику людей, не будет отождествляться с агитацией и пропагандой, с PR (черным и белым).

* Продолжение. Начало в № 2, 2010

В настоящее время в психологии, в исследованиях мотивации поведения по-прежнему на первое место выходит сознание. Данный подход доминирует в социологии, в экономике, в политологии. Но есть другой подход – психоаналитический, направленный на исследование бессознательного, его роли в мотивации поведения, деятельности людей. Часто эти две линии не пересекаются между собой и в результате мы слабо знаем «информационного человека», поскольку тайной остается воздействие на него синтеза сенсорной и субсенсорной информации, взаимодействие сознательного и бессознательного, механизмы взаимосвязи между менталитетом, глубиной, исторической психологией наций и их вершинной (сиюминутной) психологией.

В этой связи еще раз целесообразно процитировать академика В.М. Бехтерева, которого я называю «русским Фрейдом». В работе по рефлексологии он делает заключение: «Вообще большим заблуждением следует считать, что основным предметом психологии является изучение сознания. С этим психология никогда не уйдет далеко в познании мира, который состоит не из сознания только, но и из бессознательного, и при этом надо признать, что бессознательные процессы суть ... более значительные, нежели сознательные» [12, с. 56]. И он наделяет спецификой «подотчетные (сознательные) рефлексы» и «неподотчетные (бессознательные) рефлексы». Но у него обстоятельно обосновывается наличие «сочетательных рефлексов» как синтеза «подотчетных» и «неподотчетных» рефлексов. И здесь, как пишет академик, «мы стоим на энергетической точке зрения», «рефлексология, стоя на энергетической точке зрения, рассматривает сочетательно-рефлексивную деятельность как последовательную настройку унаследованных и приобретенных рефлексов, все более и более усложняющихся и все более и более разнообразящихся» [12, с. 79].

Думается, что эгрегор правомерно рассматривать как настройку в сочетательно-рефлексивной деятельности человека, коллектива, нации. Добавим еще «рефлекс цели», «рефлекс свободы» и «рефлекс рабства» И. Павлова, с помощью которых он давал сравнительный с европейцами портрет русских. В своих проявлениях эти рефлексы близки эгрегорам Андреева.

Однако мы не знаем главного: как формируется бессознательное в человеке,

которое есть во многом тайная информационная субстанция. Информационная же магия эгрегора вероятно заключается в проявлении энергии этой субстанции.

Раскрытие эгрегора ряда восточных наций может дать объяснение пока трудно объяснимым позитивным и негативным явлениям. К примеру, чем объяснить, например, «экономическое чудо» Китая? Или, как объяснить расцвет терроризма? Возможно каждая нация, страна имеет свой эгрегор?

Думается, что многие открытия в гуманитарной среде совершаются при исследовании процессов, происходящих в системе: материя – информация – психика. А глубже: материя – информация – энергия – время – пространство. Эгрегор – есть, видимо, один из ключей открытия «ящика Пандоры». Главная его особенность может состоять в том, что этот феномен, выражающий синтез, сплав, результат отражения материи в форме, прежде всего, атрибутивной информации и ее «переход», трансформацию в функциональное проявление. Возможно, его исследование прольет свет на феномен Н. Тесла, на раскрытие энергии его «информационно ориентированного пространства». Это в будущем. А уже сейчас важно раскрыть феномен формирования общезначимых ценностей, заложенных в российский бессознательный. Иначе мы так и будем жить в плюрализме идей, но без общенациональной идеи.

Эгрегор имеет, пожалуй, не меньшее, а может быть и большее значение для науки и практики, наряду с рефлексами, инстинктами, генами (Павлова, Сеченова, Бехтерева и других наших ученых), с механизмами вытеснения и сопротивления, открытых З. Фрейдом. Если особенность эгрегора проявляется в «психоэнергетическом» и «энергоинформационном» заряде людей на определенную деятельность, то раскрытие его, возможно, даст объяснение – почему одни народы замотивированы больше на производство, другие – на торговлю, третьи – на промысел. Почему одни люди в обществе жаждут попасть во власть, другие – ее сторонятся? Почему одни преуспевают в бизнесе, другие – разоряются? Вероятно, заряд бессознательного способен определить сознательную деятельность людей, мотивацию их социального поведения.

Супруги Э. Тоффлер и Х. Тоффлер неслучайно пришли к выводу, что «ду-

ховные и психические переживания людей составляют контекст реальной жизни, лежащей в основе всех экономических абстракций» [13, с. 9], т.е. всех экономических теорий. Переживание – главный психоаналитический механизм, который, возможно, составляет контекст реальных проявлений эгрегора. Переживание обеспечивает работу других механизмов (по сути коммуникативных): вытеснения и сопротивления, обеспечивающих взаимодействие бессознательного с подсознанием и сознательным, подотчетных рефлексов с неподотчетными.

Эгрегор, в этом смысле, есть проявление не только бессознательного, но (пред) подсознательного и сознательного. Он есть синтез их содержимого, заложенный в бессознательном и сознательном, он есть результат выбросов информации из бессознательного в подсознание, а далее – в сознание.

Э. Тейлор выделяет даже четыре уровня психики: 1) предсознание – когда память и знания не удерживают информацию на уровне сознания; 2) сознание (сознательное) – то, что мы осознаем; 3) подсознание – это та область психики, где усвоенная, отложенная, вытесненная информация находится «под» нашим сознанием и, как правило, скрыта, спрятана от него; 4) бессознательное «часть психики», которую Карл Юнг назвал «коллективное бессознательное». И оно, по Э. Тейлору, подобно состоянию «глубокого сна».

С позиции социальной информации и ее метода коммуникативного психоанализа, большую методологическую ценность представляют выделенные Э. Тейлором пять уровней коммуникации: 1) «надпороговая» – означает то, что может быть воспринято; 2) «предвосприятие» – относится к тому, что мы обычно не можем воспринимать на уровне сознания, так как действуют защитные механизмы (например, усвоение человеком табу); 3) «подпороговая» – то, что не воспринимается сознанием по разным причинам; 4) «надпороговая» или «осознанная» коммуникация – обычное общение, в котором могут присутствовать неосознаваемые элементы и коммуникации на уровне предвосприятия (в рекламе, в манипулятивных технологиях); 5) «подпороговая коммуникация», где доминирует «подпороговая информация». Подпороговой считается любая форма

коммуникации, которая не воспринимается на уровне сознания [14, с. 18].

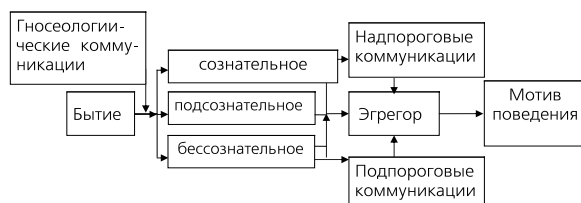
Какой для себя можно сделать вывод из этой концепции? Думается, что эгрегор – это сплав указанных коммуникаций, но не только на входе в психику человека, но и на выходе из нее с аккумуляцией энергии на уровнях центра в сфере «Сверх-Я» (по Фрейду). Это первый вывод. Второй вытекает из самого названия книги Э. Тейлора. Первая его часть – «от манипуляции и промывания мозгов» – это психоаналитические технологии, которые можно отнести к процессам формирования темноэфирного эгрегора (неслучайно есть «черный пиар»). Вторая часть – «расширение возможности и внутренней свободы» – это прямое отношение к светлоэфирному эгрегору, к формированию силы духа. Э. Тейлор формирует практические принципы, «практическую метафизику» формирования у людей «духовного компонента в своей жизни» на основе коммуникативных технологий [14, с. 297-311].

Представляется, что пятиуровневая коммуникация дает продвижение в разработке теории и практики психоанализа. Но поскольку еще слабо применима «триада», «трехзвенка» психики человека, особенно в анализе причин многих явлений (тех же терактов) и их прогнозе, то мы опираемся в поиске феноменальности эгрегора на взаимодействии: 1) сознательного; 2) под (пред) сознательного и 3) бессознательного в контексте теории психоанализа З. Фрейда, Э. Фромма, К. Юнга и других ученых, опирающихся на их концепцию. Хотя требуется не только пяти, а семиуровневый подход к структуре психики человека.

Почему мы опираемся на этих ученых? Потому что они наиболее предметно описали содержание каждого из трех уровней. При исследовании сути эгрегора плодотворно обратиться к содержанию «Сверх-Я». Здесь находится «социальный цензор», «социальный фильтр», здесь сплав сознательного и бессознательного, формирующий потенциал мудрого социального творчества. Вместе с тем, весьма полезно в плане исследования эгрегора использовать методики Э. Тейлора при изучении «Наивысшего «Я» с целью восстановить человеку «свою природную чистоту и избавиться от загрязнений» [14, с. 309]. Особую ценность представляет его методика под названием «Ментальная карта» и

тесты по изучению «духовного интеллекта» [14, с. 314-315, 337-344]. Один из его тестов дается в конце данного издания, но несколько в измененном, адаптированном к нам виде.

Полагаем, что схематически вышеуказанный подход взаимосвязи в структуре психики можно представить в виде следующей схемы:

Примечательна в данном психоаналитическом подходе позиция В.Н. Богдановича. Он доказывает, что эгрегоры лежат в «подсознании общества», являются его функцией. И формируются, в контексте теории Э. Тейлора, посредством «подпороговой» и «надпороговой» коммуникации. Для такого объяснения есть другие веские основания. Академик П.В. Симонов в работах «Мотивированный мозг», «Мозг принимает решения» и других выдвинул и доказал идею «об асимметрии подкорковых структур», обнаружив «различие активности нейронов в левой и правой половине полушарий мозга» [см.: 15] в зависимости от решаемых задач (рациональных, сознательных и иррациональных, бессознательных). Академик придавал особое значение в «мотивированном мозгу» «сверхсознательному» или, по Фрейду, «Сверх-Я», т.е. подсознанию.

Согласно теории психоанализа именно здесь происходит озарение (по Д. Андрееву), «визионерское творчество» (по К. Юнгу), т.е. творчество талантливое, мудрое. Именно здесь заложен «социальный фильтр», где доминируют, по Фрейду и по Фромму, совесть, справедливость, нравственность, народная этика, народная софия. Вероятно отсюда истоки светлоэфирного эгрегора, а темноэфирный исходит от комплексов (ущербности, неполноценности, страха, шовинизма и национализма, и других), заложенных в бессознательном. И делающих выбросы в сознание, проламывая проход в «Сверх-Я».

Выскажем гипотезу, что «дух» в главной своей созидательной, творческой роли

находится в сфере «Сверх-Я» человеческой психики. Но об этом ниже. Сейчас же подчеркнем, что на «сверхсознание» (по Симонову) оказывают влияние сверху коммуникации сознательной настоящей жизни (по принципу: «здесь и сейчас»), а снизу – бессознательное, где доминируют рефлекс, инстинкты, гены, архетипы, комплексы, традиции, обычаи, нравы, мифы, символы и т.п. феномены, составляющие содержание подкорковой коммуникации. Но важно видеть «центр» высшей духовности – «Сверх-Я», его состояния и влияния на современное состояние общественного сознания.

Итак, подсознание – область коммуникации между бессознательным и сознательным, где осуществляют свою работу механизмы вытеснения и сопротивления. И где зарождается эгрегор.

Социально-информациологическое значение эгрегора

Есть определение эгрегора более информациологическое, функциональное. «Эгрегор – совокупность информации, связанная с каким-либо явлением». При этом: «Информация (из которой и состоит эгрегор) – ключ ко всему: и кто владеет информацией, тот владеет миром». Что это за ключ? И совокупность какой информации?

Очевидно, социальной информации как совокупности экономической, политической, культурной, религиозной, а также социально-психологической, где и заложена психоаналитическая информация. Она не существует вне их носителей, субъектов информационной власти. Поэтому, выделяются эгрегоры: политических элит, партий, религиозные, родоплеменные, клановые эгрегоры, эгрегоры магических орденов, масонских лож, сект, творческих школ, кружков и т.д. Для того, чтобы понять события, к примеру, на Северном Кавказе или в ряде республик Поволжья, в особенности, мотивацию терроризма или шовинизма, важно владеть информацией об эгрегорах типов, кланов, правящих элит олигархических страт, о доминантах исторической памяти, народной культуры, глубинной психологии, нравственных, религиозных стереотипов и догматов (например, проповеди Христа и Мухамада, правила нравственного поведения Конфуция и т.п.).

Любопытно, что вначале XX века французский мыслитель-самоучка Ф. Менон в работе «Общий очерк по теории эгрегоров» выделял шесть «глобальных эгрегоров» или Сил. Они порождены, по его мнению, мыслями людей о фундаментальных категориях бытия и сознания и способны управлять человеческими жизнями. В качестве таких эгрегоров он выделял: «Добро» и «Зло», «Жизнь» и «Смерть». Можно этот ряд эгрегоров дополнить: «любовь» и «ненависть», «смысл жизни» и его потеря, «власть Бога» или «власть «Сатаны, «щедрость» и «скудость», «открытая Душа» и «Душа как потемки» и т.д.

Все сказанное является подтверждением, что эгрегор имеет не только духовную, коммуникативную, но и информационную природу, ибо эгрегоры действительно «порождены мыслями». А «мыследействие» осуществляется на основе информации. Для управления человеческими жизнями важно знать содержание соответствующих эгрегоров. И с помощью информационной политики, СМИ поднимать в душах людей светлые эгрегоры и гасить темные. Кто владеет такой информацией – тот управляет миром.

Правомерным будет также представление эгрегора как интегрального свойства атрибутивных и функциональных свойств информации. Информация воздействует (по Х. Дельгадо) на мозг человека и мотивирует в итоге его поведение.

Все явления материального и нематериального мира обладают «совокупностью информации». Думается, что важно представить эгрегор как механизм (фактор, средство), объясняющее формирование глубинных свойств бытия и отражения его сознанием человека в виде эгрегорной информации? Ответ на данный вопрос, вероятно, позволит ответить на другой: почему и с какой силой его сознание творит мир. Может сознание лишь «часть» духа? И правильнее возможно сказать, что дух творит мир.

Знакомство с Золотым Кольцом России, посещение храмов давних веков приводит в восторг от творения силы духа человеческого, силы веры, от поиска смысла жизни в бытии человеческом. Сегодня восстановление храмов по всей России – это мощное духовное и материальное производство. Выходит, что сознание и дух творят, создают храмы как символ веры. С

позиции Д. Андреева, эгрегор создает духовную материю. Если мысли материальны, то и дух материален и потому обладает силой. Вопрос – какой?

Исследователями не случайно эгрегор рассматривается в практическом плане как механизм «магической работы». Убедительным выглядят его действия, как пишут исследователи, в «извлечении информации», в «определенной перестройке сознания», эгрегор раскрывает «силу веры (убеждения)», а также таких явлений, как оккультизм, сектантство, пророчество, религиозный фанатизм. В этом смысле эгрегор как информационная субстанция имеет огромную духовную силу. «Сила эгрегора определяется не только тем, насколько отдельный индивид или масса убеждены в том, что информация, заложенная в эгрегор, истинна, но и тем, сколько именно людей считает так. Соответственно, чем сильнее эгрегор у какого-то явления, тем сильнее его воздействие... Простейший пример эгрегора – общественное мнение» [16, с. 59]. Общественное мнение есть, как известно, одно из состояний общественного сознания. А оно, в свою очередь, – ядро духовной жизни социума (по А.К. Уледову). Но общественное мнение есть, с одной стороны, результат «гносеологической коммуникации», т.е. отражения бытия, а с другой, – результат воздействия на общественное сознание СМИ. Сила эгрегора здесь заложена в единстве атрибутивных и функциональных свойств информации, формирующих дух нации и реализуемых в информационной политике как искусство управления. Но этому способствует состояние сознания: «Сколько именно людей считает так». То есть, сколько людей считают, например, принятое властями управленческое решение правильным. А если считает неправильным под давлением ментального эгрегора? В обоих случаях нужна адекватная информационная политика.

Информация в результате отражения дается нам в сознании в форме чувств, ощущений, мнений, взглядов, суждений. Особенность эгрегора, очевидно, состоит в том, что он базируется на таких прочных, фундаментальных феноменах, как «коды» (по Луману), «концепты», «константы» (по Степанову), которые отражают в себе все формы бессознательной, ментальной информации. И здесь мы выходим на про-

блему коммуникации, взаимодействия между сознанием и бессознательным.

В этом взаимодействии важную роль играет вера. Если глубже окунуться в труды по философии, в особенности русской философии, то сила сознания и духа зиждется на «вере» как религиозной, так и светской. В «Новой философской энциклопедии» понятие «вера» трактуется в теологическом смысле. Вера в религиозных системах «центральная мировоззренческая позиция и одновременно психологическая установка, включающая: принятие определенных утверждений (догматов) о бытии и о природе божества, и том, что есть благо и зло для человека, решимость придерживаться этих догматов вопреки всем сомнениям (оцениваемым как «искушение»); личное доверие к Богу как устройтелю жизни верующего, его руководителю, помощнику и спасителю»... [17, с. 380].

В «Кратком философском словаре» указывается на то, что «вера – форма проявления духовной жизни, особое состояние сознания, жизненная позиция, принцип мировоззрения» [17, с. 381].

Согласно «Краткому психологическому словарю», «вера – отношение, установка или состояние сознания, которое выражается в эмоциональной преемственности какого-либо положения или концепции... Вера может представлять собой и бессознательную уверенность в чем-либо» [18].

Обобщая вышеуказанные определения с корреляцией на историю России и ряда других стран можно сделать следующие выводы. Во-первых, нетрудно обнаружить, что без веры людей в идею, Бога, Царя, Президента, в будущее страны они не могут обрести силу духа. Эгрегор без веры не существует. Л.Н. Гумилев доказывает, что для процессов этногенеза и социогенеза важно наличие веры в популярную идею и популярного лидера.

Во-вторых, заметим, что в России исторически сложилось (в период слияния церкви и государства) обожествление Царя. Для населения слились воедино Бог и Царь. Отсюда зародилась архетипическая вера в божественную власть, «Царя-батюшку». И если эта вера подрывалась – наступала смута. Когда вера возрождалась – возрождалась Россия. Но отсюда сформировался другой архетип – патернализм как вера и надежда на царей, начальство, а не на самого себя. Поэтому

русскому человеку важно верить «хоть в черта, хоть в кочергу». Потеря веры приводит к унынию, состоянию апатии, всеобщего безверия, погружения в хаос, к взлету низменных рефлексов и потребностей. Вот почему важна вера населения своим властям. Отчуждение способно привести к очередной революции.

В-третьих, вера в религиозном смысле и философская вера основывается на ряде общих оснований: «мировоззренческой позиции», «психологической установке», «решимости» придерживаться определенных взглядов. И еще важно подчеркнуть, что вера формируется на доверии как отношении человека к человеку, к Богу, к Царю, к Президенту, к власти в целом, к пропагандируемым идеям. Потеря доверия рождает антиподы: безверие и отчуждение. Разумеется, нельзя не заметить, что вера представляет собой «бессознательную уверенность в чем-либо», она способствует формированию экзистенциальных, глубинных, ментальных детерминант эгрегора, ибо вера предшествует расию.

Акцентируя внимание на «информационном воздействии на сознание», Е.П. Павлова приходит к выводу, что «вектором» исследования данного процесса «может стать его анализ через архетипические основания сознания. В этом ключе информационное воздействие на сознание может быть понято через архетип бессознательного, власти, массовости, инстинктивных, неосознаваемых влечений и желаний» [19, с. 243]. Важно отметить, что автор указывает и на архетип власти. Мы уже доказывали, что существует не только «тайна русской души» (Н. Бердяев), т.е. народное бессознательное, но и «тайна русской власти» (в нашем обозначении архетип власти раскрывается через Эдипов комплекс) [20]. В первой – народной «тайне» – проявляют себя «концепты» народной культуры, глубинная психология, национальный характер, в другой – коды власти как устойчивые, архетипические, традиционные свойства русской власти.

В результате социально-информационного анализа получается вывод, что эгрегор:

а) обладает системным, интегративным свойством, которое бывает присуще аттрактору; он есть сплав (или переплав)

сознательной, подсознательной и бессознательной информации;

б) имеет коммуникативно-информационную природу, содержит в себе потенциальный заряд психологической, духовной, мотивационной энергии в человеке, в нации;

в) обладает информационной энергией, существенно влияет на состояние общественного сознания и мотивацию социального поведения.

«Сила эгрегора» выражается не только в состоянии общественного мнения, но и в общественном настроении, социальном самочувствии населения. К примеру, сегодня результат отражения экономического кризиса имеет силу эгрегора в том смысле, что он определяет напряженность в массовой экономической и социальной психологии. В нем сконцентрировалось все: наше самочувствие, наше настроение, наши суждения о кризисе, наше отношение к нему и субъектам финансовой политики.

Постижение сути эгрегора открывает власти глаза на состояние социальной психики. Заблудившееся общественное мнение объективно существует в сознании людей. Отсюда вытекает объект-субъектная сущность эгрегора, особенно в фокусе ментальной идентичности. Он всегда обладает свойством мерил идентичности, исторической памяти и состояния современного бытия и сознания.

Автор статьи «Понятие «эгрегора» А. Некрасов показывает психо- и информационно-энергетическую силу (потенциал) эгрегора. Эгрегором может быть энергичная харизматическая личность (пример Сталина, Черчилля, Рузвельта – их имена постоянно в информационно-медийном пространстве), идея, идеология как вера (пример веры в коммунистическую идеологию). Эгрегор – это своеобразный «ноосферный гриб», то есть он обладает свойством архетипа. Сила эгрегора определяется размерами его Грибницы, с которой он собирает дань в виде доверия с помощью душевной энергии. «Грибы «высасывают» из своих приверженцев «жизненные соки» (тонкие энергии), параллельно этому, конечно же, обеспечивая их психической подпиткой». Далее все идет по цепи, включаются «механизмы по снабжению организма бионаркотическими стимуляторами – чтобы привержен-

цы эгрегора получали силу от ощущения сопричастности к целому, к Грибнице... Иначе, без сопутствующей психосоматической, торсионной, эгрегорной информации – люди плохо снабжали бы энергией этих коллективно-бессознательных существ Эгрегора» [16, с. 61].

Отсюда вытекает новая огромная научная проблема – исследование энергетической мотивации «коллективно-бессознательных существ Эгрегора». У исследователей очевиден крен в психоаналитическую сущность эгрегора, поскольку он есть «некий психоэнергетический сверхорганизм». Люди входят в контакт с эгрегором «бессознательно», он «сознательными и бессознательными действиями усиливает любую позицию Комплекса» [16, с. 61].

Бессознательных комплексов и сознательных мотивов, культивируемых сегодня в массмедиа, а главное, самой жизнью, точнее – смыслом и целью жизни, удовлетворенностью жизни осознанно и неосознанно, у людей бывает немало. Одухотворенная смыслом жизни личность лишена мотивов к употреблению наркотиков, свершению убийств, к террору, к злобе и ненависти.

Феномен эгрегора коррелируется с архетипом К. Юнга, дополняет его с выходами на вскрытие комплексов (страха, самоуничтожения, вины, греха, социальной неполноценности и ущербности). Его позитивная роль в предсказаниях, прогнозах, пророчестве, в тех механизмах и явлениях, что вписываются в содержание «сверх-Я» З. Фрейда, в «сверхсознание» академика В. Симонова, где действует интуиция, озарение, мудрость, талант человека. В практическом плане перспективно исследование мотивации социального, экономического, межэтнического поведения, развития общественных отношений на основе эгрегорной информации, как синтеза ее атрибутивных свойств, заложенных в бессознательном и сознательном.

Вышеизложенное о понятии «эгрегор» приводит нас к выводу, что эгрегор есть один из психоаналитических мотивационных феноменов. Многие авторы справедливо считают, что у эгрегора есть такой «синонимический ряд», как:

- «коллективное бессознательное» и/или
- «совокупность мнений группы субъектов», и/или

– «художественный образ [чего-либо], и/или

– «совокупность качеств, присущих [какому-либо] художественному образу», и/или

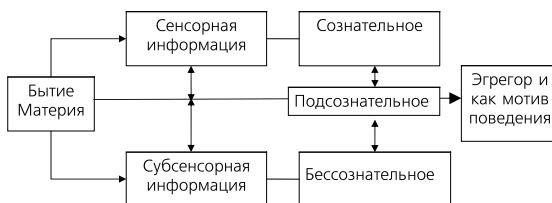
– «совокупность информации, связанной с каким-либо объектом или явлением», или тому подобное [16, с. 61].

Синонимическое (от слова – синонимы), т.е. тождественные или близкие по смыслу. И здесь возникают некоторые сомнения, поскольку не ясно общее основание тождественности. Или иначе – не ясен критерий идентичности, схожести по смыслу элементов указанного ряда.

Скажем, как связано «коллективное бессознательное», заложенное в глубинной психологии этносов, нации, народов с «совокупностью мнений группы субъектов», которое формируется сегодня во многом под давлением масс-медиа и находится на уровне «вершинной психологии» или психологии сознания, сознательного. А если глубже посмотреть, то не ясны причины «разлома цивилизации» или их трансформации в XXI веке, механизмы формирования ненависти одних

народов к другим. Возможный ответ лежит в понимании синтеза информации, заложенной, атрибутивно, прежде всего, в бессознательном, а в функциональном плане – в социальном сознательном.

На наш взгляд, эгрегор можно в данном аспекте представить схематически так:

Итак, эгрегор, согласно вышеизложенному, есть сплав различных видов, уровней информации, воспринятых и переработанных мозгом человека, а значит и социумов; бессознательного и сознательного, сконцентрированного в «сверхсознании» (по Симонову), в «Сверх-Я» (по Фрейду), в сфере «визионерского творчества» (по Юнгу), откуда могут исходить «озарения» (по Андрееву) и помрачения, духопатия.

1. Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию / С.Л. Франк. – СПб., 1995.

2. Ариц Уильям. Что мы вообще знаем? Наук изотерика и повседневная реальность / Ариц Уильям, Чеис Бетси, Висенте Марк. – М., 2007.

3. Попов В.Д. Социальная информатология и журналистика / В.Д. Попов. – М., 2007.

4. Попов В.Д. Тайны информационной политики (социокommunikативный психоанализ информационных процессов). Изд-е третье / В.Д. Попов. – М., 2007.

5. Попов В.Д. Информация: как открывается ящик Пандоры (Информация в системе управления) / В.Д. Попов. – М., 2009.

6. Андреев Д.Л. Роза Мира / Д.Л. Андреев. – М., 1998.

7. Однако понятие «эгрегор» отсутствует в «Полном православном энциклопедическом словаре» в 2-х томах. Изд-во П.П. Сойкина 1992 г. Отсутствует оно и в других энциклопедических словарях.

8. Некрасов А.А. Эгрегор / А.А. Некрасов. – М., 2007. – С.25.

9. Информационная политика. Хрестоматия. – М., 2007. – С. 76-82.

10. Московичи С. Век толпы: исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М., 1996. – С. 242-243.

11. Сайберов В. Харакири в стиле «Мгновенная толпа» / В. Сайберов // Независимая газета. – 2 февраля 2005.

12. Бехтерев В. Общие основы рефлексологии человека / В.Бехтерев. – Изд-е третье. – Ленинград, 1926. – С. 56.

13. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М., 2008. – С.9.

14. Тейлор Э. Программирование разума: от манипуляции и промывания мозгов к расширению возможности и внутренней свободы / Э. Тейлор. – М., 2010. – С.18.

15. Симонов П.В. Мозг принимает решения / П.В. Симонов // Наука и жизнь. – 1974. – № 1; Познания // Наука и жизнь. – 2002. – № 10.

16. Понятие эгрегора. Национальная безопасность и геополитика России. – 2003. – № 10–11. – С.59

17. Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т.1. – М., 2000. – С.380.

18. Краткий философский словарь / под ред. д-ра. филос. наук А.П. Алексеева. – М., 2002.

19. Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве / Е.Д. Павлова. – М., 2007. – С. 243.

20. Попов В.Д. Парадоксы в судьбе России (коммуникативный психоанализ власти и общества) / В. Попов. – М., 2009.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ (ПОПЫТКА ОБОСНОВАНИЯ)

УДК 304.2

В.Н. САГАТОВСКИЙ

Проблемная ситуация

Под историей я традиционно понимаю прошлое развитие человечества, а говоря об истории как науке, имею в виду *всемирную* историю, т.е. описание и объяснение пути, пройденного человечеством в целом как биологического вида, перешедшего к социальной форме существования и населяющего нашу планету.

Необходимость нового взгляда на историю определяется проблемной ситуацией в самой человеческой истории, в науке истории и её философских основаниях, для разрешения которой отсутствуют наличные средства.

Проблемная ситуация в развитии человечества проявляется двояко. Во-первых, она сопровождает всю человеческую историю, которую, вслед за Марксом, справедливо назвать *предысторией*. Во-вторых, закономерным следствием и квинтэссенцией этой *предыстории* является проблемная ситуация, возникающая в эпоху *глобальных проблем современности*.

Перманентная проблемная ситуация заключается в том, что человеческая история потому и заслуживает названия *предыстории*, что она представляет собой пока ещё *становление* человечества как образования, сущность которого обеспечивает его устойчивое существование и позволяет удовлетворительно вписаться в систему планетарной жизни, в глобальный геобиоценоз. Человек отплыл от одного берега – животного и не доплыл ещё до другого – подлинно человеческого. Воспроизводится постоянное противоречие между тем, что с одной стороны нормой человеческого существования стало постоянное преобразование природы и самого себя, качественно усиливающее природные возможности человека, а с другой – это усиление все более становится убийственным для природы и самоубийственным для человека. По мере развития общества нарастало вредное воздействие на природу антропогенного фактора. Только для человека характерен

беспрецедентный размах внутривидовой борьбы: непрекращающиеся войны и миллиарды их жертв за время писаной истории. И достойны ли мы при этом гордого самоназвания: *Homo sapiens*?

Оба эти момента – опасность для существования природы и самого себя – породили основные глобальные проблемы современности: *экологическую* и *военную*. Мощь человечества чревата глобальной экологической и военной катастрофой, гибелью биосферы и человеческой цивилизации. Стало ясным, что до берега подлинно человеческой истории мы теперь можем и не доплыть.

Как и почему, несмотря на бесспорные достижения, развитие человечества имело такой патологический характер? Как и почему мы подошли к такой опасной черте? Разве не вправе мы ожидать от науки истории ответа на эти вопросы? Ведь без таких ответов не найти и адекватные средства для разрешения глобального кризиса.

Готова ли, однако, к этому реальная наука история? Произведения историков, естественно, отличаются друг от друга степенью достоверности и глубиной сопереживания отражаемой ими объективной и субъективной реальности жизни общества. Но всем им в той или иной степени присущи следующие недостатки:

– несистемность, предпочтительное внимание тем или иным сторонам в описании и объяснении исследуемых процессов вместо установки на выявление того, что *необходимо и достаточно* для решения поставленной задачи (основное требование системного подхода);

– идеологизированность или произвольная субъективность в интерпретации предмета исследования, что также приводит к односторонности, нецелостности;

– определенная поверхностность в самом прямом смысле этого слова: на первый план выходят наиболее массовые и яркие явления – скажем, войны, массовые движения и деяния их лидеров.

Кто-то обращает внимание, прежде всего, на экономику, а кто-то на религию или информационные практики. Кто-то прославляет, а кто-то изобличает революцию или поведение одной из участвующих сторон. Но в этих разночтениях, как мне представляется, есть и некий инвариант. А именно, о чем бы ни шла речь, магистральной линией оказывается *политическая* (в самом широком смысле этого слова) доминанта: кому же принадлежит и переходит власть в борьбе народов, отдельных социальных групп и институтов, идеологических учений, и как бы символизирующих их лидеров. Понятно, что разное толкование данной «магистральной линии» сохраняется.

В современной политической борьбе любой из её участников находит в такой истории искомую им поддержку, «историческое обоснование» его позиции. Спектакль продолжается и действительно получается, что история «учит лишь тому, что она ничему не учит». Бескорыстный поклонник информации найдет в ней много любознательного, но трудно надеяться на то, что такое толкование прошлого может привести к согласованному решению проблемной ситуации настоящего.

Что же является *фундаментальным* (помимо парадигмальных установок отдельных научных школ, политических и личных интересов и т.п.) мировоззренческо-теоретическим основанием описанной выше многоголосицы и вытекающих из неё недостатков? Таковым оказывается несовершенство соотношения исторических исследований с *философией истории* и, в конечном счете, проблемная ситуация в состоянии самой философии истории. Исторические исследования, как правило, проводятся без системной рефлексии предпочтения мировоззренческо-философских установок. И, даже когда эти установки фиксированы, интерпретация материала с соответствующих позиций, как правило, осуществляется без достаточной полноты и последовательности. Дело в том, что само многообразие и частичная объясняющая способность историко-философских концепций с неизбежностью приводит к таким следствиям.

Суть проблемной ситуации в философии истории заключается в трудностях перехода от *монокаузалистских* концеп-

ций к искомой картине общества с позиций системного взаимодействия. Каждая из существующих концепций опирается на определенный фактический материал, доминирующий в определенной исторической ситуации, и может быть более или менее успешно применена для анализа ситуации именно такого типа. К примеру, К. Маркс обращает внимание на ситуации, близкие к положению дел в Англии XVIII столетия, и строит модель, где все выводится из экономического базиса, а М. Вебер переносится на два столетия раньше и всеобъясняющим принципом становится религия. Когда же такие частичные модели претендуют на объяснение развития общества в целом, происходит превращение частичных истин в то, что В.С. Соловьев назвал в свое время «ложными отвлеченными началами». Как соотнести моменты истины отдельных моделей в некоей системной картине и избежать при этом эклектики?

Философия истории, как и философия в целом, выполняет две основных функции: *методологическую* и *мировоззренческую*. Выявляя атрибутивные характеристики развития общества и их соотношение, она предлагает представителям конкретных наук, изучающих общество, его общую *онтологическую* картину («модель»). Тем самым задаются общие методологические принципы изучения общества. «Бытие определяет сознание» или «Сознание определяет бытие» или же «Бытие и сознание определяют друг друга, но в разных отношениях» – установки такого типа задают ориентиры изучения соотношения этих атрибутов в конкретных исторических ситуациях. Но исторические исследования ориентируются (сознательно или подсознательно) не только на предпочитаемую методолого-онтологическую схему описания и объяснения, но и на определенный мировоззренческий идеал, в соотношении с которым выясняется смысл исторического развития, характер его направленности. Двигается ли общество к коммунизму, ждет ли нас апокалипсис, а за ним «новое небо и новая земля», или же на Земле, да и во всем космосе есть лишь «конец истории» – бесконечная конкуренция в рамках «рыночной демократии»? В зависимости от выбранного образца меняется не только оценка конкретных событий, но и вы-

борочное видение и предпочтение их различных сторон и соотношения этих сторон друг с другом.

Если мы хотим обосновать новый взгляд на историю, исходя из определенного понимания философии истории, то необходимо представить онтолого-методологическую схему и мировоззренческий идеал, позволяющие разрешить охарактеризованную выше проблемную ситуацию. Перейдем к изложению соответствующих концепций.

Онтолого-методологическая схема

Среди исследователей гуманитарного профиля распространен предрассудок против схем, как чего-то формального и произвольного. Подобные схемы имеют место. Но я понимаю под схемой такое соотношение содержательных элементов, так или иначе отраженных в понятиях, когда каждый из них каким-то образом соотносен с другими, а все вместе они дают картину явления, позволяющую решать определенную задачу. Схему такого рода можно назвать *системно-содержательной*, ибо в ней соблюдается основной принцип системного подхода: каждый из элементов в ней необходим, а все вместе необходимы и достаточны.

Однако системные схемы могут различаться по способу соотношения элементов. К примеру, схема жизнедеятельности общества, представленная К. Марксом в предисловии к «К критике политической экономии», является классической монокаузалистской схемой: последовательное определение составных частей от базиса к надстройке. Наша задача заключается в замене линейной последовательности принципом *взаимодействия*, что исключает редукцию одних элементов к другим: «базисом» оказывается само *системное взаимодействие*. И это отличает искомую схему не только от монокаузалистских, но и от эклектических построений («и то, и другое» без указания характера отношения между ними) типа «теории факторов».

В свою очередь, системный подход необходим, но ещё *недостаточен* для адекватного понимания человеческого бытия. Полнота бытия задается взаимодополняющим единством трех его видов: *объективной, субъективной и трансцен-*

дентной реальности (материи, души или экзистенции и духа или трансценденции). Они несводимы друг к другу и устроены так, что системный подход необходим и достаточен лишь для объективной реальности. В душевно-духовной жизни есть целостные образования, в принципе неразложимые на составные элементы и неформализуемые. Рациональное знание о них может иметь лишь характер «знания о незнании» (Н. Кузанский), но их наличие и роль в бытии в целом могут и должны быть осмыслены рационально и системно. Однако целостный подход глубже системного и потому применяемый мной метод я называю подходом с позиций *системно-целостного взаимодействия* (whole-interactive approach). Онтологические основы данной методологии разработаны мной и представлены в сюжете «Мировоззренческий идеал».

Общество представляет собой сложную систему, в которой имеет место взаимодействие различных аспектов, каждый из которых также представляет собой систему. Чтобы адекватно разобраться в этой сложности, надо так определить используемые понятия, чтобы избежать смешения этих аспектов. В существующих подходах такая задача пока ещё далека от решения.

Прежде чем изложить свой вариант, покажем состояние дел на примере одной из самых четких схем – марксовой модели исторического материализма, представленной в предисловии к его книге «К критике политической экономии»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [1, с. 6].

Современные социальные философы часто просто заменяют данную схему другими, более модными. Мы же попробуем дать её краткий анализ с заявленных системных позиций. Во-первых, здесь допускается смешение двух категориальных рядов: общеполитического (бытие и сознание) и сфер и институтов общественной жизни, образующих базис, «надстройку» и «формы общественного сознания». «Бытие» фактически отождествляется с базисом, с экономической материальной производством. Во-вторых, несмотря на многочисленные дискуссии в советский период, так и не удалось представить системный (т.е. удовлетворяющий требованию необходимости и достаточности) список элементов «надстройки» и «форм общественного сознания». Где, к примеру, место в этой схеме культуре, науке, да и самому человеку?

Переходя к нашей схеме, введем исходные понятия.

Бытие общества во всей полноте его проявлений не сводится к объективной реальности (материи) как одному из видов бытия и тем более к экономическому базису. Назовем бытие общества в целом его жизнедеятельностью.

Субъектом жизнедеятельности является социально-антропологическая целостность (САЦ), представляющая собой единство общества в целом, общностей и отдельных личностей.

Введем теперь категориальные ряды, определяющие атрибутивную специфику САЦ и её жизнедеятельности, а затем постараемся уточнить основные из входящих в эти ряды понятия.

Ряд функциональных уровней САЦ и каждого из её компонентов: *природный, социальный и психологический*. Эти уровни не находятся «рядом друг с другом», но характеризуют в разных отношениях любые формы субъекта и его жизнедеятельности, поскольку они различаются по своим функциям: приспособление к среде, изменение среды и самого себя и самооценку внутренней душевно-духовной жизни (психология в данном контексте не сводится к программному обеспечению природного и социального поведения). Например, рука как часть тела, как обученная рука и как рука любимого человека (то же самое относительно потребностей и т.д.). По опыту знаю, что такой подход с трудом поддается

его усвоению, его просто пропускают мимо глаз и ушей.

Ряд *бытийных* сторон САЦ и её жизнедеятельности, представляющих собой интерпретацию на человека и общество онтологических видов бытия и также атрибутивных в разных отношениях любым их проявлениям. Интерпретацией объективной реальности (материи) является жизнедеятельность как *естественноисторический процесс*, в рамках которого САЦ существует по объективным законам (отношениям, с необходимостью или вероятностью повторяющимся при определенных условиях). Интерпретацией субъективной реальности (я рассматриваю её как всеобщий атрибут любого существования, в основе которой лежит *неповторимое* начало) выступает *деятельность* субъекта как проявление его идеальных проектов, за которыми в глубине стоят ценности – аксиоматические для данного субъекта основания выбора целей и средств деятельности. В рамках естественноисторического процесса как объективной среды, в которой возникают и реализуются субъективные проекты и ценности, объективное бытие (а не бытие вообще) определяет субъективную реальность («сознание»). Напротив, деятельность (проявление субъективной реальности) определяет доопределение бытия, осуществляемое субъектом на основе его проектов и в соответствии с его базовыми ценностями. САЦ как результат естественноисторического процесса выступает как *естественноисторическая формация* (обобщение марксова понятия общественно-экономической формации, суть которого будет раскрыта чуть ниже), а как результат деятельности – в качестве *культуры*. Последнее понятие никак не вписывалось в рамки исторического материализма, ибо в нем жизнедеятельность сводилась к естественноисторическому процессу, по отношению к которому деятельность оказывалась лишь способом реализации объективных законов, т.е. субъективное «в конечном счете» редуцировалось к объективному.

Интерпретацией присутствия трансцендентной реальности (духовной основы целостности мирового бытия) в жизни общества является *глубинное общение* (термин Г.С. Батищева) души с Духом, что выражается в наличии и характере духовной

атмосферы, доминирующей в САЦ. Минимизация и искажение этой атмосферы ведет к формированию антижизненной и античеловеческой направленности САЦ, что мы и видим в цивилизации, порождаемой несправедливо проводимой глобализацией.

Характер взаимодействия естественноисторического процесса и деятельности (естественноисторической формации и культуры) в «эфире» духовной атмосферы позволяет реализоваться жизнедеятельности в определенном образе жизни – том пути, который прокладывает субъект, руководствующийся своими ценностями, в объективных условиях, препятствующих или благоприятствующих его выбору.

Категории бытийного ряда могут показаться «слишком абстрактными», если не сделать следующий шаг от абстрактного к конкретному, не понять их как атрибутивные характеристики любых проявлений предметного ряда. В этот ряд входят сферы жизнедеятельности и институты, каждый из которых необходим, а все вместе необходимы и достаточны для существования и воспроизводства существования САЦ, т.е. для её функционирования, развития.

Сама идея сферного представления общественной жизни была выдвинута и развита Л.И. Семашко (Семашко Л.И. Сферный подход. СПб. 1992); в контексте моей концепции она получила самостоятельную интерпретацию. Сферы – это предельно общие области жизнедеятельности, которые различаются по предмету на их «входе» и конечному продукту на «выходе». Проведя мысленный эксперимент «коллективной робинзонады», нетрудно увидеть, что любому обществу, чтобы начать и продолжить свое существование необходимо и достаточно: иметь вещество и энергию и переработать их в продукты материальной жизнедеятельности (материальная сфера); обладать информацией, перерабатываемой в идеальные проекты, управляющие жизнедеятельностью (духовная сфера); иметь биологических индивидов и формировать из них людей, удовлетворяющих требованиям САЦ (сфера формирования человека); поддерживать определенный уровень единства системы общества в целом в условиях разнообразных и противоречивых тенденций и интересов подсистем, образующихся в названных выше сферах (организацион-

ная сфера). Все остальные подразделения находятся внутри этих сфер или могут образовываться на их пересечении.

Важно понять, во-первых, что ни одна из этих сфер не является «абсолютным началом», порождающим другие и, в «конечном счете» (как любил говорить Ф. Энгельс относительно «базиса»), диктующим им следование её объективным законам. Они выступают по отношению друг к другу не как причина и следствия (даже и с учетом обратного влияния), но как необходимые и достаточные компоненты для определенного уровня взаимодействия, обеспечивающего существование САЦ и переход на следующий уровень взаимодействия и существования (то есть расширенного воспроизводства). Это взаимодействие и является полной причиной результатов жизнедеятельности. Во-вторых, сферы – это не просто области общественного производства: марксистские термины «духовное производство» или «производство человека человеком» всегда резали мне слух. Для их полной характеристики к ним надо приложить предыдущие категориальные ряды. И тогда окажется, что субъект и его жизнедеятельность в них всегда выступают в природном, социальном и психологическом аспектах, и эта жизнедеятельность одновременно, но в разных отношениях и с разной степенью выраженности, содержит в себе и естественноисторический процесс (собственно производство, подчиняющееся объективным законам), и деятельность, в которой реализуются идеальные проекты и базовые ценности, и глубинное общение, свидетельствующее о мере её одухотворенности. В любой из сфер в рамках естественноисторического процесса люди действуют «независимо от их воли и сознания», а в рамках деятельности, – напротив, преобразуемая реальность определяется их волей и сознанием. И эти противоположные зависимости не исключают, но взаимно дополняют друг друга.

Внутри названных сфер и на их пересечении формируются различные институты – учреждения, объединяющие и регулирующие различные предметные формы жизнедеятельности. Их не следует путать с «похожими» универсальными видами жизнедеятельности, в которых выражается сущностная специфика человека. Универсальные виды присутствуют в той

или иной мере в любой предметной форме, но один из них оказывается доминирующим, специфическим для получения данного конечного продукта. Например, и познание, и эстетическое освоение действительности, и политический уровень общения есть в таких институтах, как наука, государство и искусство. Но именно познание задает специфику науки, эстетическая жизнедеятельность – искусства, политическое общение – государства. В свою очередь, в каждом из институтов имеют место естественноисторический процесс, деятельность, глубинное общение и соответственно их результаты «оседают» в естественноисторической формации, культуре и духовной атмосфере и формируют «обустройство» образа жизни в целом.

Теперь мы можем более конкретно представить себе содержание естественноисторической формации. Это – на атрибутивном уровне – система сфер жизнедеятельности, которые, напомним, необходимы и достаточны для существования формации. Данный уровень подлечит ведению социальной философии. История же, понятно, переходит и на более детальный уровень конкретизации, рассматривая и те институты, которые не носят атрибутивного характера, не обязательно присутствуют в любом обществе и на любом этапе развития. Так, организационная и духовная сфера в тех или иных формах присутствуют везде, а государство и наука соответственно – не на всех этапах и не во всех культурах. Поэтому, стремясь к системному анализу содержания формации, мы не должны смешивать, допустим, политическую деятельность, объективные законы существования института политики в рамках организационной сферы и организационную сферу как таковую. В марксистском понимании состава «надстройки» такие различия отсутствовали.

Различные модели общества как особого рода формации, представленные в социальной философии, отражают частные ситуации, имевшие место в истории или принципиально возможные. Действительно, на определенном этапе и в определенной культуре может доминировать экономика (материальная сфера), и в этом интервале уместно использование марксовой модели общественно-экономической формации. Но, переходя к другим историческим ситуациям, мы видим уместность использования моделей «общественно-религиозной формации» типа М. Вебера или А. Тойнби. В других же случаях весьма бы пригодилась ещё не построенная модель «общественно-политической формации» и т.д. Но, дабы не приписывать таким частным моделям всеобщего объяснительного значения (что немедленно превращает их в то, что В.С. Соловьев называл «ложными отвлеченными началами»), необходимо понимать их в контексте общего инварианта – естественноисторической формации, включающей в себя предметные сферы, наличие и определенное соотношение которых имеет место в любых частных случаях. Поясним это аналогией с медициной. В общем случае любая болезнь имеет в качестве полной причины взаимодействие внешнего патогенного фактора и внутреннего состояния организма. Однако в ряде болезней явно доминирует сила внешнего возбудителя (например, массовые инфекции), а в других – внутренняя предрасположенность (например, наследственные заболевания).

Итак, мы рассмотрели онтолого-методологическую схему бытия и изучения жизни общества пока, так сказать, на статическом уровне, выявив общую структуру взаимодействия необходимых и достаточных атрибутивных факторов.

(Продолжение следует)

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6.

ФАКТОРЫ И ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 351:338.2

В.Г. ИГНАТОВ

На рубеже XX и XXI веков в стране немало сделано и делается по повышению эффективности государственного и муниципального управления. И тем не менее социально-экономическое положение населения и социальной сферы в целом во многих субъектах Российской Федерации и в большинстве муниципальных образований остается все еще весьма сложным.

Население России несколько лет сокращалось на 600-700 тыс. человек. В итоге за 1992-2008 гг. совокупная естественная убыль населения страны составила 12,6 млн. чел. Это произошло во многом из-за слабого развития системы здравоохранения, пенсионного обеспечения, недостаточной поддержки семей с детьми. В 2009 г. естественная убыль населения России составила 249,4 тыс. чел. Но за счет притока мигрантов его удалось сохранить на уровне 2008 – 141,9 млн. чел.

Проявляя озабоченность сокращением численности населения страны, Минздравсоцразвития РФ разработал проект Концепции развития здравоохранения до 2020 г., согласно которому к 2011 г. ожидается прекращение убыли населения России, а к 2020 г. доведение его численности до 145 млн. чел.

Плохо и то, что средняя продолжительность жизни россиян – 68 лет. В то же время в Исландии, Италии, Швейцарии и Швеции она составляет в среднем 81 год, в Испании, Норвегии и во Франции – 80 лет.

Столь малая сейчас продолжительность жизни связана прежде всего с высокой смертностью населения в трудоспособном возрасте. Но и детская смертность у нас все еще в 1,5-2 раза выше, чем в развитых странах.

За последнее десятилетие в России во многом, из-за весьма неблагоприятных социально-экономических условий проживания, население Дальнего Востока сократилось на 40%, Крайнего Севера – на 60%.

Только в Сибири за последние годы исчезло 290 городов и 11 тысяч сельских населенных пунктов. При этом за последние 10 лет, по данным Росстата, в стране закрыто 3,2 тыс. больниц, 2,5 тыс. поликлиник, 7,8 тыс. школ; за последние 15-17 лет в стране исчезло более 40 тыс. детских садов.

В условиях глобального кризиса многие министерства и ведомства Российской Федерации и субъектов РФ обращали внимание на необходимость всемерной экономии финансовых ресурсов, сокращения административных расходов, направления сбереженного на решение социальных проблем и развитие социальной сферы. На деле же получилось иное. Так, по данным Росстата и Федерального казначейства, за 1-е полугодие 2009 г. по сравнению с 1 полугодием 2008 г. выросли расходы в целом на государственное управление (со 113 до 131,5 млрд. руб.) и в расчете на одного россиянина (с 795 до 927 руб.).

При этом выросли расходы на содержание органов государственной власти во всех федеральных округах и в большинстве субъектов Российской Федерации.

За 2005-2009 годы, по данным Росстата, выросла численность чиновников всех ветвей власти во всех федеральных округах на 45%, причем Южном округе – на 53%, в Северо-Западном – почти на 78%.

За минувшие почти 20 постсоветских лет, к сожалению, мало что сделано по развитию, обновлению и совершенствованию весьма изношенной, по данным Росстата, Минрегиона и Ростехнадзора, инфраструктуры.

Еще один аспект: минимальная зарплата в России, как известно, не должна быть ниже прожиточного минимума. Однако в IV квартале 2009 г. по данным Росстата [2, с. 18], он составлял всего 5,2 тыс. руб. – это всего 171 доллар или 114,4 евро (по курсу на 21 октября 2009 г.). В то же время в Испании, где самый высокий уро-

вень безработицы, минимальный размер зарплаты – 631 евро (27,6 тыс. руб.), в Португалии – 437 (19,1 тыс. руб.), в Венгрии, очень пострадавшей от кризиса – 229 (10 тыс. руб.), в Латвии, где остановились производства и прокатились мощные протестные манифестации – 232 евро (10,1 тыс. руб.). В 2009 г., по данным Росстата, примерно 14% работников трудоспособного населения имели среднемесячную зарплату ниже прожиточного минимума, а более 92 % россиян, согласно результатам мониторинга доходов и уровня жизни, проводимого Всероссийским центром уровня жизни, имели зарплату, недостаточную для жизни по средним стандартам.

Но и среднемесячная номинальная начисленная зарплата в России, по данным Росстата, составляла в 2009 г. 18,8 тыс. руб. [2, с. 19], т.е. не так уж и велика – это всего лишь 0,6 тыс. долл. (по курсу на 21 октября 2009 г.), тогда как в США она составляет 3,5 тыс. долл. (почти в 6 раз больше), в странах Европейского сообщества – в среднем – 5,3 тыс. долл. – почти в 9 раз больше, чем в России.

При этом если в России бедными считаются лица, имеющие доход ниже прожиточного минимума, то во многих зарубежных государствах – те, у которых он меньше двух прожиточных минимумов.

За 1992 – 2009 гг. резко увеличилась неравномерность распределения населения по уровню доходов. Это способствует усилению социально-политической напряженности в стране и является одним из конфликтогенных факторов. На рубеже веков на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 32% денежных доходов, тогда как на долю 10% наименее обеспеченного населения – всего 2,4%, т.е. в 13 раз меньше. В мае 2009 г. различие в доле этих слоев населения увеличилось до 17 раз, в декабре 2009 г. – до 40 раз. В ряде же стран, где поощряется индивидуальное обогащение, разрыв не превышает 8–9 раз, а в странах ЭЭС он составляет всего 3–5 раз.

Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, в 2000 – 2008 годах, постоянно сокращающаяся, уменьшилась с 42,3 млн. чел. до 18,6 млн. чел., в I квартале 2010 г. вновь увеличилась до 25 млн. чел. (17,4% населения России). Сегодня 63 % населения имеют доходы ниже 15 тыс. руб. в месяц.

Очень остро стоит в России и проблема весьма низкого уровня пенсий, полу-

чаемых большинством пенсионеров, в т. ч. и инвалидов. Пенсия нашего среднестатистического пенсионера составляет всего 23 – 24% от его заработной платы, которая, как было показано выше, в разы меньше, чем в странах Европы и Северной Америки. Важно и то, что в среднем по странам Европейского Союза этот показатель, называемый коэффициентом замещения, составляет 65%. Во Франции он равен 50%, в Швеции и Германии – 65 %, а итальянские и испанские пенсионеры получают 90% от своей прежней зарплаты. Конечно, новый этап пенсионной реформы, усиление в ходе ее страховых начал, так называемая «валоризация», учет «советского стажа» работников позволит повысить размеры пенсий уже в 2010 г. Но и в этом случае заявленный коэффициент замещения зарплаты составит для большинства пенсионеров не более 40%.

Положение малообеспеченных слоев населения резко ухудшается и в связи с тем, что за 7 лет – 2003 – 2009 гг. тарифы на коммунальные услуги выросли в 9,5 раза, хотя износ жилого фонда и коммуникаций ЖКХ, как было показано выше, весьма велик. Только за январь – март 2010 г. тарифы ЖКХ в целом по стране выросли на 20–30%. Причем их рекордный рост зафиксирован в Северо-Кавказском регионе. Например, в г. Грозном рост тарифов ЖКХ в январе 2010 г. составил 80%, в г. Махачкале – 194%.

И это в то время, когда многим жителям России, по данным Росстата, приходится жить в аварийном жилье (его площадь составляет 11 млн. кв. метров); еще больше живут в ветхих зданиях – это 93 млн. кв. метра жилой площади.

Обращают на себя внимание и чрезвычайно большие различия между макро-регионами России в удельном весе проживающего в них населения и объемом производимого ВВП. Так, на европейскую часть (25% площади России) приходится около 80% ее населения и более 70% ВВП страны. В то же время Дальний Восток занимает 36% территории России, а проживает здесь менее 5% населения страны. За последние 15 лет две трети трудоспособного населения Сибири и Дальнего Востока покинули эти регионы, неудовлетворенные сложившимся здесь уровнем жизни. Интересна и другая, имеющаяся в печати информация, ярко показывающая неравномерность расселения населения и производимого в различных регионах

страны ВРП. Так, на территории, расположенной в радиусе 1 тыс. км от Саратова, проживает около 40% населения России и производится 45% ВРП, тогда как на такой же территории вокруг Улан-Удэ живет всего около 3% населения страны и создается примерно эта же доля ВРП [2, с. 19].

Необходимо дальнейшее совершенствование размещения населения и производства ВРП, для чего, в свою очередь, тоже необходимы значительные не только финансовые, но и материальные и трудовые ресурсы.

Конечно, для того, чтобы решить рассмотренные выше и многие другие проблемы, в том числе преодолеть чрезмерные различия в уровне социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, повысить уровень жизни большинства населения страны, развить социальную сферу, нужны весьма значительные не только материальные, но и финансовые ресурсы.

В условиях глобального экономического кризиса, охватившего и Россию, согласно Федеральному закону от 28 декабря 2009 г. № 382-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2008 год», федеральный бюджет 2008 г. был бездефицитным.

Совершенно иная ситуация сложилась, к сожалению, в 2009 г.: доходы консолидированного бюджета субъектов РФ составили 5,9 трлн. руб., расходы – 6,25 трлн. руб. Как видим, дефицит консолидированного бюджета субъектов РФ в 2009 г. превысил 300 миллиардов руб. При этом федеральный центр направил субъектам РФ 1,5 трлн. руб.

Утвержденным Федеральным законом от 2 декабря 2009 г. №308-ФЗ «О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов» прогнозируемый дефицит федерального бюджета составит в 2010 г. 2 трлн. 937 млрд. руб., в 2011 г. – 1 трлн. 934 млрд. руб., в 2012 г. – 1 трлн. 611 млрд. руб.

По прогнозам заместителя Председателя Правительства РФ Министра финансов России А.Л. Кудрина федеральный бюджет будет дефицитным до 2015 г., хотя уже в ближайшие годы разницу между доходами и расходами удастся сократить до минимума. Однако в 2010 г. и ближайшие последующие годы к сожалению, уменьшатся расходы федерального бюджета на охрану окружающей среды, образование, культуру, социальную политику, трансферты регионам.

2009 г. был весьма сложным для России. ВВП у нас за 2009 г. сократился на 14%, индекс промышленного производства – на 10,8 %, индекс производства продукции сельского хозяйства составил всего 101,2%.

Существенными мерами для пополнения бюджета Российской Федерации и консолидированных бюджетов субъектов РФ, решения стоящих перед Россией социальных проблем и задач, о которых шла речь в данной статье, по моему мнению, могут быть следующие:

1. *Значительное сокращение чрезмерно раздутого аппарата управления как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях, а так же расходов на его содержание.*

2. *В действующее законодательство, на мой взгляд, следует внести изменения, обязывающие предприятия (многие из которых зарегистрированы в офшорных зонах и переводят туда свою прибыль или по указанию власть имущих регистрируют предприятия в определяемых им субъектах РФ) платить налоги там, где они фактически работают и используют местные ресурсы, в том числе и трудовые.*

3. *Необходим переход от так называемой «плоской» шкалы подоходного налога к прогрессивной шкале налога на доходы физических лиц – чем больше доход, в т.ч. и дивиденды, получаемые бонусы и т.п. выплаты, тем выше и ставка подоходного налога. Вряд ли это справедливо и правильно, когда и малообеспеченные лица, получающие денежный доход, который едва дотягивает до минимального размера оплаты труда, уплачивают те же 13%, что и долларовые миллиардеры и миллионеры. Прогрессивный подоходный налог давно введен во многих капиталистических странах. Так, в Швеции верхняя ставка подоходного налога различается от 0 до 57%, во Франции – от 5,5 до 40%, в Дании верхняя ставка установлена на уровне 61%, в Италии от 23 до 43%, в Китае – от 5 до 45%, в Португалии – от 0 до 45%. При этом прогрессивная шкала налогообложения во Франции включает 7 ступеней, в США – 5, в Австрии, Германии, Нидерландах – 4.*

Введение в стране плоской шкалы подоходного налога в свое время сыграло положительную роль, позволило увеличить его собираемость. Переход же России к прогрессивной шкале подоходного налога в условиях дефицита федерального, регио-

нальных и местных бюджетов мог бы существенно повысить наполняемость бюджетов и поддержку социальной сферы, уменьшить социальное расслоение населения, повысить доходы наименее обеспеченного населения, в т.ч. пенсионеров, способствовать формированию среднего класса.

По данным Росстата, по итогам января-ноября 2009 г. поступления от налога на доходы физических лиц составили 1437 млрд. руб., или 25,4% доходов консолидированного бюджета страны (без учета единого социального налога). При этом 96,6% всех доходов от налога на доходы физических лиц обеспечило обложение по ставке 13%. Только 3,4 % пришлось на налог с дивидендов, которые почему-то облагаются по ставке всего в 9%.

Увеличение средней ставки налога на доходы физических лиц всего на 3 – 3,5% позволит, по мнению ряда ученых, полностью снять проблему поиска средств для региональных дотаций при сохранении льгот для занятого населения с доходами ниже минимального размера оплаты труда.

4. *Следует также ввести повышенные ставки налога на сверхдорогостоящее имущество и предметы роскоши, налога на сверхприбыль и на вывоз капитала.* В кризисный 2008 г. резко увеличился отток капитала российских бизнесменов в страны, имеющие льготный налоговый режим и хранящие финансовую тайну (Швейцария, Кипр, Великобритания и др.). По сравнению с предыдущим годом отток капитала из России увеличился на 55% – всего из страны в зарубежные банки ушло около 129 млрд. долл. Продолжался этот процесс и в 2009 г. – отток капитала может составить 100 млрд. долл. Отток капитала, исчисляемый сотнями миллиардов долларов, наносит серьезный урон экономике и социальной сфере России.

Важно и то, что подобные меры могли бы во многом способствовать сокращению чрезмерной дифференциации доходов между наиболее обеспеченными по уровню доходов и наименее обеспеченными россиянами.

В конце 2007 г. законопроект о введении в России налога на роскошь был

внесен в Госдуму группой депутатов от партии «Справедливая Россия». Только в мае 2010 г. прошло его первое обсуждение. Однако и профильный комитет Госдумы по бюджету и налогам, и Министерство финансов, и официальный отзыв Правительства РФ, не поддержали данный законопроект. Как утверждается в правительственном отзыве, «реализация законопроекта приведет к двойному налогообложению», что якобы неконституционно¹ и противоречит федеральному закону «О налогах на имущество физических лиц» и новому Налоговому кодексу.

Однако известно, что Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации имеет богатый опыт изменения не только федеральных законов, но и кодексов.

5. Давно настало время, как это уже сделано в ряде зарубежных стран (во Франции, Великобритании, в США), *ввести налог на чрезмерно большие доходы и бонусы, получаемые главами и членами правления компаний, в том числе госкорпораций, особенно тех, которые далеко не успешно обеспечивают их функционирование и получают финансовую помощь от государства.*

По примеру ряда зарубежных правительств следует *ввести и практику налогообложения по повышенным ставкам огромных дивидендов и нередко – малоуслугенных бонусов, получаемых «по итогам года» руководителями и членами совета директоров банков, госкорпораций, некоторыми министрами, руководителями агентств и служб, рядом губернаторов.* Получаемые подобным путем финансовые ресурсы вполне могли бы быть использованы как льготные кредиты или добавлены к бюджетным расходам для решения многих названных выше проблем, в т.ч. для совершенствования и развития образования, здравоохранения, всей (во многом заброшенной) социальной сферы.

Как следует из сообщений прессы, 2009 г. оказался для «Газпрома» одним из худших – добыча газа сократилась более чем на 16%, экспорт – на 13%, а валовая прибыль снизилась на 21%. И тем не менее на выплаты 17 членам правления в

¹ В Конституции Российской Федерации о налогах записано лишь в статье 57, которая гласит: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют». Как видим, в Конституции РФ записано лишь то, что «новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют». Так что ничто не мешает установить такие новые налоги, которые будут действовать с определенной будущей даты и не будут иметь «обратной силы».

«Газпроме» было выделено 1,044 млрд. руб. То есть каждый из них за весьма неудачный год в среднем получил по 64,4 млн. руб.: зарплата составила 26 млн. руб., премии – 26 млн. руб., вознаграждения – около 18 млн., льготы – более 5 млн. и прочие выплаты (они не расшифрованы) – 4,2 млн. руб. По сравнению с 2008 г. в 2009 г. выплаты им выросли на 25%. Вряд ли соответствуют экономическим «успехам» «Транснефти» – крупнейшего отечественного транспортировщика нефти, и то, что его топ-менеджеры получили в среднем на одного члена правления в 2009 г. по 58,4 млн. руб. в виде зарплаты и премии – почти в два раза больше, чем в 2008 г.

6. Следует ввести практику, которая имела место в императорской России, а в ряде зарубежных стран есть и сейчас, применения штрафных санкций к тем депутатам и членам Совета Федерации, которые пропускают заседания парламента без действительно уважительных причин. Введение таких штрафных санкций было бы полезно и по отношению к депутатам всех других уровней. Оно не только способствовало бы экономии бюджетных средств (хотя и не очень значительной), но и повышению качества принимаемых федеральных законов и законов субъектов РФ. Долгое время голосование при их обсуждении зачастую проходило в полупустых залах, при полной незаинтересованности в законодательном творчестве многих депутатов, когда в зале нередко остается всего 75–100 «дежурных» депутатов Госдумы из 450 избранных.

7. Давно настало время также снизить непомерно высокие ставки кредитов, навязываемые населению и предпринимателям многими банками, и огромные наценки на товары, реализуемые рядом крупными торговыми сетями.

Центральный банк России долгое время давал кредит другим банкам под 10–13%, но с такой стоимостью кредитов развивать реальный сектор и социальную сферу почти невозможно. Только 30 октября 2009 г. Центробанк установил ставку рефинансирования на беспрецедентно низком уровне – 9,5%, на котором она никогда ранее не была, затем понизил ее 28 декабря 2009 г. до 8,75 %.

8. Органам государственной и муниципальной власти России следует, на мой взгляд, усилить государственный и муниципальный контроль над необоснованным завышением монополистами тарифов на газ, электроэнергию, воду и иные коммунальные услуги, в том числе с помощью применения системы тарификации, учитывающей доходность инвестируемого капитала. Настало также время убрать из механизма ценообразования ненужных посредников и усилить государственный и муниципальный контроль над ценами на продовольственные и иные социально значимые товары массового спроса.

9. В интересах сохранения целостности России необходима последовательная работа по выравниванию уровней социально-экономического положения населения и возможностей развития субъектов РФ, по оказанию неотложной помощи «проблемным» территориям в соответствии с федеральными программами их развития, особенно помощи депрессивным регионам – Крайнему Северу, Дальнему Востоку, Северному Кавказу, многим приграничным районам в целях сохранения целостности страны.

10. Исключительно важно также развивать средства коммуникации, авиационного и железнодорожного сообщения, строить автомобильные дороги между субъектами Российской Федерации. Это позволит как бы приблизить их друг к другу и к федеральному центру, будет способствовать усилению единства страны и сокращению безработицы.

Конечно, все эти предложенные выше меры требуют совершенствования действующего законодательства и не все они могут быть поддержаны депутатами Государственной Думы и членами Совета Федерации. Ведь среди них, как известно, есть немало довольно состоятельных людей, в том числе не только рублевых, но и долларовых миллиардеров и миллионеров. Многие из них, судя по их декларациям о доходах и, особенно, по декларациям их жен, совсем не заинтересованы в изменении действующего налогообложения, в том числе в принятии ряда вышеназванных предложений, поскольку это приведет к некоторому сокращению их личных доходов.

1. Возжеников А. Региональная асимметрия и угрозы целостности страны / А. Возжеников, В. Стрельченко // Государственная служба. – 2009. – №1. – С. 46–48.

2. Основные показатели социально-экономического положения субъектов РФ в 2009 г. // Российская газета. – 12 марта 2010 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ

УДК 332.21

А.А. БОРИСЕНКОВ

Предпосылкой данного исследования служит раскрытие политической структуры. Вследствие этого в политической сфере обнаруживается особое явление, которое называется политическим влиянием. Выясняется, что политическое влияние составляет один из элементов указанной структуры и одновременно один из способов политического бытия, посредством которого реализуется назначение политики в жизни общества [2]. Возникает необходимость объяснить, что есть политическое влияние.

Рассмотрим некоторые представления о политическом влиянии, имеющиеся в политологической литературе.

Представления о политическом влиянии

Понятие политического влияния не получило широкого распространения в политической науке. Однако ряд политических исследователей обращается к этому явлению и большей частью связывает его с политической властью. Стремясь определить особенности политического влияния, политологи или отождествляют его с политической властью, или же характеризуют его как некую разновидность этой власти. Приведём несколько примеров.

К.С. Гаджиев, выясняя соотношение указанных понятий, пишет: «Влияние – наиболее общее понятие. Оно охватывает все формы убеждения, давления, принуждения. В принципе политическую власть и политическое влияние трудно отличить друг от друга. Власть представляет собой определённую форму влияния, влияние же в свою очередь включает властный компонент. Власть отличается от влияния тем, что она опирается на санкции, т.е. может использовать насилие или угрозу применения насилия в случае отказа подчиниться повелению или приказу. Влияние предполагает, что то или иное лицо может изменить своё поведение или образ жизни, следуя примеру или совету другого лица» [4, с. 125].

В качестве наиболее важных для нас идей в этом суждении можно выделить следующие: власть есть форма влияния; влияние включает в себя властный компонент; влияние предполагает возможность определённого изменения. Эти пункты заслуживают аналитического внимания и нуждаются в некоторых уточнениях.

Во-первых, с позиции формальной логики, политическое влияние своим содержательным объёмом никак не соотносится с политической властью. Это разные явления. Поэтому ни одно из них не может включать в себя другое или же служить его формой или компонентом.

Однако они действительно связаны между собой. Политическое влияние опирается на политическую власть. Подчёркнём: без использования политической власти, а значит, осуществления политической деятельности политическое влияние не может состояться. Политика перестаёт быть политикой, если она не имеет такой основы как политическая власть, посредством которой только и может оказывать своё влияние.

Во-вторых, всякое влияние не столько предполагает возможность изменения, сколько означает изменение, проявляется в изменении, заключается в нём. Влияя, мы изменяем. Если есть влияние, то обязательно есть и изменение. Влияние и изменение – два неразрывно связанных между собой процесса. И наоборот, если нет изменения, то как можно утверждать, что состоялось влияние?

Проблема здесь заключается в том, что влияние часто смешивается с таким явлением как воздействие. Воздействие действительно содержит в себе возможность изменения. В свою очередь изменение и влияние служат уже результатом воздействия. Воздействуя на объект, мы получаем возможность влиять на него и тем самым производить в нём какие-то изменения. Например, воздействуя на че-

ловека, мы или содействуем его жизнедеятельности, или противодействуем этому, а в результате определённым образом влияем на него и изменяем его.

Ещё один подход к политическому влиянию предложен В.Г. Ледяевым. В отличие от упомянутого выше автора, рассматривающего власть как *форму влияния*, этот исследователь, наоборот, трактует политическое влияние как *форму политической власти*. Он пишет: «Основными формами политической власти являются государственная власть, политическое влияние и формирование политического сознания». [7, с. 82]. Видно, что данная позиция существенно отличается от предыдущей точки зрения. Но и она не является обоснованной. Автор не приводит никаких аргументов, объясняющих, почему политическое влияние следует рассматривать именно как форму политической власти.

Он предлагает такое определение: «Политическое влияние представляет собой способность политических субъектов оказывать целенаправленное воздействие (прямое или косвенное) на поведение государственных служащих и принимаемые ими государственные решения» [7, с. 84].

Из высказывания видно, что политическое влияние по существу сводится здесь к способности «оказывать воздействие». В результате возникают, как минимум, две проблемы. В-первых, сводя влияние к воздействию, автор тем самым отождествляет эти понятия, что противоречит действительности. Во-вторых, характеризовать влияние как способность оказывать воздействие – это всё равно, что сводить действие к его источнику, процесс к его возможности. Рассмотрим подробнее соотношение влияния и воздействия.

Нам представляется, что как явления они действительно тесно связаны между собой. Но располагаются они относительно друг друга так, что воздействие предшествует влиянию и служит его предпосылкой. В свою очередь влияние является результатом воздействия, обусловлено им. Нельзя влиять, не воздействуя. Это означает, что *влияние опосредовано воздействием*.

Возможна и такая ситуация, когда воздействие состоялось, а желаемого результата (изменения) не произошло. Получается, что и влияние не состоялось. В управленческой практике такое бывает.

Например, государство, воздействуя на общество методами ограничений и запретов и преследуя при этом «благие» цели, нередко получает обратные результаты. Не всякое воздействие вызывает желаемые изменения, а значит, сопровождается необходимым влиянием. Воздействие может оказаться безрезультатным.

Сказанное подводит к следующим выводам. Воздействие и влияние необходимо рассматривать как различные явления. Они различны как по времени своего осуществления, так и по своим результатам, а значит, и по своей сущности. Кроме того, важнейшая особенность всякого влияния заключается в том, что оно опосредовано воздействием.

Применительно к объекту нашего исследования это означает, что политическое влияние опосредовано соответствующим ему воздействием, политическим воздействием. В свою очередь политическое воздействие сопряжено с руководящими решениями, составляющими сущность политики [1]. Следовательно, политическое влияние необходимо рассматривать как результат воздействия руководящих решений.

Кроме отмеченных выше точек зрения примечательно толкование политического влияния, предлагаемое в Политической энциклопедии. Сущность политического влияния усматривается здесь в «способности влиять», т.е. влияние сводится к его возможности, о чём уже говорилось. Но далее утверждается: «В условиях демократии максимальным влиянием политическим обладают конституционные органы власти, принимающие и выполняющие политические решения. Большой потенциал влияния политического у средств массовой информации (пресса, радио, телевидения), авторитетных деятелей науки, культуры, лидеров общественных движений. Определённое влияние на будущее политической жизни общества оказывают путём своего волеизъявления и избиратели» [6, с. 212].

Данный подход к политическому влиянию является, на наш взгляд, противоречивым. В одном случае, применительно к органам власти, признаётся значимость принимаемых ими руководящих решений, посредством которых действительно осуществляется политическое влияние. В другом случае возможность политическо-

го влияния связывается с институтами и социальными субъектами, которые политической властью не обладают.

Главный недостаток изложенной позиции состоит в том, что в ней не объясняется, почему названное влияние следует рассматривать как политическое. Общественная жизнь показывает, что отмеченные институты и социальные субъекты действительно могут и воздействовать, и влиять. Можно даже с уверенностью сказать, что влияние этих институтов и субъектов носит характер, который определяется их природой. Например, влияние избирателей выступает как электоральное. Название этому влиянию даёт его происхождение. Однако остаётся не ясным, почему это влияние надо также считать ещё и политическим. Аргументы никакие не приводятся. Критерии политического влияния не выявлены. Отсюда вывод: вопрос о политическом влиянии остаётся нерешённым и сущность его не установлена.

Сущность политического влияния

Раскрывая его сущность, мы исходим из основ, благодаря которым политика формируется и развивается как особое явление и в итоге осуществляет своё назначение. К ним относится особый вид социальной активности, называемый политической деятельностью, а также политическая власть, использование которой составляет содержание этой деятельности. Политическая деятельность и политическая власть служат основами всего политического содержания, всех политических явлений, включая и политическое влияние. Политическое влияние – это такой же результат политической деятельности, как и политическая жизнь [3]. Это, во-первых.

Во-вторых, для объяснения политического влияния большое значение имеет понимание его связи с таким явлением, как *правление*, которое, в свою очередь, сопряжено с принятием руководящих решений. Подчёркнём: политическое влияние есть особый вид общественного влияния, который существует наряду с другими видами, например, экономическим влиянием или демократическим влиянием. Политическое влияние – это влияние самой политики как особого общественного явления.

В отличие от других видов общественного влияния политическое влияние является результатом политической де-

ятельности. Субъекты политики являются пользователями политической власти и, как следствие, исполнителями политической деятельности. Используя политическую власть, они принимают руководящие решения, а в итоге творят (создают) политику как особое явление.

Такая активность политических субъектов, приводящая к принятию руководящих решений, служит особым явлением политической деятельности и называется *правлением*. Править – значит принимать руководящие решения. Принимая руководящие решения, политические субъекты тем самым осуществляют политическую деятельность. В результате мы можем сделать следующий вывод: *правление – это способ осуществления политической деятельности, состоящий в принятии руководящих решений*.

Понятие *правления* не разработано в политологической литературе. Вниманию исследователей политики концентрируется на различных формах *правления*. Например, парламентской или президентской. Выделяются их признаки. Однако сущность *правления* не раскрывается. В результате остаётся не ясным значение этого явления для политического влияния. А оно состоит в том, что осознаётся связь политического влияния с принятием руководящих решений, которые в свою очередь создают предпосылки для этого влияния и способствуют его осуществлению. В итоге складывается важный вывод: *правление определяет собой характер политического влияния. Каково правление, таково и политическое влияние*.

В-третьих, раскрывая сущность политического влияния, необходимо учитывать тот факт, что политика является одной из функций социального управления. Политика – это особое управленческое явление, но функционирует она только в системе этого управления, в его управленческом организме, выполняя в нём одну из функций. Вне социального управления, «сама по себе» она не существует.

Её функция в этой системе называется политическим влиянием и существует она наряду, например, с такими функциями управленческого организма как организация и регулирование исполнения решений, само исполнение решений, а также контроль за этим исполнением.

Политика – это явление социального управления. Поэтому, раскрывая сущность политического влияния, мы должны исходить из понимания особой роли политики в системе данного управления.

Политика влияет на исполнительные функции в системе социального управления. Это означает, что политика осуществляет в его управленческом организме руководящую функцию. Именно это характеризует её особое место и роль в системе данного управления.

Однако прежде чем определить сущность политического влияния, обратим внимание на вопрос, что есть социальное управление, компонентом которого является политика. Представление о социальном управлении имеет особое значение для правильного понимания политического влияния.

В политологической литературе можно встретить различное толкование социального управления. Чтобы подчеркнуть особенности нашего подхода, обратимся к следующему определению. В социологическом энциклопедическом словаре утверждается, что социальное управление – это «один из основных видов управления, функция которого заключается в обеспечении реализации потребностей развития общества и его подсистем; функция его заключается в формировании критериев и показателей социального развития объекта, выделении возникающих в нём социальных проблем, разработке и применении методов их решения, в достижении планируемых состояний и параметров социальных отношений и процессов» [8, с. 380].

На наш взгляд, данное определение является не очень удачным, оно носит громоздкий и усложнённый для восприятия характер и при этом не выделяет необходимые признаки социального управления. Например, представляется важным подчеркнуть, что социальное управление есть определённый способ воздействия на общество. Кроме того, в характеристике социального управления необходимо точнее отразить его назначение, с которым связаны особенности данного управленческого воздействия.

В приведённом определении назначение социального управления усматривается «в обеспечении реализации

потребностей развития общества». Такая характеристика социального управления, на наш взгляд, искажает его. Она смещает акцент с его непосредственного и действительного назначения, состоящего в том, чтобы служить жизнедеятельности управляемого объединения людей, в сторону возможного результата этой жизнедеятельности, каковым является развитие этого объединения.

Жизнедеятельность и развитие – не тождественные явления, хотя и связанные между собой. Развитие опосредовано жизнедеятельностью, является её результатом, сопряжено с изменениями, происходящими на основе жизнедеятельности. Развитие производно от жизнедеятельности. Роль же социального управления состоит в том, чтобы прежде всего содействовать жизнедеятельности управляемого объединения людей, содействовать его функционированию. Именно этим создаются условия для выполнения данным объединением своего назначения.

Следовательно, социальное управление необходимо охарактеризовать как управление жизнедеятельностью объединения людей. Это означает, что социальное управление призвано содействовать осуществлению жизненных интересов данного объединения, или, другими словами, осуществлению определённых общественных интересов. Такое управляемое объединение может существовать, например, в рамках отдельного предприятия, выполняющего конкретную производственную задачу, а может представлять собой и всё общество в целом, являющее особый способ жизнедеятельности людей.

Таким образом, социальное управление – это особого рода воздействие, которое призвано служить указанному объединению, его жизнедеятельности. Для этого социальное управление способствует осуществлению его жизненных интересов, а в результате выполнению им своего назначения. В этом главное. При этом эффективность социального управления находится в прямой зависимости от того, как управляемое объединение выполняет своё назначение.

Сказанное выше позволяет сделать следующий вывод: *социальное управление – это воздействие на объединение людей, призванное содействовать осуществ-*

влению его жизненных интересов и тем самым выполнению им своего назначения. Благодаря социальному управлению (воздействию) происходит соответствующее влияние на управляемое объединение.

В своём развитом виде социальное управление образует достаточно сложный организм (управленческий организм), который служит средством исполнения этим управлением своего назначения. Такой организм состоит из ряда функций, одна из которых сопряжена с политикой, имеющей в этом организме руководящую роль. Определяя направления исполнительной деятельности, политика по существу определяет деятельность всего управленческого организма и этим оказывает на него своё влияние, политическое влияние.

Если социальное управление влияет на управляемое объединение людей, то политика влияет на исполнительные функции в системе этого управления (в системе управленческого организма) и тем самым определяет содержание этого управления. Социальное управление образует в управляемом объединении управляющую надстройку, а политика составляет в этой надстройке руководящий уровень. Это означает, что организм социального управления предстаёт в виде своеобразной управленческой пирамиды, на вершине которой располагается политика.

Общий же вывод такой: политика в системе социального управления составляет руководящий уровень, выполняет функцию руководства и этим влияет на деятельность всего управленческого организма. Её влияние, сопряжённое с функцией руководства, называется политическим. Оно состоит в определении направлений исполнительной деятельности самого управленческого организма. Одновременно раскрывается и тот факт, что политическое влияние есть важнейший фактор осуществления социального управления.

Таким образом, главной содержательной характеристикой политического влияния является определение направлений исполнительной деятельности в рамках управленческого организма. Такая характеристика обусловлена тем, что руководящие решения составляют сущность политики и содержат в себе данные направления. Руководящие решения приняты, значит, направления исполнительной деятельности определены, следовательно, политическое влияние состоялось. Далее

дело заключается в том, чтобы осуществить эти решения, претворить их в жизнь, что связано уже с исполнительными функциями управленческого организма, с деятельностью его исполнительных учреждений. Примечательно, что осуществление этих решений происходит уже за пределами собственно политического влияния, а значит, политической сферы, но посредством организма социального управления и связано с его другими функциями, в частности, организующей, исполнительной и регулирующей. Политическое же влияние – это особая функция управленческого организма.

Чтобы подчеркнуть ещё раз место и роль политики в системе управленческого организма, сформулируем следующий вопрос: в какой момент социального управления осуществляется политическое влияние: во время разработки политики или во время её осуществления? Такой вопрос не является случайным. Он рождён стремлением некоторых политологов включать в содержание политического процесса (хода политического влияния) не только принятие руководящих решений, но ещё и их разработку, и даже их осуществление. Например, утверждается, что политический процесс – это «принятие и реализация управленческих решений, осуществляемых политическими лидерами и элитами» [5, с. 863].

На самом деле поставленный нами вопрос является парадоксальным. Дело в том, что политический процесс, представляющий собой ход политического влияния, не включает в себя ни разработку политики, ни её осуществление. Разработка политики – это тот управленческий этап, который предшествует появлению руководящих решений. Он означает, что политика ещё не сформирована, не выработана, что руководящие решения ещё не приняты и поэтому политическое влияние пока не может состояться.

В свою очередь осуществление политики предполагает, что руководящие решения уже приняты, что направления исполнительной деятельности уже определены и перед социальным управлением стоит задача воплотить эти решения в жизнь, руководствуясь установленными политическими ориентирами. Говоря иначе, политика в данном случае уже оказала своё влияние на исполнительную деятельность, политическое влияние состоялось.

Это и означает, что поставленный нами вопрос является некорректным.

На самом деле политическое влияние осуществляется только в процессе принятия руководящих решений (в процессе правления, в процессе осуществления политической деятельности). Именно в этот момент происходит использование политической власти, вследствие чего принимаемые руководящие решения наделяются особой социальной силой, делающей их обязательными для исполнительной деятельности. Следовательно, именно в этот момент определяются направления исполнительной деятельности и тем самым реализуется назначение политики.

Таким образом, ход политического влияния есть одновременно процесс определения направлений исполнительной деятельности. Отсюда следует, что сущность политического влияния состоит в определении данных направлений. Можно сделать следующий вывод: *политическое влияние – это способ политического бытия, состоящий в определении направлений исполнительной деятельности на основе принятия руководящих решений.* Благодаря своему влиянию политика осуществляет в системе социального управления руководящую роль.

Данное определение отражает главное в содержании политического влияния. Чтобы раскрыть всё его содержание, необходимо также выяснить его структуру.

Структура политического влияния

Ключ для решения этого вопроса находится в таком явлении, как правление. Оно определяет собой содержание политического влияния, вследствие чего компоненты правления образуют собой компоненты политического влияния. Какова структура правления, такова структура и политического влияния.

Исходя из особенностей использования политической власти, в правлении можно выделить два компонента, которые образуют его состав и определяют собой

состав политического влияния. *Первый* компонент представлен *политическим институтом*. Политический институт является носителем и воплощением политической власти и одновременно средством её использования и потому содержит в себе механизм этого использования. Используя властные возможности политического института, субъекты политики принимают руководящие решения и тем самым осуществляют правление.

Второй компонент правления и, соответственно, компонент политического влияния представлен *политическим режимом*. Политический режим – это обусловленный политическим институтом порядок использования политической власти и одновременно порядок принятия руководящих решений. Политический режим содержится в политическом институте. А политический институт заключает в себе соответствующий порядок использования политической власти. Следовательно, политический институт определяет собой политический режим. Каков политический институт, таков и политический режим.

Итак, политическое влияние осуществляется с помощью политического института и политического режима. Политический институт составляет средство политического влияния, а политический режим – способ политического влияния. Эти явления служат необходимыми условиями и факторами осуществления политического влияния, образуют его механизм и включают в себе его особые законы. Изучая эти явления, мы познаём законы политического влияния, а в итоге раскрываем способ, посредством которого политика осуществляет своё назначение.

Анализ сущности политического влияния показывает, что оно, образуя руководящую функцию в системе социального управления, тем самым служит фактором осуществления этого управления. Так обнаруживается ещё одна грань политического влияния, которая также заслуживает своего осмысления.

1. Борисенков А.А. Политика – это руководящие решения / А.А. Борисенков // Социум и власть. – 2007. – № 4.

2. Борисенков А.А. Политическая структура: теоретико-методологический взгляд / А.А. Борисенков // Социум и власть. – 2008. – № 2.

3. Борисенков А.А. Политология: Теория политической жизни / А.А. Борисенков. – М.: ГУУ, 2009.

4. Гаджиев К.С. Политология (основной курс) / К.С. Гаджиев. – М., 2007.

5. Ирхин Ю.В. Политология / Ю.В. Ирхин. – М., 2007.

6. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. – М., 1999.

7. Политология / под ред. В.И. Буренко, В.В. Журавлева. – М., 2005.

8. Социологический энциклопедический словарь. – М., 1998.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 323

Г.А. АЙВАЗЯН

В конце XX века «идентичность» стала ключевой дефиницией в политической теории и практике. В транзитивных обществах политическая идентичность граждан напрямую связана с проблемой несоответствия институтов власти и социальных отношений уровню экономического развития и неразвитости демократических форм прямого участия граждан в политике.

Под термином «политическая идентичность» автор настоящей статьи предлагает понимать детерминированные представления индивидов о своем политическом «Я», складывающиеся в результате соотнесения с некоторыми «Другими» акторами политического процесса, важной частью которого является электоральное поведение. Для формирования политической идентичности важны политическая культура и ранее накопленный опыт участия в политизированных взаимодействиях, в том числе и в электоральных процедурах. Онтологический смысл политической идентичности состоит в том, что она выступает результатом формирования политического мировоззрения индивида, а также стимулирует существование различий в способах выражения, формах, содержании и подходах к тем или иным политическим феноменам, акторам и политическим процессам.

Поскольку политическая система, несмотря на проводимые реформы, продолжает в современной России оставаться предельно негибкой, возрастают угрозы дестабилизации политических институтов и нарастания политических процессов, обусловленных кризисом макросоциальных идентичностей. На уровне микросоциальных идентичностей восприятие гражданами политического выходит за границы институциональной политики, что усложняет проведение политологического анализа.

В политических науках слабо изучено, каким образом мнения индивидов вызывают социальные и политические перемены, а также процессы формирования и системообразующие компоненты поли-

тической идентичности. Речь идет о концепте, затрагивающем принципиальные проблемы политической теории, прежде всего проблему электорального, то есть политического выбора. Соответственно, недостаточен опыт использования политической идентичности как аналитической категории общественных наук.

Возникшая в политологической практике избыточность использования этого термина привела к многовариантности вкладываемых в него смысловых значений толкований. Поэтому употребление термина «идентичность» требует от исследователя объяснения смысла и границ применения этой дефиниции. Ситуация такова, что можно говорить о кризисе идентичности как аналитического исследовательского инструмента, «кризисе перепроизводства и последующего обесмысливания» [9, с. 66]. Идентичность подразумевает слишком многое, если она употребляется в «сильном» значении и слишком мало, если в «слабом» [9, с. 62-66].

«Сильное» значение идентичности – это фундаментальные концепции, сохраняющие общеупотребительное значение термина, подчеркивающие постоянство характеристик на протяжении некоторого времени или сходство трансиндивидуальных качеств. Основные послышки такого понимания: 1) политическая идентичность есть либо у всех либо каждый должен стремиться ее приобрести; 2) политическая идентичность есть или должна быть у представителей всех групп населения; 3) политическая идентичность людей и групп может быть неосознанной. Она есть нечто, что необходимо обнаружить, но и также нечто, в чем можно ошибиться; 4) сильные понятия коллективной политической идентичности подразумевают прочную связь между членами группы и ее однородность.

«Слабое» понимание политической идентичности порывает с общеупотребительными концепциями и рассматривает идентичность как нечто многогранное, нестабильное, находящееся в постоянном движении, случайное, неоднородное.

Оно связано с отсутствием уверенности в том, что значение «политическая идентичность» означает именно идентичность. И, наконец, идентичность в ее «слабом» значении может оказаться «слабой категорией» для теоретической работы [9].

Согласно М. Кастельсу, идентичность представляет собой «процесс конструирования смысла на основе определенного культурного свойства или соответствующей совокупности культурных свойств, которые обладают приоритетом по отношению к другим источникам смысла» [11, с. 6]. На наш взгляд, представляется целесообразным учитывать предложенную Кастельсом [11, с. 8] классификацию форм и источников строительства идентичности, а именно:

1) *легитимирующая идентичность* – вводится господствующими институтами общества для расширения и рационализации своего господства над социальными акторами;

2) *идентичность сопротивления* – формируется акторами, которые находятся в ситуации их недооценки и/или стигматизации логикой господства;

3) *проективная идентичность* – социальные акторы на основе доступного им культурного материала строят новую политическую идентичность, которая переопределяет их положение в социуме и направлена на преобразование всей социальной и политической структуры общества.

Общепризнано, что в современном обществе идентичности становятся все более множественными, фрагментированными, изменчивыми, зависимыми от контекста. По словам Стюарта Холла, «речь не столько о том, «кто мы» и «откуда», сколько о том, чем мы можем стать, как нас представляют другие и как это соотносится с нашими собственными представлениями о себе... Идентичности создаются в процессе репрезентации, а не за его рамками» [12, с. 4]. Говоря иными словами именно в процессе политического действия формируется политическая идентичность, позволяющая гражданину осуществлять электоральный выбор, тем самым влияя на трансформацию политической системы государства.

Указанный дискурс по определению должен учитываться всеми участниками политического процесса. По словам известного социолога Крейга Кэлхуна, «политика идентичности... была неотъемлемой частью современной политики и общественной жизни на протяжении сотен лет. Однако ей приходилось соперничать с различными

универсализирующими концепциями..., отвергавшими различия, и это обстоятельство повлияло на формирование природы не только политики, но и академического мышления» [10, с. 23]. Необходимо признать, что не все политологи используют в качестве аналитического инструмента понятие «политическая идентичность».

Так, некоторые исследователи предпочитают говорить об идентификации. К примеру, согласно формулировке Этьена Балибара, «в действительности, нет никаких идентичностей, только идентификации: либо с институтами как таковыми, либо с другими субъектами посредством институтов... Идентичности являются всего лишь идеальной целью процесса идентификации..., воображаемым референтом» [8, с. 187]. Той же позиции придерживается и С. Холл, по словам которого «идентификация – это... процесс артикуляции, склеивания и переопределения, а не категоризации... Как и все практики приписывания смыслов, идентификация подвержена игре различий. Она подчинена логике «больше, чем одно». А будучи процессом, она осуществляется через различия и предполагает дискурсивную работу по установлению и маркировке символических границ» [12, с. 3]. Упомянутый нами методологический подход ориентирует на анализ сложных и противоречивых процессов (а не автоматически действующих механизмов).

На наш взгляд целесообразней использовать все же термин «политическая идентичность», поскольку идентификация рассматривается самим индивидом как внешняя характеристика. В политической практике идентичность отражает имманентно присущие гражданину политические качества и поэтому более точно отражает ценностные ориентации в процессе взаимодействий в рамках существующей политической системы.

Как справедливо заметил К. Кэлхун, «рассматривать идентичности только как отражение «объективных» социальных позиций или обстоятельство – значит изучать их ретроспективно. Таким образом мы не можем осмыслить того динамического потенциала, который – к лучшему или к худшему – заключен во внутренних конфликтах индивида, а также в соперничестве культурных дискурсов, которые приписывают индивидам определенное место» [10, с. 28].

Для формирования политической идентичности очень важны политическая культура и ранее накопленный опыт

участия в политизированных взаимодействиях, в том числе и в электоральных процедурах. Онтологический смысл политической идентичности состоит в том, что она выступает результатом формирования политического мировоззрения индивида, а также стимулирует существование различий в способах выражения, формах, содержании и подходах к тем или иным политическим феноменам, акторам и политическим процессам.

Политическая идентичность не есть нечто раз и навсегда заданное. В ходе жизни индивида возможны изменения идентичности. Наиболее ярко этот тезис применительно к большим группам проявляется в результатах выборов. К примеру, начав перестройку, М.С. Горбачев инициировал невиданную политическую реформу, допустив альтернативные выборы в Советы, т.е. политическую конкуренцию, что способствовало изменению политической идентичности значительной части населения. Результатом стала кардинальная трансформация существовавшей в стране политической системы.

Упомянутые нами процессы не являются исключительной прерогативой России. Известный американский политолог Г. Алмонд совместно с Г. Пауэллом [7], изучив особенности функционирования политической системы, доказали существование детерминант, влияющих на политическую идентичность. В частности, было доказано значение политической культуры как способа для существования политической системы [3]. В рамках формирования политической культуры и появления у индивида политической идентичности существенное значение имеют практики политической социализации, в результате которых гражданин позиционирует себя в электоральном поле.

Термин «политическая социализация» был впервые введен в 1959 г. американским ученым Г. Хайменом [13] и в дальнейшем получил распространение в политологическом дискурсе. Основные направления, по которым развивалась теория политической социализации формулируются следующим образом:

- во-первых, *анализ процесса* политической социализации;
- во-вторых, изучение *«агентов»* влияющих на процесс социализации;
- в третьих, исследование *продукта*, который получается на «выходе» процесса политической социализации. Таким продуктом являются политическое сознание, политические представления, ориентации,

установки, – то, что, по мнению американских политологов Л. Пая и С. Вербы, составляет, по сути, политическую культуру [14]. В политологии структуризация феномена политической культуры создает основу для выработки различных методологических подходов к поиску эффективных форм и методов её формирования, что в свою очередь напрямую влияет на эффективность функционирования и обеспечения стабильности существующих в стране политических институтов.

На практике политическая культура означает наличие у граждан навыков и умений пользоваться правом свободно выбирать своих достойных представителей в различные структуры демократического общества, их убежденность в том, что участие в электоральных процессах единственная легитимированная возможность донести до власти свои потребности и запросы и единственный способ контролировать власть путем выдвижения в нее своих представителей. В этом отношении политическая культура означает наличие способности у политических акторов к солидарному действию, к самоорганизации и публичному обсуждению интересующих общество проблем, говоря иными словами, умение сообща договориться о том, как жить сообща и подчиняться выработанному решению.

С точки зрения проблематики статьи, в число важнейших функций политической культуры входят такие из них, как:

- функция мировоззренческой ориентации с отражением ее в политическом действии;
- политическая социализация;
- агрегация политических интересов;
- артикуляция и согласование политических интересов в процессе электоральной кампании.

Упомянутые функции являются идеальными в веберовском понимании. На практике широко распространены методы манипулятивного воздействия на трансформацию политической идентичности граждан, направленные на формирование электорального поведения в интересах правящей в стране элиты.

Так, В.И. Шаховский отмечает, что концептуализация политического опыта россиян в значительной степени эмоциональна: в политической речи зачастую доминируют не соображения логики и стратегии аргументации, а экспрессия, причем в основном негативная. При этом между политическим дискурсом и повседневной речью происходит обмен характерными

признаками: если первый претерпевает «бытовизацию», выраженную, в частности, в эмотивных характеристиках, то бытовая речь рядовых граждан проходит стадию повышенной политизации [6, с. 79-83]. Указанный дискурс характерен для большинства стран мира, что, впрочем, не означает отсутствия иных специфических проявлений формирования политической культуры большей части населения.

Сегодня Россия оказалась перед необходимостью копирования базовых ценностей европейской демократии таких, как: собственность, законность, гражданственность. Это, несомненно, важнейшие социальные приоритеты, однако проблема состоит в том, что эти фундаментальные категории демократии не только прошли различный путь развития в Европе и в России, но по-разному воспринимаются общественным сознанием – они иначе укоренены в исходных образах коллективного бессознательного [4, с. 6-18]. Отмечаемое многими исследователями определенное сходство политических процессов в России и на Западе, сопряженных с падением уровня доверия к традиционным институтам власти [1, с. 88-93; 5, с. 61-80; 2, с. 330-357], имеет, по-видимому, принципиально разную природу.

Конструктивная программа законотворческой деятельности, направленной на повышение электоральной активности населения и, как следствие, развития электоральной идентичности граждан, так и не была четко сформулирована ни одной из партий.

До тех пор, пока общество в политическом отношении недостаточно развито,

способствование становлению и воспроизводству политической идентичности граждан является обязанностью и прерогативой правящей элиты. Поскольку речь идет о фундаментальных основах общественного устройства как на федеральном, так и на региональных уровнях, происходит уменьшение сферы публичной политики, которую не может компенсировать введение партийных списков на выборах в Законодательные собрания субъектов федерации и иные меры политической реформы.

Высокий темп изменения состава, политических ориентаций, партийной принадлежности депутатов различных уровней обусловлен спецификой российского транзита. Вместе с тем как правящая партия, так и оппозиция де-факто не желают завоевывать благосклонность сограждан путем кропотливой ежедневной работы с электоратом.

Поскольку основные символы «социального государства» и соответствующие риторические и материальные ресурсы принадлежат правящей партии, в процессе электорального выбора значительная часть населения голосует за «партию власти», хотя слабо разбирается в ее политической программе. В случае возникновения в стране политико-социального кризиса такой неустойчивой политической идентичностью могут воспользоваться несистемные политические акторы. Хотя бы по этой причине перспективы формирования устойчивой политической идентичности как основы общенационального интеграционного проекта должны учитываться при решении стратегической задачи – построения современного государства.

1. Дилигенский Г.Г. Глобализация: перспективы демократии / Г.Г. Дилигенский // *Полития*. – 1999. – № 3.
2. Левин И.Б. Италия после Первой республики / И.Б. Левин // *Политические институты на рубеже тысячелетий*. – Дубна, 2001.
3. О концепции политической культуры Г. Алмонда и других зарубежных специалистов // Пивоваров Ю.С. *Политическая культура: методологический очерк*. – М., 1996.
4. Спиридонова В.И. Особенности российского понимания базовых демократических ценностей / В.И. Спиридонова // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. – 2009. – № 5. – Том 2.
5. Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? / К.Г. Холодковский // *Политические институты на рубеже тысячелетий*. – Дубна, 2001.
6. Шаховский В.И. Голос эмоции в русском политическом дискурсе / В.И. Шаховский // *Политический дискурс в России: материалы рабочего совещания 29 марта 1998 г.* – Вып. 2. – М., 1998.
7. Almond G.A., Powell J.B. *Comparative politics: A developmental approach*. – Boston, 1966. – XI, 348 p.
8. Balibar E. *Culture and identity (working notes)* // *Ibid*.
9. Brubaker R., Cooper F. *Beyond identity // Theory and society*. – Dordrecht, 2000. – Vol. 29. – № 1.
10. Calhoun C. *Social theory and the politics of identity // Social theory and the politics of identity / Ed. by Calhoun C.* – Oxford; Blackwell, 1994.
11. Castells M. *The power of identity*. – Cambridge, Mass: Blackwell, 1997.
12. Hall S. Introduction. Who Needs 'Identity'? // *Questions of cultural identity / Ed. by Hall S., Du Gay P. – L., etc.: Sage, 1996*.
13. Hyman H. *Political Socialization: a study in the psychology of political behavior*. – Glecoe, 1959.
14. Pye L., Verba S. (eds.). *Political Culture and Political Development*. – Princeton, 1965.

ПОРТАЛ ПОВЫШЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ ГОССЛУЖАЩИХ – УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ НОВАЦИЯ

УДК 32

А.С. ХАНМАГОМЕДОВ

Ведя речь о политической компетентности и профессионализме в современной системе государственного управления, необходимо учитывать необходимость постоянного повышения квалификации соответствующих управленческих акторов в рамках практико-ориентированных образовательных программ. Несмотря на постоянно декларируемую необходимость непрерывного образования, в системе госслужбы так и не было создано эффективно действующего механизма стимулирования соответствующих образовательных практик, отвечающих требованиям модернизации страны.

Сказанное не означает отрицания автором статьи важности учреждений высшего профессионального образования, а также иных структур переподготовки и повышения квалификации госслужащих. Проблема в ином: в силу быстротечности изменений политической системы, а также перманентной трансформации экономических и социальных отношений вузы и действующие при госструктурах образовательные центры не успевают оперативно тиражировать передовой опыт государственного управления, особенно в кризисных ситуациях, а также вносить соответствующие изменения и дополнения в учебную программу. Объективные факторы инерционности любой образовательной системы в современных условиях не могут служить оправданием управленческих дисфункций, поскольку наряду с вертикалью власти существуют внутрисистемные горизонтальные связи между чиновниками, благодаря чему появляется возможность самоорганизации, повышения политической компетентности и профессионализма госслужащих.

На наш взгляд, решение вышеупомянутой проблемы может быть найдено в создании дистанционно действующей системы переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров, ориентированной в большей мере на принципы самоорганизации. Качественное отличие упомянутой системы от существующих аналогов состоит в участии самих

госслужащих в создании соответствующего образовательного контента.

В федеральных и региональных органах госвласти накапливается соответствующий как положительный, так и негативный опыт, на основе которого открывается возможность выхода на обобщения и тиражирование эффективных управленческих новаций. Как показала практика, связанная с управлением государством в условиях мирового финансово-экономического кризиса, в России система политического образования не смогла дать адекватный ответ на запросы антикризисного управления. Существующие образовательные ресурсы ориентированы скорее на стабильные периоды, поэтому требуется их реформирование и развитие с учетом объективно существующих противоречий в сфере повышения квалификации.

В общих чертах речь должна идти о создании обновленной системы управления компетенциями государственных служащих.

Базовые профессиональные компетенции государственных служащих должны быть представлены по видам деятельности:

1. Проектирование – способность подготовки и реализации общественно-политических и социальных проектов с учетом быстрого и эффективного отслеживания социально-экономических и социально-культурных изменений как в стране, так и в мировом сообществе.

2. Координация – способность координировать внутренние связи в политическом сообществе и внешние связи с избирателями, СМИ, законодательной и исполнительскими властями и т.д.

3. Управление – способность обеспечить руководство коллективной деятельностью в политическом сообществе, ориентацией на достижение поставленных целей данного сообщества.

4. Коммуникация – способность к применению различных приемов коммуникации как в системе внутренней среды политического сообщества, так и во внешней.

5. Внутриличностная деятельность – способность к обучению личностной самореализации и развитию личностных ценностей лидера, овладению приемами самоконтроля.

Коммуникационные, системные, аналитические навыки и навыки управления проектами, реализуемыми в рамках профессиональной деятельности, должны совершенствоваться на протяжении всей трудовой деятельности госслужащего. Такой дискурс в полной мере соответствует тренду развития системы образования.

Формируемое в стране информационное общество подразумевает приход в систему управления не только грамотных исполнителей, но, в первую очередь, людей, которые умеют ставить задачи и добиваться нужного решения.

При этом решения должны носить не волюнтаристский характер, а основываться на знаниях и интуиции. В рамках указанного дискурса возникает проблема систематизации опыта управленческих решений. Должна существовать такая система нормативных управленческих познаний, в рамках которой накопленный госструктурой опыт можно адаптировать к другой задаче, сделать рабочим инструментом индивидуального и коллективного интеллекта. Существующая же в стране модель образования ориентирована в большей степени на авторефлексию, в рамках которой управленцы используют накопленный опыт только при условии полного соответствия новой задаче предыдущей.

В госструктурах опыт неинституционализированных взаимодействий чиновников различного уровня практически не обобщается в силу отсутствия навыков формализации так называемого «молчаливого знания». Играет свою роль и нежелание значительной части управленцев передавать другим акторам накопленный опыт формальных и неформальных взаимодействий как внутри соответствующей управленческой структуры, так и межведомственных связей. К сожалению, указанная закрытость знаний опытных чиновников в современной России никак не сказывается на их профессиональной репутации.

«Следует подчеркнуть, – пишет В. Моисеева, – что управление репутацией – один из современных и востребованных инструментов в системе стратегического управления, благодаря которому можно добиваться решения важнейших задач развития и достигать нужных результа-

тов. Мы можем говорить о репутации как о ресурсе развития, способном повлиять на качественное изменение важнейших экономических и политических процессов» [1]. Предлагаемый нами инструмент коллективного обмена госслужащими накопленного опыта как раз и должен стать одним из объективных факторов их профессионализма и формирования механизма управления репутацией.

«Любая политическая реформация предполагает в себе выбор определенного способа действия, – констатирует А.Г. Чернышев, – при этом цивилизация за весь свой период существования так и не выработала какого-то одного универсального средства, которое мы могли бы считать оптимальным и эффективным с точки зрения политического управления. Сегодняшняя политическая практика еще в большей степени, чем ранее обнажает потребность по-новому, несколько нестандартно взглянуть на все те проблемы, которые, как казалось вчера, были незыблемы в своем основании. Стереотипы прошлого оказались значительно более живучи, чем это могло показаться. Догматы прежних политических решений и сегодня зачастую превалируют над необходимостью иного взгляда на формирующееся политическое пространство» [2]. Было бы ошибочным считать, что у правящей элиты отсутствует понимание необходимости кардинальной перестройки образовательного процесса. Вместе с тем необходимо понимать, что внедрение предлагаемых нами новаций неизбежно столкнется с противодействием части аппарата госуправления, для которого любые перемены неприемлемы.

Предлагаемая автором модель повышения квалификации госслужащих ориентирована на тренировку способностей в процессе стимулирования поиска управленческих инноваций и инструментов повышения эффективности управленческой деятельности в процессе обмена опытом с коллегами. Для анализа эффективности функционирования предлагаемого инструмента можно использовать анализ решений (decisional analysis). Предлагаемый аналитический инструмент позволяет управлять восприятием компетентности того или иного госслужащего и обеспечивает объективные инструменты оценки его креативности в решении управленческих задач.

Мы согласны с мнением О.Ф. Шаброва, который видит главную проблему в

том, что, как только модели управления, действующие на предприятии и отрасли, переходят на уровень государства, сразу появляется политическая составляющая, которая создает принципиально иные условия. Если стандарты не внедряются или внедряются, но не работают – значит, их существование затрагивает интересы влиятельных групп. В этом видится центральная проблема, не разобравшись в которой успеха добиться невозможно [3, с. 116-118.]. В условиях ограниченности необходимых сведений и повышения ответственности госслужащих обращение к накопленному коллегами опыту позволяет с помощью новых коммуникативных инструментов обеспечивать непрерывность повышения квалификации.

Поскольку на настоящий момент у всех административных структур имеется возможность выхода в сеть Интернет, создание портала на котором будет происходить обмен опытом управленческих решений, позволяет обеспечить горизонтальные связи между госслужащими. Предлагаемый нами портал представляет собой сетевую информационно-деятельностную среду, содействующую интенсивному, скоординированному и результативному взаимодействию экспертного сообщества, органов государственной власти и управления.

Основными структурно-функциональными единицами портала являются форумы по обмену опытом применения законодательства и нормативных актов, региональные, межрегиональные и муниципальные площадки обсуждения проблем совершенствования управленческих практик и повышения квалификации госслужащих и тематические секции, на которых обсуждаются злободневные проблемы управленческой деятельности. Деятельность участников портала в большей степени должна концентрироваться на разработке и реализации конкретных программ и проектов и в меньшей – на общетеоретической проблематике.

Благодаря portalу его участники получают индивидуальный трек образования, который государственный служащий формирует себе сам. Благодаря portalу знания и опыт, которые невозможно передать через учебники, станут достоянием профессионального сообщества. В результате появляется возможность обобщения опыта управленческих взаимодействий, который в

настоящее время не получается систематизировать в силу отсутствия соответствующей установки руководства госструктур и отсутствия площадки позволяющей оперативно решать проблемы систематизации знаний госслужащих.

Ключевая проблема создания эффективно функционирующего портала – формирование этого ресурса как самообучающейся неформальной организации, члены которой непрерывно повышают свои знания во всех важнейших аспектах управления и деятельности. Безусловно, пользователям портала потребуются новые навыки, которые помогут им в вопросах адаптационного управления, под которым понимается возможность так направлять энергию подчиненных, чтобы соответствующая госструктура соответствовала постоянно изменяющимся условиям политической ситуации.

Для эффективного решения указанной задачи представляет интерес участие пользователей интернет-ресурса в разработке профессиональных стандартов управленческой деятельности госслужащих. Профстандарт – это, по сути, отражение уровня знаний, необходимых на данный момент госслужащим. В интернете профстандарт формируется на основе двух модулей – постоянного (инвариантного) и вариативного.

Инвариантный (постоянный) модуль предусматривает базовые знания госслужащего. Вариативный составляется индивидуально как самим госслужащим, так и сотрудничающими с порталом экспертами – как отклик на новые потребности и возможности.

Стратегическое планирование функционирования портала обмена опытом госслужащих, с нашей точки зрения, должно базироваться на следующих основных принципах, рассматриваемых в единой совокупности.

Законность. Все возможные инициативы и госслужащих должны лежать исключительно в рамках правового поля и не могут предусматривать прямое или косвенное нарушение действующего российского или применимого зарубежного законодательства. Для решения этой задачи необходима юридическая оценка представляемых на портале управленческих решений. Выявление возможных юридических коллизий позволит не только повысить правовую грамотность госслужащих, но и вносить

необходимые коррективы в повседневную деятельность госаппарата.

Учет рисков. Обсуждаемые на портале практики госслужбы должны учитывать возможность развития негативных тенденций в соответствующих сферах госуправления.

Реалистичность в использовании ресурсной базы. Обсуждение на портале тех или иных стратегических инициатив должно учитывать социально-политическую ситуацию в регионах и доступные управленцам ресурсы.

Результативность. Обсуждаемые на портале управленческие решения должны приводить не только к повышению качества управленческой деятельности госаппарата, но и способствовать увеличению благосостояния граждан.

Вовлеченность. К обсуждению на портале управленческих решений должны привлекаться эксперты по соответствующей проблематике.

Ориентация на эффективное использование темпоральных ресурсов. Участники портала должны рассматривать время в качестве ресурса, требующего специальных навыков управления, и применяют различные техники для его рационального использования, а также для снижения непроизводительных потерь времени гражданами пользующимися госуслугами.

Для того чтобы указанные принципы были реализованы на практике, по мнению автора необходимо выстроить систему мотивации, основанную на совокупности целей профессионального и политического развития. Совокупность целей подразумевает:

- развитие мотивации участвующих в деятельности портала госслужащих в процессе укрепления позитивного мнения о своей деятельности на благо служению обществу;

- формирование особого образа мышления, ориентированного на системное восприятие политических феноменов и процессов;

- развитие таких качеств, как целеустремленность, ответственность, открытость, толерантность, оптимизм, умение работать в команде и т. п.;

- постоянное совершенствование профессиональных навыков, с целью последующего профессионального развития и карьерного роста.

В связи с вышеуказанным у пользователей портала актуализируется потребность в средствах развития системного мышления. Основой разработки таких средств должен выступить исследовательский метод ознакомления с опытом управленческой деятельности, его творческое усвоение и переосмысление.

Таким образом, проблема формирования системного мышления с учетом современных методических, дидактических и психолого-педагогических требований, разработка соответствующих методик его развития решаются в процессе обмена опытом управленческой деятельности. При этом ценность может представлять субъективная новизна управленческих практик.

При этом нельзя допустить открытого институционального конфликта сторонников инновационной и традиционной управленческой культуры, который рискует вылиться либо в имманентные конфликты и оппозицию со стороны ведущих групп академических интересов, либо в мимикрию потенциально сильных людей под условия окружающей среды. Решение нам видится в том, что две управленческие культуры до поры до времени будут существовать параллельно. Из кибернетики известно: если ресурсы дефицитны – их следует централизовать. Если они в избытке – децентрализовать. Оптимальная степень централизации определяется конкретными задачами.

Участие в деятельности портала потребует от госслужащих знание основ организаторской деятельности, умения очерчивать цели и задачи познавательной деятельности и приобретения новых профессиональных навыков. Тем не менее в условиях создания стимулов участия в деятельности портала появляется возможность создание механизма объективной оценки профессионализма госслужащих, что является сверхзадачей предлагаемых нами организационных изменений.

1. Моисеева В. Негативный имидж России препятствует её развитию. Чтобы изменить репутацию нашей страны, необходима эффективная информационная политика / В. Моисеева // Независимая газета. – 2003, 11 апреля. – № 73 (2906).

2. Чернышев А.Г. Политические реформы в России: маневры между жесткой и гибкой парадигмами в сторону умной власти / А.г. Чернышев // Государственное и муниципальное управление. – 2006. – № 1–2.

3. Шабров О.Ф. Стандарты качества в государственном управлении и политике / О.Ф. Шабров // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2009. – № 5. – Т. 2.

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

УДК 329

Е.М. ГУРАРИЙ

Заявленные в 2005 году Президентом РФ В. Путиным инициативы о начале реформирования социальной сферы посредством инструмента приоритетных национальных проектов, безусловно, являются знаковым явлением в политической и социально-экономической жизни общества. С одной стороны, на высшем уровне государственной власти было принято решение о начале реформ, направленных на снижение остроты социальных проблем в стране, увеличение благосостояния населения и улучшение качества жизни граждан. С другой стороны, важная роль реализации национальных проектов была обусловлена и тем, что ее ход неразрывно связывался с масштабными электоральными событиями – выборами в Государственную Думу и выборами Президента России. Само понятие «национальных проектов» стало новаторским в политической и социально-экономической сферах страны. Официальная трактовка позиционирует национальные проекты как концентрацию бюджетных и административных ресурсов, направленную на повышение качества жизни граждан. По мнению 44% россиян, «национальные проекты» – это новое название для обычных программ решения социальных проблем; для 20% это – принципиально новая программа повышения качества жизни населения страны (20%). Есть и те (16%), которые считают разработку этих программ PR-акцией, отвлекающей внимание людей от непопулярных реформ [3]. Политические риски участников политического поля реализации национальных проектов во многом зависели от результатов применения новых инструментов социальной политики. Кроме того, значимость процесса внедрения новых инструментов в механизм социальной политики

связана также с возможностью переноса концептуальных и методологических основ национальных проектов на всю сферу государственной политики в области улучшения качества жизни граждан. Государственная политика не во всем сочетается с государственным управлением как таковым, она охватывает собой лишь те формы активности, которые позволяют государству осуществлять полномасштабные, долговременные и целенаправленные комплексы действий по решению крупных общественных задач [6, с. 15]. Механизм реализации национальных проектов во многом сочетается с инструментом целевых программ федерального масштаба, однако его отличает повышенная концентрация ресурсов, необходимость централизации и синхронизации управленческих функций, а также наличие значительного политического компонента. Перегруженность национальных проектов политической составляющей ставит вопрос о том, к какому уровню управленческих действий государства необходимо отнести данный механизм: к государственной политике (комплексная целенаправленная деятельность государственных органов по разработке и реализации долговременных целей общественного развития) или к государственной кампании (совокупность взаимосвязанных акций государственных органов, направленных на выработку и реализацию общественно важных проектов). Необходимо отметить, что и государственная политика, и государственная кампания являются формами реализации государственной власти, находятся в русле единого государственного целеполагания и, соответственно, не должны противоречить друг другу. Наоборот, при помощи государственных кампаний государство

может искать оптимальные пути решения масштабных задач общественного развития и соответствующим образом корректировать государственную политику.

Для того чтобы ответить на вопрос об идентификации механизма реализации национальных проектов с тем или иным уровнем государственных действий, необходимо, в первую очередь, понять соотношение управленческого и политического компонента в данном механизме и проанализировать декларируемые и скрытые цели появления самой идеи системы национальных проектов. Под управленческим компонентом в реализации национальных проектов мы будем понимать действия акторов государственной власти, направленные на изменение системы и методологии управления, а также инфраструктуры в сферах реализации проектов. Что касается политического компонента, то он опосредует действия представителей государственного аппарата, нацеленные на символизацию процесса реализации национальных проектов и использование этого механизма для получения политических выгод.

Управленческий компонент в реализации национальных проектов характеризуется способностью представителей государственной власти разворачивать политическое поле под себя и в свою сторону. Достижение масштабных задач, поставленных национальными проектами, должно выполняться за счет консолидации усилий государственной власти по вертикали и горизонтали. В данном аспекте система национальных проектов сопряжена с политикой централизации регионального пространства страны, инициированной в годы президентства В. Путина, построения единой вертикали власти и переходом к новым правилам взаимодействия между уровнями власти. Основой для построения подобной управленческой системы стали такие особенности федерального центра, как:

– административно-политическое влияние: фактически прямое назначение Президентом глав регионов; введение системы федеральных округов и наделение полпредов Президента рядом важных организационно-контрольных полномочий; учреждение Госсовета как коллегиального совещательного корпуса региональных

лидеров, возглавляемого и управляемого Президентом; усиление федеральных территориальных органов исполнительной власти; законодательное установление возможности роспуска региональных парламентов, введения в регионе временной финансовой администрации и алгоритма изъятий бюджетных «излишков»; изменение порядка формирования Совета Федерации, повлекшее ослабление лоббистских возможностей регионов;

– появление институциональных механизмов, способных регулировать экономические и политические процессы в регионах. Роль экономического регулятора стали играть федеральные финансово-промышленные группы, осуществившие экспансию в регионы, политического – партия «Единая Россия», превратившаяся в масштабную силу, интегрирующую в себя региональных лидеров и модернизирующую политическое пространство регионов.

Управление национальными проектами, по сути, вписывается в парадигму политики т.н. «нового централизма», которая предусматривает выстраивание новой, более эффективной, с точки зрения властей, системы управления и сосредоточение административных, экономических, политических и иных ресурсов в руках федерального Центра» [5]. Немаловажным аспектом для высшего уровня власти является то, что национальный проект как таковой предполагает концептуальную и стратегическую разработку «наверху», а практическую реализацию – «внизу». Тем самым, федеральный центр серьезно сокращает неизбежные издержки и передает возможные негативные проявления регионам и муниципалитетам при реформировании сложной и специфической социальной сферы без реального ущерба собственному статусу. Эта мера дает федеральному центру хорошую возможность за счет статуса политического авторитета в политическом поле использовать проблемы в реализации национальных проектов как инструмент давления на нижние этажи власти путем применения негативных административных санкций за невыполнение установленных правил игры. В результате сложилась ситуация, когда стратегическое, а, фактически – политическое, – управление реализацией национальными проектами осуществля-

ется на федеральном уровне, а рутинное управление передано в регионы. Однако было бы совершенно неверно говорить о том, что такое распределение полномочий в рамках реализации национальных проектов превратило региональный уровень власти в технического исполнителя решений, принятых на высшем уровне. Необходимость участия в системе национальных проектов по установленным федеральным центрам правилам послужила катализатором появления в региональном пространстве политического поля, которое стало ключевым элементом, упорядочивающим взаимодействия участников реализации национальных проектов. Появление такого элемента именно на региональном, а не на федеральном уровне может быть объяснено следующими факторами:

- механизмы взаимодействий между субъектами регионального уровня институционализированы и упорядочиваются признанными регулирующими инструментами;

- субъекты регионального уровня в большей степени ориентированы на конкретную проблему или ряд проблем;

- группы экономических и политических акторов, представленные в региональном политическом пространстве, являются более монолитными и организованными;

- регион как политическая единица является более управляемым и динамичным во многом потому, что возглавляется представителем губернаторского корпуса, обладающим мощным административно-политическим ресурсом, позволяющим активно вмешиваться в деятельность ключевых контрагентов государства.

Если говорить о характеристиках политического компонента в рассматриваемом политическом поле, то необходимо отметить, что сами национальные проекты находят в себе все базовые параметры политического явления как такового:

- *государство является центральным элементом политического, институционализируя его и внося в него стабильность.* Идея национальных проектов зародилась на федеральном уровне власти, и ответственность за их реализацию изначально была возложена на органы государственной власти. Соответственно являясь основным стратегическим и идеологическим

звеном механизма реализации национальных проектов, субъекты государственной власти обладают неограниченными возможностями изменения удельного веса политического компонента в процессе реализации национальных проектов;

- *мир политического – арена конкурентной борьбы за власть представителей различных социально-политических сил, столкновения различных групп интересов.* В системе реализации национальных проектов задействовано множество агентов различных групп, стремящихся укрепить свои позиции за счет использования политического компонента национальных проектов. К интересующим нас агентам следует отнести представителей федеральной и региональной власти, доминирующей политической партии и бизнеса, поскольку именно они в поле реализации национальных проектов репрезентируют сущность процесса: представители властных структур управляют самим механизмом, партийные структуры претендуют на роль как общественного эксперта и контролера, так и партнера процесса, а крупные корпоративные структуры федерального и регионального масштаба, лояльные государству, вынуждены в качестве исполнителей на практике содействовать реализации проектов;

- *политическое имеет своим основанием и целью всеобщую взаимосвязь социальных групп, групповых и личных интересов, институтов.* По сути, являясь концентрированными целевыми программами федерального масштаба, в национальных проектах заложен неотъемлемый принцип программы – взаимодействие основных субъектов процесса реализации. Одно из основных проявлений политического смысла запуска механизма национальных проектов – попытка государства (в первую очередь, в лице федеральных органов власти) в короткие сроки организовать выполнение поставленной политической задачи (улучшение качества жизни граждан) в масштабах всей страны через вовлечение во взаимодействие наиболее значимых субъектов политической жизни (общественно-политические организации и крупный бизнес). Фактически, система национальных проектов в данном случае выступает инструментом администрирования отношений субъектов власти с другими участниками процесса реализации;

– система обеспечения порядка и справедливости в интересах всех членов общества. Национальные проекты в первую очередь ориентированы на наиболее проблемную сферу жизни низших и средних слоев населения – т.н. «социалку», которая никогда не являлась выигрышной для власти. Поскольку центральная власть явилась инициатором достаточно обширных государственных инвестиций в социальную сферу, субъекты исполнительной и законодательной власти получили возможность наращивания символического капитала через легитимную пропаганду представления о том, что власть видит проблемы населения и пытается их разрешить. Под легитимностью в данном случае мы будем понимать признание за федеральным центром на горизонтальном и вертикальном уровнях политического пространства участниками интеракций, независимо от их статусных и ролевых предпочтений [4, с.119], официального права навязывать интерпретации политики реализации национальных проектов.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что, несмотря на концентрацию функций политического управления национальными проектами на федеральном уровне власти, специфика и значимость политического компонента в процессе реализации национальных проектов позволяют говорить, что именно вокруг него развернуто политическое поле взаимодействия основных участников рассматриваемого процесса на региональном уровне. С теоретической точки зрения, политическое поле является «местом, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей» [1]. Само политическое поле основывается на определенных системных элементах, объединяет субъектов и объектов политической деятельности, предметы политического взаимодействия, каналы и способы политического воздействия. В политическом поле наличествуют элементы, закрепляющие его автономию, определяющие границы, «правила игры», принятые участниками поля, специфический язык и

другие средства коммуникаций, отличающие политическое поле от остальных.

На практике, спецификой всего политического пространства России является его управляемость со стороны федерального уровня власти в условиях достаточно сильной политической централизации. Соответственно, политические поля, появляющиеся вокруг тех или иных проблем общественного развития, иницируются субъектами федеральной власти, что подтверждает пример национальных проектов. Основная предпосылка, декларируемая федеральной властью (форс-идея) [2, с. 104] в начале реализации проектов – это проблема решения вопросов социального значения. С одной стороны, т.н. «социалка» в силу ряда объективных и субъективных причин является достаточно болезненной темой как для субъектов федеральной и региональной власти, к непосредственной функции которых относится регулирование социальных вопросов, так и для представителей партийной структуры и бизнеса, поскольку сама их деятельность и ориентиры развития напрямую зависят от положения дел в социальной сфере. С другой стороны, вопросы социального характера представляют собой чрезвычайно широкую в политическом плане проблему, допускающую разную управленческую интерпретацию и объединяющую максимально большой круг контрагентов государства. С точки зрения политики, задача федеральных государственных органов состоит в повышении доли граждан, поддерживающих инициативу решения социальных вопросов посредством реализации национальных проектов. Следовательно, применяемые управленческие методы находятся в определенном конфликте с процедурами обеспечения законности и формализованной ответственности [7, с. 27]. В таком формате политически не влиятельные группы будут проигрывать, а политическая централизация – усиливаться. Исходя из этого, мы можем понять истинные цели федеральной власти в реализации национальных проектов:

- решение управленческих проблем в вертикали власти;

- достижение максимального усиления общественного информирования о начале процесса и первичных результатах реализации национальных проектов.

Принимая во внимание вышесказанное, уместно сделать вывод о том, что национальные проекты представляют собой масштабную государственную кампанию, направленную на долгосрочное осуществление регулярных мероприятий по отдельным направлениям в социальной сфере регионов и муниципалитетов. Кампания представляет собой комплекс действий представителей государственного аппарата на федеральном и региональном уровнях по созданию символических образов на основе программы реализации национальных проектов. Особенности такой кампании являются необходимость быстрого формирования определенных образов аудитории, а также ее ориентирование на непродолжительный период времени, связанный с сопровождением предвыборных мероприятий. Интенсивность реализации такой кампании представляется ситуационной и регулируется инициаторами в зависимости от потребностей текущей политической ситуации и необходимости усиления PR-направления какого-либо элемента политической системы. Однако необходимо отметить, что кампания по реализации национальных проектов является важным звеном единой государственной политики, причем не федеральной (как это может быть понято из формальных характеристик кампании), а комплексной региональной. Механизм реализации национальных проектов представляет собой один из методов создания политических «площадок» для взаимодействия различных контрагентов власти на региональном уровне. По сути, сами национальные проекты только администрируют взаимоотношения между различными агентами политического поля, од-

новременно вырабатывая новые формы взаимоотношений представителей региональной власти, бизнеса, политических организаций.

Структура рассматриваемого политического поля позволяет сделать вывод о том, что основным инструментом управления политическим компонентом со стороны представителей федеральной и региональной власти является ресурсная база. Причем традиционный основной ресурс власти – административный – используется в большей степени в организационно-упорядочивающей деятельности, а главным каналом использования политического компонента в отношении контрагентов власти становится информационный ресурс. Именно данный ресурс распространяет символическое влияние представителей власти в политическом поле, являясь консолидирующей базой для объединения социальных, экономических, политических ресурсов всех основных агентов поля. Пример кампании по реализации национальных проектов является важным проявлением символической политики федеральной власти, отражающим использование информационного ресурса при формировании повестки дня на всех уровнях власти, а также при осуществлении контроля за участием агентов политического поля в мероприятиях, осуществляющихся в рамках установленной повестки. Легитимизация символического насилия, осуществляемого федеральной властью, достигается именно через информационный ресурс, обуславливая способность представителей власти разворачивать политическое поле в свою сторону и соответственно упорядочивать и опосредовать ресурсы остальных участников.

1. Бурдые П. Политическое представление: Элементы теории политического поля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bourdieu.narod.ru/sp/PB_SP_champ_politique.htm

2. Бурдые П. Политическое представление: Элементы теории политического поля. Социология политики / П. Бурдые; пер. с фр. Е.Д. Вознесенская; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1998.

3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Пресс-выпуск № 381 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/2237.html>

4. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта / К.Ф. завершинский // Полис. – 2001. – № 2.

5. Лапина Н. Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит: аналитический доклад / Н. Лапина, А. Чирикова. – М., 2004.

6. Соловьев А.И. Колебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений: к обоснованию когнитивной модели / А.И. Соловьев // Полис. – 2005. – № 5.

7. Соловьев А.И. Колебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений: к обоснованию когнитивной модели / А.И. Соловьев // Полис. – 2005. – № 6.

ПОЛИТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНО-МАССОВЫМ ЯВЛЕНИЯМ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 101.8+316.454.3+323.396

Г.Ю. ЧЕРНОВ

Масштабные, глобальные по своему размаху социальные и демографические изменения в XIX–XXI веках привели к несоизмеримому по сравнению с прежними эпохами возрастанию роли социально-массовых явлений (социальной массы, «массовой культуры», массового сознания, массовой психологии, массового поведения, массового потребления и других) во всех сферах общественной жизни. Однако познание этих явлений длительное время ограничивалось господствующими парадигмами мышления, идеологическими и методологическими установками научных сообществ как в СССР и России, так и на Западе (догматизированный марксизм, элитократизм).

Одними из наиболее существенных препятствий в познании социально-массовых явлений (СМЯ) являются отсутствие четкого разграничения исследовательских подходов к трактовке этих явлений, зачастую, методологическая и понятийная эклектика в освещении данной темы. Автор настоящей публикации попытался внести свою лепту в выявление различных исследовательских подходов и семантических ракурсов СМЯ, выделив в ряде работ в качестве наиболее значимых следующие подходы: 1) социально-психологический; 2) культурцентристский (ортегианский), 3) социокультурный, 4) экзистенциалистский; 5) постмодернистский, 6) синергетический [8, 9]. Еще одним важным и весьма распространенным подходом к познанию и пониманию СМЯ является подход, обозначаемый как *политико-ориентированный*, поскольку сущностно и стилистически он наиболее характерен для теории и практики политического управления (правления). Перечислим уже установленные особенности этого подхода, представляющие, по нашему убеждению, его существо:

1. Масса (как политическое большинство: «народ» (по Н. Макиавелли),

электорат, «революционно-преобразующая сила»; как объект бюрократически-рационального управления, прогрессирующая однородность) рассматривается в диалектическом взаимодействии с властью, правящей элитой (масса-«антивласть»; «неэлиты»). Политико-ориентированный подход в своих основных разновидностях рассматривает массовое сознание как некое совокупное волеизъявление, потенциальное мнение либо общества в целом, либо его существенного фрагмента (класса, группы).

2. В нем заложены тенденции к рассмотрению массы, прежде всего, в качестве *объекта* управления, воздействия на нее социально-политических институтов и акторов, к *схематизации* этого объекта.

3. Как правило, теоретические поиски в рамках данного подхода ограничиваются созданием абстрактных определений, не стимулирующих, а блокирующих социологические и культурантропологические исследования массы. «Масса», «массовое сознание» при указанном подходе сливаются с понятиями «большинство», «народ» (народонаселение), «класс» и другими (соответствующий тип сознания), утрачивая собственную специфику.

Рассмотрим другие особенности данного подхода, его основные исторические модификации, трактовки социально-массовых явлений в рамках политико-ориентированного подхода, а также его научно-эвристический потенциал и возможные последствия его практической реализации.

Анализ концептуальной эволюции политико-ориентированного подхода к социально-массовым явлениям позволяет выделить ряд его исторических модусов, обладающих собственной спецификой.

1. *Элитарно-патерналистский* модус. Эта модификация политико-ориентированного подхода к СМЯ получает разви-

тие и распространение в доиндустриальных цивилизациях и доминирует вплоть до эпохи Просвещения. Наиболее яркими ее представителями являются Конфуций, Платон, особняком стоит Н. Макиавелли, чьи суждения порой выходят за границы названного направления. Патерналистские мотивы проявляются в суждениях о том, что правящий слой праведников («цзюнь-цзы» у Конфуция, «философы» в учении Платона), либо государь осуществляют родительскую опеку, заботятся о благе всех слоев общества. При этом элита платоновского идеального государства носит меритократический характер, в то время как родоначальник современной политической науки Н. Макиавелли не оспаривает аристократической модели формирования элит и монархизма. Термином «масса» никто из представителей этого направления не оперирует, однако, «народ» Конфуция и Макиавелли обозначает неправящее большинство общества, неэлиты (в сущности то же, что позже у Р. Михельса etc. обозначается как «масса»).

Макиавелли, в духе политического реализма, важнейшей доблестью государя почитает не столько служение народу, сколько способность к сохранению власти, однако сохранение суверенитета и целостности государства объективно отражает и интерес народа. Надо отметить, что в рассуждениях Макиавелли мы находим не дихотомию элиты – массы (неэлит), а триаду «государь – знать – народ». Неэлитой здесь оказывается «народ» (в значении большинства населения неаристократического происхождения), «знать» – в зависимости от взаимоотношений с государем – частью «правлящей элиты», либо «контрэлитой» (в терминах В. Парето). Тем не менее Макиавелли рекомендует государю для укрепления своей власти добиваться, в первую очередь, расположения народа, а не аристократии, которая может оспаривать власть государя; при поддержке же народного большинства, знать более склонна признать легитимность такой власти. Помимо ценностно-нейтральной, дезаксиологической категории «народ» в текстах Макиавелли встречается и другая

категория – «чернь», несущая в себе презрительно-пренебрежительную оценку определенного широко распространенного психологического типа человека.

2. *Рационально-просветительский* модус политико-ориентированного подхода формируется в канун буржуазных революций – эпоху Просвещения и доминирует до последних десятилетий XIX века, а в «странах социализма» вплоть до конца 80-х – начала 90-х годов XX века.

Для него характерны: убеждение в том, что экспансия разума на массы путем просвещения приведет к установлению справедливого общественного строя, ликвидации социального неравенства и угнетения, расцвету человеческой личности, ансамблю личностей; вера в прогрессивное изменение разума масс, массового человека, его пробуждение и усовершенствование путем воспитания и привнесения в него научной картины мира и проектов (утопий) общественного переустройства. Этот модус, в свою очередь, можно разделить на два направления (ветви):

А. *Реформистская ветвь*: наиболее типично здесь французское Просвещение, отвергающее социальное насилие, однако, произведшее «революцию в умах» и сделавшееся одной из предпосылок «брожения» умов широких слоев общества и Великой революции, ставшей впоследствии наглядным пособием для теоретиков психологии масс.

Б. *Революционная ветвь*, представленная марксизмом-ленинизмом, для которого характерны противоречивость и раздвоенность в теоретической трактовке социально-массовых явлений, но в особенности – между теорией, ориентированной на демассификацию и гуманизацию личности и тотально-массовизирующей практикой:

программа-максимум: курс на отмирание государства, общественное самоуправление, рост массы населения, которая является сознательным историческим субъектом, сопроцветание творческих личностей при коммунизме, на отказ от дихотомического деления общества на элиту/массы, на демассификацию в ходе

формирования гармоничных творческих индивидуальностей;

программа-минимум, практика «де-факто» (в ленинизме, сталинизме и «двойниках» последнего): констатация особой роли вождей и элит в формировании мобилизационной идеологии, в привнесении ее в массу (доктрина «вожди-партия-класс-массы» в «Детской болезни левизны в коммунизме», комментарии к отрывкам из К. Каутского в «Что делать?» В.И. Ленина); формирование относительно однородной массы «трудящихся» (на основе гуманистически-интернационалистской доктрины и дегуманизированной практики), насаждение тиранического «вождизма», тоталитаризм. Вопреки идеологеме всеобщего равенства и эгалитаристской риторике, социальный иерархизм и элитократия в советском, маоистском и подобных им режимах не только не были преодолены, но и обрели более жесткие, порой карикатурные формы. Так, Ф. Фукуяма указывает на разительный контраст между эгалитаристскими идеологическими посылами и структурой «иконостасов» членов Политбюро в странах социализма, где портреты «вождей» были выстроены строго согласно их месту в правящей иерархии [6, с. 96].

Таким образом, гуманистический проект основателей марксизма по просвещению масс, их движению к творчеству, «элитаризации» при коммунизме (как усовершенствованной модели просветительского «общества Разума»), ликвидации общественного неравенства как основы дихотомии элиты/массы, управляемых и управляющих, и тем самым демассификации, – не был реализован, а практика эпигонов марксизма развертывалась фактически в обратном направлении (массификация, элитократия).

Типологическое сходство всех разновидностей рационально-просветительской модификации политико-ориентированного подхода удачно, на наш взгляд, обозначено М. А. Хевеши: «Упование на силу разума, уверенность в том, что именно разум будет определять поведение масс, и составляет суть просветительского подхо-

да, при всем многообразии его трактовок на всем протяжении истории» [7, с. 32].

3. *Элитократический модус* формируется вместе с появлением «макиавеллистской» школы элитологии, представленной в своем зрелом виде идеями Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса, и являющейся, как представляется, наиболее рельефным выражением политико-ориентированного подхода к пониманию социальной «массы». Неизбежность и необходимость деления общества на «правлящий класс», элиту (при циркуляции ее различных групп у В. Парето) и неправящее большинство, массу; культурно-ментальное, психологическое, ресурсное превосходство элиты, ее групповая сплоченность в противовес «вечному несовершеннолетию» большинства, массы (по выражению Р. Михельса), ее дезорганизованности, склонности к раболепию перед авторитетом, – вот важнейшие тезисы представителей названной школы. Законченно пессимистичны в отношении роли масс в политике предложенные Р. Михельсом «железный закон олигархических тенденций», отвергающий демократию как утопию, его тезисы о неспособности – даже в исторической перспективе – большинства к самоуправлению, об обреченности массы (и в условиях представительной демократии) быть «пьедесталом для величия олигархии». Результат любой классовой борьбы, любой – даже социалистической – революции состоит, по мнению Михельса, как и других элитаристов-макиавеллианцев, лишь в том, что «одно меньшинство сменяет другое в своем господстве над массами» [4].

4. Элитистский манипулятивно-технологический модус политико-ориентированного подхода к СМЯ рождается как ответ на массовый активизм буржуазных и социалистический революций, затем – на появление массовых тоталитарных режимов, по мере освоения идей Г. Лебона, Г. Тарда, З. Фрейда политическим классом. В его основе – попытка обуздания масс и управления массовыми собраниями, толпами, а позднее и медиа-аудиториями, с целью предотвращения социальных катаклизмов, на основе синтеза собствен-

но политической теории с положениями социальной психологии и психоанализа. Время формирования и действия – конец XIX – первая половина XX веков, зрелое индустриальное общество.

Развернутый анализ данной модификации политико-ориентированного подхода к СМЯ дается С. Московичи, в его выдающейся по содержанию и стилю работе «Век масс». В основании данного подхода к СМЯ усматривается разочарование в рациональности и созидательных возможностях масс, стремление вооружить рациональную элиту индустриального общества знанием природы массы и технологией ее контроля и управления ею. Для нейтрализации опасности, исходящей от масс, элита должна овладеть технологиями обуздания массы, «прежде, чем улица навяжет ей сильную личность» [5, с. 166]. Моделью массы здесь видится толпа, демиургом, медиумом толпы – лидер-вождь. Именно вождь формирует массу, привносит в нее идею, наполняющую ее «плотью и кровью». Механизмом формирования массы, ее взаимодействия с вождем является, по Г. Лебону, гипнотическое внушение, а по З. Фрейду, сочетание либидо в отношении вождя и идентификации членов массы по отношению друг к другу. Технологическая сторона воздействия на массу описывается следующим образом: если индивида убеждают, то массе внушают.

Г. Лебон выступает за плебисцитарную демократию масс, объединенных вокруг руководителя, когда плебисцит с помощью голосований и демонстраций подтверждает связь с верховной властью, с демократически ориентированным лидером-вождем (наподобие Ш. Де Голля во Франции). Г. Тард говорит о предпочтительности «демократии публик», создаваемых медиа, где масса рассеяна и каждая часть сообщества, следующая собственным традициям, основывается на консенсусе индивидов. Здесь речь идет уже о демократии информационного, ныне – «экранного» общества (по Г. Маклюэну), где искусство правления – больше не искусство оболщания масс вождем, а искусство коммуникации [5, с. 255, 260].

Выделим общие черты рассматриваемого модуса: надежды на духовное пробуждение массы (как у просветителей) отсутствуют, масса «объективируется» в отношении управленческого субъекта, элит; происходит теснейшее сближение с другим подходом к СМЯ – социально-психологическим; превалирует научно-прикладная, технологическая установка на познание масс и управление ими: цель науки – обнаружение метода управления, соответствующего психологии масс; политика рассматривается в своей сущности как «рациональная форма использования иррациональной сущности масс» [5, с. 63].

5. *Модус демократическо-элитистский* формируется, в основном, начиная со второй половины XX века в качестве своеобразной апологии сохранения элитократии в условиях развития демократических институтов, действия электоральных систем, предполагающих формирование правящей элиты на выборах, конкуренции открытых меритократических элит, роста их зависимости от масс.

Теоретики «демократического элитизма» Н. Боббио, П. Бахрах, Л. Кавалли, Т. Дай и Х. Цайглер и др. исходят из следующих постулатов, характеризующих, по их мнению, демократию как реальность: 1) сомнение в пригодности классических теорий демократии для «массовых демократических обществ», поскольку в реальности политические решения принимаются незначительным меньшинством, элитами; убеждение в том, что именно множественность элит, конкурирующих между собой, и является отличительной чертой демократии; 2) мнение о несамостоятельном и неконструктивном характере политической активности масс: поведение масс является преимущественно реакцией на предложения и поведение политических элит, отзвуком их активности; 3) тезисы о необходимости сдерживать якобы присущие массам антидемократические устремления (массы могут быть гораздо правее элиты, восприимчивы к соблазнам тоталитаризма) и о том, что прочной опорой демократии могут быть исключительно демократически ориентированные элиты [1, с. 322-325].

Таким образом, для «демократического элитизма» подлинным субъектом политического процесса является элита, массы выступают скорее как угроза для стабильного функционирования системы. Квинтэссенцией подобного подхода к пониманию роли масс в демократическом политическом процессе является утверждение Т. Дая и Х. Цайглера о том, что если бы выживание политической системы США зависело от активности и просвещенности граждан, демократия в Америке исчезла бы, «ибо массы в Америке апатичны и дезинформированы в политическом отношении и удивительно мало привязаны к демократическим ценностям» [11, с. 2].

Проповедь элитаризма и скептические оценки роли масс в условиях демократического режима не являются исключительной прерогативой представителей политического класса или сообщества политологов. Немалое число философов разделяют с ними скепсис в отношении возможностей и результатов самостоятельной активности масс в политике, «демократии масс». Так, критика «метафизики большинства» у Н.А. Бердяева направлена против эгалитаристской тенденции в демократии и основывается на рассмотрении двух проблем: 1) должны ли мы искать истины у большинства или же у «меньшинства» компетентных, экспертов, т. е. элиты; 2) большинство «может захотеть самого страшного зла», и демократический принцип ничего не может возразить этому злу [2] (приход Гитлера к власти в результате победы НСДАП на демократических выборах, манифестации в поддержку казней во время репрессивных процессов сталинской эпохи). К. Ясперс также высказывает сомнение в возможности квалифицированного участия в принятии сложных политических решений среднего по своему интеллектуальному и нравственному потенциалу массового человека; исходит из положения, что мнения и «ценности» массы и массового человека являются не столько чем-то им имманентным, сколько «вложенным»: следствием манипуляции, внушающих воздействий пропаганды и рекламы [10].

Ж. Бодрийяр, характеризуя социально-политическую ситуацию эпохи позднего потребительского капитализма, настаивает на принципиальной невосприимчивости массы, массового человека к политическим призывам, попыткам мобилизации со стороны элит, определяет их ответ как имплозию, безвозвратное поглощение информации, смыслов и лозунгов, как пассивность и безразличие, уход во фрагментированную бытовую жизнь. Французский философ и социолог отмечает также несовместимость масс и рациональной коммуникации («массам предлагают смысл, а они жаждут зрелища»), что создает тенденцию к перерождению политики в массовом обществе в «шоу-политику» (Ги Дебор), подобие политического балагана, развивающегося по законам массового зрелища. Все это ведет к кризису политики как социального института, кризису демократического проекта, а в теории – к демонтажу дискурса элит-массовых отношений как субъект-объектных (последние положения можно рассматривать и как критику оснований политико-ориентированного подхода к СМЯ с постмодернистских позиций) [3].

В своих основных чертах и исторических модусах политико-ориентированный подход может быть охарактеризован как элитократический (пожалуй, за исключением просветительского модуса и марксистского подхода исключительно в его теоретическом виде, поскольку практика марксизма-ленинизма-сталинизма-брежневизма и их зарубежных «клонов» также была по существу элитократической). Рациональное зерно такого подхода: попытка учесть опасность неквалифицированного и аморального правления масс, диктатура большинства (по А. де Токвиллю) и избежать последних. Но, в то же время, данный подход сам представляет подспудную опасность, будучи ориентирован не на демассификацию общества и индивидов, а скорее на консервацию когнитивно-психологической и ценностной «нищеты» масс.

Ключевые пороки политико-ориентированного подхода во многом связаны, как представляется, с трудноискоренимыми

ми характеристиками самих элит как властвующего субъекта:

это, во-первых, приоритет «воспроизводства» своего элитарного статуса над служением обществу. Ведь, по утверждению Г. К. Ашина, элита – это та страта общества, у которой стремление к власти, порой власти максимальной, абсолютной является доминантой в ее ценностных ориентациях [1, с. 339];

во-вторых, представляется, что, с точки зрения интересов властвующего субъекта, желаемой моделью объекта управления являлась бы однородность и атомизированность индивидов, составляющих этот социальный объект, то есть именно состояние массы. Поэтому любая политическая власть, независимо от ее деклараций, на наш взгляд, содержит в себе массовизирующую интенцию, имеет стимул для конституирования массы управляемых либо консервации уже сложившейся массы. Наиболее характерными в этом отношении оказываются тоталитарные и авторитарные политические режимы, однако, в виде тенденции, в преобразованном виде, конституирование (консервация) массы – черта и современных демократий (проявляющаяся, в частности, в конституировании массового потребления и маскульту в качестве атрибутов национального «образа жизни»).

Итак, при элитократической версии политико-ориентированного подхода к

СМЯ диспозиция элита (правящая) – массы (неправящие) универсализируется, объ-является вечной («на все времена»). Масса трактуется как неэлиты, вся система СМЯ пронизывается дихотомическим разделением: массовой и элитарной культур (последней – как субкультуры правящего слоя, его семиотики, образа жизни и потребления); массовой и элитарной психологии (как большей или меньшей выраженности «воли к власти», к политическому господству; дихотомии активности – пассивности, доминирования – подчиненности чужим воле и/или авторитету); массового и элитарного поведения (рациональное – эмотивное; эзотерические акции, склонность к компромиссам – прямое действие, «разрядка» фрустрации в форме буйствующей толпы); массового / элитарного сознания (первое отождествляется с волеизъявлением большинства, общественным мнением, либо с «общественной психологией», второе – со способностью к продуцированию мобилизующих или умиротворяющих массы идеологий и манипулятивных технологий).

«Массовое общество» (понятие, характерное для новейшей эпохи) трактуется тогда не как социум, где господствует масса или ее воля, подобно, например, представлениям К. Ясперса, а скорее как общество, где правящей элите противостоит как объект управления метаобщность нового типа – масса («класс нормальных потребителей», субъект-объект китч-культуры).

1. Ашин Г.К. Элитология / Г.К. Ашин. – М., 2005.

2. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Е.А. Бердяев. – М., 1995.

3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. Призрак толпы. – М., 2008. – С. 186–240.

4. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Библиотека «Полка букиниста» [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://society.polbu.ru/political_science/ch62_all.html (дата обращения: 09.01.2010).

5. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи; пер. с фр. – М., 1996.

6. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. – М., 2004.

7. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика: ист.-филос. очерк / М.А. Хевеши; Рос. акад. наук. Ин-т философии. – М., 2001.

8. Чернов Г.Ю. К вопросу о постмодернистском подходе к социально-массовым явлениям / Г.Ю. Чернов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №29 (167). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 13. – С. 37–43.

9. Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы / Г.Ю. Чернов. – Дубна, 2002.

10. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Призрак толпы / Карл Ясперс, Жан Бодрийяр. – М., 2008.

11. Dye T., Zeigler H. The irony of democracy: An uncommon introd. to Amer. politics / Thomas R. Dye, L. Harmon Zeigler. 3 ed. North Scituate (Mass.), 1975.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ЛОББИЗМА (НА МАТЕРИАЛАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

УДК 32

А.В. СЛАВЯНСКИЙ

Россия исторически сформировалась как централизованная и многосоставная держава, в которой регионы всегда ощущали недостаток самостоятельности. Имманентное противоречие между централизмом и регионализмом проявляется и сегодня, что вызывает определенные, часто негативные институциональные и процессуальные последствия. Регионализм как стремление местных сообществ к активному продвижению своих интересов противоречив и может быть опасен, так как может порождать такие явления, как территориальный эгоизм, сепаратизм, национализм и другие деструктивные явления. Поэтому необходимо постоянно заботиться об обеспечении баланса интересов государства и регионов, об укреплении федерального административно-территориального строя, об осуществлении информационной политики по защите интересов провинций и регионов [10]. В литературе прослеживается повышенное внимание к анализу региональных элитологических, партологических и электоральных процессов, при этом проблемы развития информационного лоббизма власти и оппозиции в регионах, изучаются совершенно недостаточно. Между тем, как отмечают Тимофеева Л.Н., Кислицын С.А., информационное противостояние лоббистских сил стало имманентной частью политической борьбы власти и оппозиции [7; 9].

Исследование этих проблем осложняется тем, что если на Западе лоббизм является легальной формой коммуникаций, то в России он часто воспринимается как синоним коррупции. Политологи, как правило, выступают за принятие закона «О лоббизме» предлагают конкретный механизм, основанный на принципах саморегулируемых организаций, но политики – против. Эта позиция связана с известными фактами нецивилизованного лоббизма (приватизационные процессы

конца 1990-х гг., раздел ЮКОСа, скандал весной 2010 года с кампанией «Даймлер» и др.). Но имеются и позитивные факты: например, успешная публичная кампания против запрета на ввоз автомобилей с правым рулем и закон об ОСАГО [6].

Рассмотрение лоббизма как вида политической коммуникации представляет собой новое направление политологического исследования. А.И. Соловьевым, В.В. Егоровым и др. введено понятие «информационный лоббизм», которое определялось как деятельность групп давления по оказанию влияния на лиц, принимающих решения в рамках институтов государственной власти, осуществляемая путем организации коммуникативных обменов между участниками взаимодействия с целью формирования определенного варианта решения в пользу заинтересованных лиц. Это вид политической коммуникации, направленный на принятие/непринятие государственного решения в интересах политического субъекта на основе прямых и косвенных через СМИ методов передачи политической информации. Феномен информационного лоббизма – явление в чистом виде коммуникационное, т.к. он основан на оказании воздействия субъектов на объекты и достижении компромиссных договоренностей. Коммуникационный характер лоббизма получил признание в законодательных актах в США, где используется понятие «лоббистская коммуникация». В современных политических процессах коммуникация поставлена на первое место, став ее инструментом самопрезентации и воспроизводства [2, с. 21].

В условиях модернизации России возрастает необходимость целенаправленного продвижения положительной информации о регионе с целью создания благоприятного отношения к нему инвес-

торов, туристов и самого населения. Во многих субъектах РФ организации, осуществляющие функции информационного маркетинга региона выполняют их частично и бессистемно [4]. Между тем Россия представляет собой совокупность различных регионов, которые значительно отличаются друг от друга по промышленным, ресурсным и инвестиционным потенциалам. При этом регионы интегрируются в мировую экономику и вынуждены открыто конкурировать между собой в борьбе за инвестиции и квалифицированную рабочую силу, за покрытие растущего уровня потребностей населения в качестве жизни. В силу этих причин в регионах активно развивается т.н. «региональный менеджмент» – комплексный метод разработки и реализации целевых программ. Составной частью этой стратегии является информационный лоббизм прессы.

В последнее время происходит трансформация общества под воздействием информации, что структурирует все политические процессы, естественно, и процессы лоббирования, в том числе регионального. Информационная составляющая начинает играть приоритетную роль в механизмах регионального лоббизма. Лоббисты задействуют информационные ресурсы с целью влияния на общественное мнение, экспертное мнение и поступки властных органов и лидеров в итоге. В связи с этим исследователи говорят об информационном маркетинге территории, об информационной политике региона, о региональном менеджменте, о внедрении информационных технологий в технологии политические и об их сращивании с информационными технологиями. В этом контексте информационный политический лоббизм можно воспринимать как узкую политическую технологию, а при более широком подходе, он может отражать развитие всего комплекса политических технологий.

Для успешной реализации таких технологий необходима информационная прозрачность процессов, происходящих в регионе, а также приведение практики в соответствие с теорией, креативный выбор концепции продвижения региона, рациональная социальная и экономическая политика региона. Большое значение имеет Brand-personality – личность, воз-

главляющая регион, ее позиционирование как лидера. СМИ выступают фактором, способным форматировать все местное политическое пространство. Основным методом политического влияния СМИ на общественное мнение является формирование информационной повестки дня, в том числе политическая агитация, скрытое информационное внушение, семантическое манипулирование, информационное отвлечение, фрагментация политических событий, усиление «срочности» политических сообщений, создание политического резонанса, «драматизация» политических событий, формирование «образа врага», навязывание политических стереотипов, пропаганда политических мифов и имиджей, политическая реклама. К числу показателей эффективности воздействия СМИ на общественное мнение в литературе относят психологическую включенность аудитории в систему массовой информации, осознанный выбор определенных средств СМИ (газеты, журналы, радио, телевидение, интернет) для получения политической информации; выбор отдельных политических сообщений (материалов, передач) в объеме политических сообщений, предоставляемых данным источником информации, избирательное восприятие политических сообщений, актуализация политической информации в сознании и поведении потребителей информации. СМИ региона формируют общее, эмоционально окрашенное системное представление о регионе как государственном субъекте и уровне управления, которое является имиджем. Они транслируют основные политические характеристики региона: режим власти, роль лидера, способ исполнения полномочий, характер отношений с федеральным центром, особенности взаимодействия с бизнесом. Существует такая агрессивная форма применения указанных выше направлений, как информационная война. Ее появление связано с тем, что зачастую единичные информационные сообщения не могут создать устойчивой коммуникации и требуют постоянного и интенсивного информационного сопровождения, которое ведет к формированию через СМИ общественного сознания. Необходимость «информационных войн» как формы информационного лоббирования интересов

связана, в том числе, с необходимостью создания устойчивой репрезентации позиции центра и региональных интересов.

Технологии информационного лоббизма связаны с происходящими в регионе политическими процессами. Система критериев для оценки технологий основана на таких параметрах, как уровень стабильности режима власти, качество политико-государственной квалификации управленцев, наличие политической конкуренции, привлекательности региона для инвесторов. В России приоритетными технологиями становятся формирование политического имиджа на основе региональной специфики; формирование политического бренда с соблюдением баланса между геосоциокультурными компонентами и общероссийскими ценностями. Технология «информационной войны» не воспринимается как исключительно политический инструмент, так как она является также социально-экономическим инструментом увеличения инвестиционной привлекательности региона.

На характер информационного лоббизма регионов влияют различия в статусах и объемах полномочий между субъектами РФ, дифференциация регионов по уровню экономического развития; региональная политическая культура; советское политическое наследие. Региональный лоббизм обычно воспринимается как система взаимоотношений между чиновниками на региональном уровне, которая определяет принятие соответствующих политических решений. В современных условиях становления информационного общества такой внутренний лоббизм являет собой скорее пережиток прошлого и тормозит развитие региона. Актуален именно внешний лоббизм, который направлен на представление интересов региона на федеральном уровне и имеет рациональную информационную составляющую.

СМИ являются одним из факторов, обеспечивающих профессиональный и компетентный лоббизм интересов, как Центра, так и регионов. Региональный информационный лоббизм включает в себя деятельность СМИ по пропаганде и защите разнообразных интересов регионов перед центром и формировании в обществе позитивного общественного мнения о регионах. Примитивная пропаганда начинает

заменяться технологиями связи с общественностью, политической рекламы, политического маркетинга и т.п. Основные тенденции формирования информационного лоббизма регионов включают выражение лояльности политике федерального центра и импровизационное применение западных высокотехнологичных методов. В тоже время прослеживается отсутствие постоянной обратной связи с населением; закрытый, непубличный характер политической деятельности региональных правительств.

Региональные СМИ Ростовской области формируют политический имидж Дона на основе понятий: «политическая устойчивость», «экономическое благополучие», «межнациональное и межконфессиональное согласие», привлекательный в инвестиционном ракурсе, туристический имидж. В основу работы по позиционированию области должна быть положена стратегическая концепция, включающая частные концепции по PR, рекламе, продвижению и т.д. Перед властью и общественностью должна стоять задача – разработать, принять и реализовать такую стратегию, которая бы соответствовала бы приоритетам и интересам определенных групп, объективно нацеливалась бы на перспективные цели регионального развития, с учетом складывающейся и прогнозируемой общественно-политической и экономической конъюнктуры. С точки зрения PR необходимо обеспечить решение задачи формирования региональной идентичности, соотношения всех элементов композиции имиджа с социальной миссией, возложенной на бренд. В условиях формирования основ информационного общества на первый план в политических процессах, в общем, и в процессах лоббирования регионов, в частности, выходит информационно-коммуникативная составляющая. Лоббизм как политическая технология, как совокупность действий в региональном информационном пространстве, направленных на формирование имиджа и бренда региона, трансформируется под влиянием информационной революции в информационно-политическую технологию. Стратегическое планирование в области информационного продвижения региона должно быть нацелено на крупные СМИ, имеющие выход на мас-

совую аудиторию и вес на федеральном уровне. Для того чтобы социально-экономическая политика соответствовала исторической миссии региона и выражала региональные интересы, она должна иметь цели, которые будут известны и понятны ее субъектам и объектам, соответствовали исторической миссии региона. Миссия связана с историческим предназначением региона, это своя формула развития, это выявление собственной экономической ниши в общероссийском и межрегиональном обмене на основе территориального разделения труда и учета специфики культурных и социальных особенностей региона. Под миссией региона понимается вербальная формула развития, позволяющая региону укреплять социально-экономический статус и видеть перспективу для эффективного функционирования. На сегодняшний день властью Ростовской областью историческая миссия региона сформулирована неясно и непродуктивно. В этой связи необходимо на базе обсуждения в СМИ и общественных организациях, с участием представителей бизнеса, общества, всех слоев и социальных групп населения, сформулировать адекватную историческую миссию региона, которая станет отправной точкой планирования управленческой деятельности органов государственной власти, скоординирует цели экономическим агентам и стратегию поведения домашних хозяйств. Уровень информационной открытости субъектов политики свидетельствует об уровне «демократичности» местной элиты. Региональные СМИ как социально-политический институт являются важным фактором трансформации российского общества в современный период. Лоббизм через СМИ выступает как катализатор для принятия решения, которого не удалось добиться GR-методами. Профессионально работающая лоббистская структура может и должна использовать инструмент пиара для достижения поставленных целей.

Приоритетными задачами коммуникационной стратегии Ростовской области являются продвижение в российском и международном инвестиционном сообществе имиджа области как одного лидеров среди регионов Юга России. Важно обеспечить формирование системы антикризисного PR для нейтрализации

событий, негативно влияющих на имидж региона. Реализация стратегии предполагает проведение PR-кампании, включающей три уровня: привлечение внимания к Ростовской области потенциальных инвесторов и формирование в инвестиционном сообществе позитивного мнения об области как благоприятном месте для размещения инвестиций; продвижение имиджа области в среде потенциальных инвесторов; формирование поддержки действий руководства области по привлечению инвестиций [8].

В Ростовской области динамично развиваются внешнеторговые связи, которые могут служить основой для широкого освещения промышленных, технологических, научно-образовательных и других достижений региона в странах-партнерах [5]. Для этого необходимо продвижение в российском и международном инвестиционном сообществе, формирование имиджа области как лидера среди российских регионов, формирование системы антикризисного PR для нейтрализации событий, негативно влияющих на имидж региона. Донские предприниматели озаботились имиджем Ростовской области. Ведущие корпорации Дона учредили Некоммерческое партнерство «Донской Регион». 10 корпораций, поставили своей целью «развитие и продвижение благоприятного имиджа Ростовской области на пространстве российских и мировых СМИ». Необходимость в работе над имиджем региона вызвана тем, что процесс управления репутацией, создание образа успешного региона ведет к повышению инвестиционной привлекательности, увеличению темпов промышленного роста, развитию у жителей чувства гордости за свою «малую Родину». Однако проблемы формирования имиджа России, а также отдельных ее регионов на международном и внутреннем рынке сохраняются. Анализ результатов исследования бренд-имиджа Ростовской области, всех факторов, которые сказываются на нем позитивным и негативным образом, позволяет выявлять новые направления коммуникационной политики, что позволит скорректировать сложившийся не вполне адекватный бренд-имидж региона [3, с. 21].

На «брендированность» региона влияют не только экономические, но и бо-

лее гуманитарные или «мягкие» факторы, имеющие прямое отношение к рекламе и PR: символы региона (герб, флаг и гимн); архитектурно-мемориальные символы; вербальные символы; региональные награды; выставочно-ярмарочная деятельность; фестивали, конкурсы, праздники, имеющие региональный или общероссийский характер; справочная информация о регионе; наличие «визитных карточек» региона – сайты в Интернете, рекламные и общественно-политические журналы, справочники, буклеты и т.д.; информирование о знаменитых людях, живших и работавших на благо региона, а также тех, кто живет и работает в регионе в настоящее время. В качестве примера можно привести позиционирование области с использованием ряда брендов, которые пытались привязать к Ростову: «Седьмая столица», «Южная столица», «столица Тихого Дона», «Образовательный и научный центр ЮФО», «Ворота Кавказа» и т.д. В этом плане продуктивно присвоение городу звания «город воинской славы». Интересно предложение областного координационного совета по туризму по продвижению туристического бренда «Серебряная подкова Дона». Въездной и внутренний туризм в администрации области называют приоритетным направлением социально-экономического развития.

Одна из причин невостребованности донского турпродукта, называемая наиболее часто, – недостаточное его продвижение на российском и международном рынке. В массовом сознании населения Ростовская область пока не ассоциируется как туристически-рекреационный регион. Потому необходимо сформировать соответствующую позитивную репутацию области и ее туристический бренд.

В основу работы по позиционированию Ростовской области должна быть положена стратегическая концепция, включающая частные сюжеты по PR, рекламе, продвижению и т.д. Концепция должна рассматриваться на уровне региональной власти, которая может выступить инициатором создания Общественной палаты, на которую могут быть возложены функции по позиционированию региона, в т.ч. по разработке рекомендаций как для региональных властей, так и для частных компаний [1]. Органы власти при участии широкой общественности должны разработать, принять и реализовать такую стратегию, которая бы не просто соответствовала бы приоритетам и интересам определенных групп, а нацеливалась бы на перспективные цели регионального развития и могла бы предложить решение задачи обеспечения региональной идентичности.

1. Ароян А.С. Субсидиарность как концептуальная основа эффективного взаимодействия государства, местного самоуправления и гражданского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук / А.С. Ароян. – Ростов н/Д, 2010.

2. Белоусов А.Б. Лоббизм как политическая коммуникация: основы теоретического моделирования: автореф. дис. ... канд. полит. наук / А.Б. Белоусов. – Екатеринбург, 2004.

3. Бренд-имидж региона: методика и результаты исследований (на примере Ростовской области) // Реклама. Теория и практика. – 2006. – № 6.

4. Тимошенко Б. Информационный маркетинг региона как фактор экономического роста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.journalist-virt.ru/mag.php?s=200707231>

5. Карташова М. В. Инвестиционная конкурентоспособность Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Rg.ru <http://club-rf.ru/r61/directspeech/568/>

6. Костенко Н. Лоббизм без правил / Н. Костенко, А. Никольский // Ведомости. – 2009, 15 декабря.

7. Кислицын С.А. Контрэлиты, оппозиции и фонды в политической истории России / С.А. Кислицын. – Ростов н/Д, 2009.

8. Ситников Ю.В. Инвестиционная привлекательность Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: science.ncstu.ru/.../2007/kman/theses/02/16.pdf/file_download.

9. Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция, взаимодействие, взаимоконтроль, коммуникации / Л.Н. Тимофеева. – М., 2004.

10. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учебник высшей школы экономики / Р.Ф. Туровский. – М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2006.

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ФРАКЦИОННОСТЬ: УГРОЗА ЕДИНСТВУ ПАРТИИ ИЛИ УСЛОВИЕ ЕЕ ВЫЖИВАНИЯ

УДК 329.055

А.В. ТАБАЛОВ

Для любой политической партии в мире главной целью является приход к власти для реализации определенного политического курса. Этот курс может быть сформулирован в виде официальной политической программы партии или, как вариант, может представлять собой лишь артикулированный набор интересов различных групп влияния внутри партии. Общественное и функционирование внутри политической партии таких организованных групп единомышленников – фракционность – представляет для политической науки особый интерес.

Фракция (от лат. *fractio* – разламывание, раздробление) – обособленная часть политической партии, выступающая с политической программой, противоречащей основному принципиальным положениям программы партии [1].

Другое определение, сформулированное Брокгаузом и Ефроном, идентифицирует фракцию как политическую группу, выделившуюся из партии [5].

Очень часто понятие фракционности политологи связывают с рассмотрением проблемы внутрипартийной оппозиции и партийных меньшинств [6], обеспечением их прав внутри партии. Однако фракционность, на наш взгляд, это еще и способ своеобразной партийной ассимиляции и расширения состава партии за счет вовлечения и поглощения более мелких политико-общественных структур. Внутрипартийная борьба фракций оказывает влияние на политику партии в целом, создает проблемы для ее руководства. Но наряду с этим фракции позволяют привлечь на свою

сторону избирателей из различных социальных слоев, учитывать многообразие социальных, культурных, экономических, религиозных и других ориентаций в обществе [2].

Причины фракционности в партии не являются однозначными и могут иметь различную природу. С одной стороны возникновение фракций может быть связано с преодолением внутрипартийного кризиса, с необходимостью расширения базы поддержки партии и привлечения в нее новых людей, с другой стороны – с обострением борьбы за власть в партии между отдельными лидерами и их группами поддержки. В первом случае фракционность может рассматриваться как своеобразная мера партийного антикризисного менеджмента, во втором – как угроза единству партии, нередко приводящая к расколу.

В мировой практике есть достаточно примеров фракционной политики, однако, как справедливо отмечает С. Радкевич [6], среди множества отрицательных примеров очень сложно найти положительные.

Наиболее ярким примером партии с фракционной структурой является Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ), образованная путем слияния Либеральной и Демократической партии и находившаяся у власти 55 лет (с 1955 года до августа 2009 года, не считая короткого перерыва в 1993-1994 годах).* В настоящее время в ЛДПЯ существует 8 фракций, у каждой из которых есть своя организация и руководство. Несколько фракций существует в ХДС Италии и в лейбористской партии Великобритании.

* 30 августа 2009 года ЛДП Японии потерпела сокрушительное поражение на выборах в нижнюю палату парламента, получив 119 из 480 мест в парламенте, и перешла в оппозицию (General election results final breakdown. Kyodo News. 31 августа 2009 года: URL: <http://home.kyodo.co.jp/modules/fstStory/index.php?storyid=457307>). Некоторые наблюдатели склонны видеть причиной этому не столько господствующий мировой экономический кризис, сколько внутренние проблемы и неэффективность самой ЛДПЯ.

Думается, что на самом деле фракции представляли угрозу исключительно для В.И. Ленина и его ближайших соратников из высшего партийного руководства, поскольку подрывали механизмы единоличного управления партией и мешали концентрации власти. Фракции порождали конкуренцию, но этого Ленин, а позднее Сталин допустить не могли.

В российской современной политической практике имеется только один пример фракционного дробления внутри партии – это Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО». Во всех других официально зарегистрированных политических партиях, а сегодня их всего 7, фракции отсутствуют. В уставах некоторых из них существует прямой запрет на создание фракций, например, у «Патриотов России». Планировавшееся выделение в «Единой России» правого и левого «крыльев» партии остановилось на уровне обсуждений.

Фракционность как угроза единству партии

Фракционность была одной из главных проблем для большевиков. Об угрозе для партии, исходящей со стороны фракций, говорил еще В.И. Ленин на X Съезде РКП(б) [3]: *«...в партии обнаружались некоторые признаки фракционности, т. е. возникновения групп с особой платформой и с стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину... Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности».*

Фракционность, по мнению большевиков, представляла реальную угрозу организационному и идеологическому единству партии – одному из коренных принципов революционной марксистской партии. X съезд РКП(б) принял предложенную Лениным специальную резолюцию “О единстве партии”, в которой указывалось на вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности и предписывалось немедленно распустить все фракционные группы [1].

Причины фракционности в партии большевиков рассматривал и соратник Ленина, ставший позже соперником Сталина, Троцкий, выступавший за необходимость установления в партии режима рабочей демократии, под которым понималась свобода открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, а также выборность должностных лиц и коллегий снизу доверху. При подготовке своего проекта резолюции «О партстроительстве» Троцкий выражал особую тревогу и подчеркивал, что «вскрывшиеся за последнее время в партии фракции и группировки выросли

не из злоупотребления режимом рабочей демократии, а, наоборот, в результате действия чисто бюрократического режима. Чтобы подорвать фракционность, надо избавиться от бюрократизма» [7].

В итоге борьба с фракциями за единство партии, начавшись в дореволюционный период изгнанием из нее экономистов, ликвидаторов и меньшевиков, продолжилась в послереволюционный период сосредоточением всей власти в руках узкого круга лиц и нередко сопровождалась выводом политических противников из партии, лишением их гражданства СССР, высылкой из страны, а также физическими расправами. В результате, например, такой жестокой внутрипартийной схватки Л. Троцкий был в конце 20-х годов лишен гражданства СССР, изгнан из страны и убит в начале 40-х годов двадцатого века.

Из последних примеров фракционности в современной политической жизни наиболее ярким является появление и оформление в 1989 – 1990 годах внутри КПСС демократической, марксистской и большевистской платформ (фракций по своей сути), что привело в итоге к внутрипартийному расколу и к исчезновению КПСС с политической арены страны в августе 1991 года [4].

Фракционность как преодоление внутрипартийного кризиса

Потерпев поражение на выборах в Государственную Думу РФ в 2003 году, деморализованное «ЯБЛОКО» оказалось перед угрозой ликвидации. Партия потеряла значительное количество своих сторонников, в региональных отделениях царил растерянность и неопределенность. К концу 2004 года высшее руководство «ЯБЛОКА» сумело выйти из депрессии и взяло твердый курс на сохранение партии как непарламентской оппозиции. Большие надежды руководство партии связывало с региональными выборами и в первую очередь с выборами в Московскую городскую Думу в декабре 2005 года, которые по значимости были приравнены к федеральным.

Именно выборы в Мосгордуму можно считать отправной точкой процесса создания фракций (внутрипартийных объединений) внутри РОДП «ЯБЛОКО». К этому моменту потерпела фиаско инициатива экологов из «Союза зеленых России» по созданию собственной политической

партии, для регистрации которой по действующему на тот момент законодательству требовалось иметь не менее 50 тысяч членов по стране. У «зеленых» набиралось не более 20 тысяч. Из-за недостаточной численности в это же время не удалось создать собственную партию и солдатским матерям. Для участия в выборах в Москве «ЯБЛОКУ» на своей основе удалось создать избирательный блок с участием представителей СПС, Союза зеленых России и солдатских матерей. Это, безусловно, позволило «ЯБЛОКУ» преодолеть на выборах 10%-й заградительный барьер и сформировать в Мосгордуме собственную фракцию. После этого в партии начались структурные преобразования, в результате чего союзники «ЯБЛОКА» по избирательному блоку – экологи и солдатские матери вошли в его состав на правах фракций.

Внесенные в 2006 году на съезде поправки в устав партии [8], узаконили создание различных внутрипартийных объединений (фракций): молодежных, гендерных, отраслевых и других. Сферой деятельности таких внутрипартийных объединений стала разработка программ и политических курсов по направлениям их деятельности.

Процесс создания фракций внутри «ЯБЛОКА» был сознательно усложнен. Чтобы зарегистрировать фракцию в партийной комиссии, инициаторам создания внутрипартийного объединения необходимо заручиться поддержкой не менее трехсот зарегистрированных членов партии не менее чем из одной трети региональных отделений, при этом от одного регионального отделения во фракции должно состоять не менее десяти членов партии.

Фракциям предоставили право участвовать в выдвижении кандидатов и списков кандидатов в руководящие органы партии, а руководители зарегистрированных внутрипартийных объединений получили право участвовать в заседаниях руководящего и представительного органов партии с правом совещательного голоса. Кроме того, фракции получили право назначать по одному своему представителю в состав Федерального совета партии, определяющего политическую линию партии в период между съездами.

В настоящее время в РОДП «ЯБЛОКО» существует 6 фракций: женская (гендерная), «Зеленая Россия» (экологическая),

правозащитная, «Солдатские матери», социал-демократическая, молодежная. Заявлено о создании еще трех: фракции предпринимателей, либеральной и фракции пенсионеров. В отличие от Либерально-демократической партии Японии, где наличие фракций вносит соревновательный элемент, в «ЯБЛОКЕ» деятельность фракций носит больше имитационный характер и обозначает лишь видимость многогранности партии, поскольку фракции в большинстве своем сформированы формально.

Таблица 1. Фракции в составе РОДП «ЯБЛОКО» и их лидеры

Фракция	Лидеры
Женская	Г.М. Михалева
«Зеленая Россия»	А.В. Яблоков
Правозащитная	В.В. Борщев, С.А. Ковалев (сопредседатели)
«Солдатские матери»	С.А. Кузнецова
Социал-демократическая	А.Г. Голов
Молодежная	Было 3 сопредседателя (А.Шуршев, О.Власова, И.Яшин). Их полномочия истекли, но новых не избрали. И.Яшина исключили из партии.

Фракции в обновленной внутренней структуре партии должны были играть роль ядер, притягивающих в партийную орбиту новых сторонников, увеличивая тем самым общую численность партии и расширяя ее электоральную базу. На деле все получилось не совсем так. Внутренние преобразования не принесли сколько-нибудь ощутимых качественных и количественных результатов. Создание фракций пошло по формальному бюрократическому пути, когда форма стала преобладать над содержанием. Ожидаемый рост численности партии не произошел. Причина этого в том, что фракции формировались не из вновь привлеченных членов, а на основе уже сформировавшегося партийного актива. Руководители региональных отделений, выполняя директивы центра и не всегда понимая смысл создания фракции в регионах, подходили к процессу их образования формально, что называется «для галочки» в отчете федеральному руководству. Поэтому нередко членов партии записывали во внутрипартийные объ-

единения в добровольно-принудительном порядке после разговоров и уговоров на партийных собраниях и конференциях. Но было достаточно и тех, кто сознательно определял свой фракционный выбор, причем некоторые из членов партии состояли в нескольких фракциях одновременно. Возможность двойного фракционного членства, а также легкость перехода из одного внутрипартийного объединения в другое размывают границы фракций и вносят элемент неясности в их спектр деятельности. Трудно поддается учету и количественный состав фракций. Как правило, в региональных отделениях количество членов той или иной фракции невелико и редко превосходит минимальную установленную численность в 10 человек.

Лишь фракция «Зеленая Россия», образовавшись внутри партии, способствовала росту ее численности. Академик, член-корреспондент РАН А.В. Яблоков, став членом партии, привел с собой в «ЯБЛОКО» около двух тысяч своих коллег-экологов из «Союза зеленых России». Однако даже этот факт не оказал значительного влияния на рост численности и популярности партии. По количеству своих членов РОДП «ЯБЛОКО» остается одной из самых малочисленных политических партий, а на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ в декабре 2007 года партия получила самый низкий за всю свою историю результат – 1,59%.

Теоретически можно выделить следующие функции фракций:

- 1) разработка политических программ и курсов по направлениям их деятельности;
- 2) структурирование партийного актива;
- 3) привлечение в партию новых членов;
- 4) обеспечение альтернативного канала воздействия на рядовых членов помимо региональных лидеров;
- 5) оказание поддержки своим членам на выборах;
- 6) делегирующая.

Однако в настоящее время в условиях острого дефицита ресурсов в партии деятельность фракций весьма ограничена и, по сути, сводится к единственной функции – делегирующей. Делегирующая функция реализуется в ходе формирования руководящих, контрольных и иных органов партии, а также ее структурных

подразделений, когда из числа членов фракций выдвигаются претенденты на различные должности. Наиболее успешно в этом направлении действует самая структурированная и организованная фракция – «Зеленая Россия». Пришедшие в «ЯБЛОКО» извне члены этой фракции поступательно и уверенно внедряются в руководящие и контролирующие органы партии. При этом фракцией используются различные тактики приобретения как руководящих постов, так и контроля над целыми структурными подразделениями партии: протекция федерального руководства партии, игра на разногласиях между центром и региональными лидерами, организация подавляющего численного преимущества своих сторонников перед остальными группами внутри структурных подразделений (захват).

Наблюдения за деятельностью фракции «Зеленая Россия» позволяют сделать вывод о том, что она начинает играть роль «партии в партии» внутри «ЯБЛОКА». Помня о неудавшемся опыте экологов создать собственную партию, можно предположить, что усиление их позиций внутри партии при пассивности других фракций может сыграть с «ЯБЛОКОМ» злую шутку. «ЯБЛОКО», как материнская партия, может стать своего рода инкубатором для рождения новой «зеленой» партии. Причем это рождение может осуществиться двумя путями: либо через постепенную трансформацию самого «ЯБЛОКА» в чисто экологическую партию, либо через возможный раскол материнской партии, выход «Зеленой России» из состава «ЯБЛОКА» и оформлению ее в виде самостоятельной политической структуры. Впрочем, второй вариант маловероятен, так как требует одновременного выполнения ряда условия: наличия открытого конфликта внутри материнской партии; наличия критической массы сторонников «Зеленой России», готовых к выходу из «ЯБЛОКА» и созданию своей партии; либерализации законодательства, регулирующего процесс образования новых партий и т.д.

Появление в РОДП «ЯБЛОКО» фракций привело к появлению в ней новых внутренних акторов – лидеров фракций, а также изменило структуру управления партией (рис.1). Если раньше влияние на рядовых членов партии и ее низовые ячейки федеральное руководство могло оказывать исключительно через председателей региональных отделений, то с возникно-

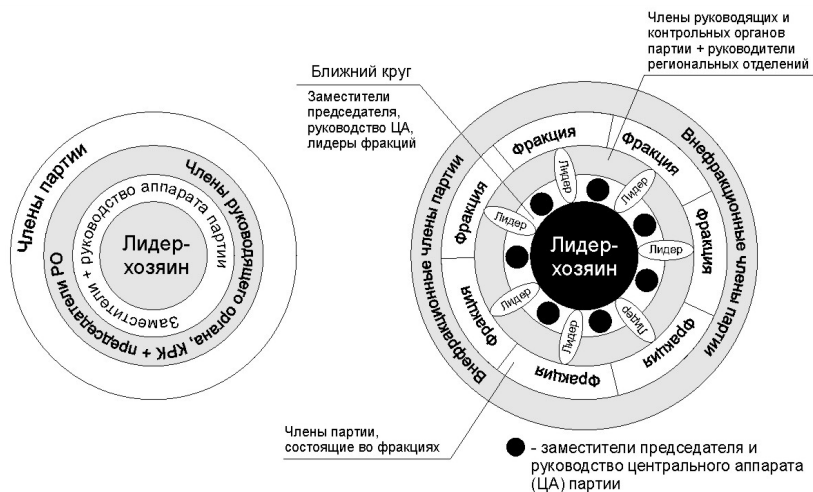

Рис. 1. Уровни вовлеченности в процесс принятия партийных решений

вением фракций появился дополнительный альтернативный канал воздействия. Появление лидеров фракций породило конкуренцию между ними и лидерами региональных отделений за влияние на низовой партийный актив, что очень быстро осознали председатель партии и члены его ближнего круга. Усилив эту конкуренцию путем введения лидеров фракций в свой ближний круг, председатель партии получил более широкие возможности для маневра и реализации своей партийной стратегии, минимизировав при этом влияние отдельных «несговорчивых» председателей региональных отделений.

Таким образом, в отличие от высшего руководства РКП(б), боровшегося с

фракционностью в партии, руководители «ЯБЛОКА» стали основными выгодополучателями от появления фракций, поскольку еще более упрочили свое положение у рычагов управления организации. На самой партии фракционность практически не сказалась – не случилось ни серьезного количественного роста ее партийных рядов, ни качественного улучшения ее работы. Сегодня «ЯБЛОКО», возникнув в 1993 году, проходит трудный путь от кадровой организации к массовой партии. Поможет ли фракционность выжить «ЯБЛОКУ» и сделать его действительно массовой политической силой? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, связан во многом с тем, какая модель внутренних взаимоотношений будет принята в партии.

1. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: «Советская энциклопедия», 1969-1978.
2. Гаджиев К.С. Политическая наука: пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов / К.С. Гаджиев. – М.: Сорос-Международ. отношения, 1994. – 397 с.
3. Ленин В.И. X съезд РКП(б) 8–16 марта 1921 г. // Полн. собр. соч. – Т. 43.
4. Люхтерхандт-Михалева Г.М. Избирательный процесс и партии в российских регионах / Г.М. Люхтерхандт-Михалева // Выборы и партии в регионах России. – СПб.: Летний сад, 2000.
5. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. 2 Вып. 4. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909.
6. Радкевич С. Как взять и/или удержать власть: секреты строительства непобедимой партии / С. Радкевич; худож.-оформ. Ф. Гулямов. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 192 с.: ил.
7. Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы / В.З. Роговин. – М., 1992.
8. Устав политической партии «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО». 2006.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

УДК 32

М.В. ТОЛМАЧЕВА

В области изучения региональной молодежной политики в современной России существует достаточно ограниченное количество исследований. По сути дела, данное направление исследований находится в стадии становления. Отметим, что большинство материалов по вопросам региональной молодежной политики представляет собой изложение программ и мероприятий региональных органов власти, ответственных за данное направление деятельности. В то же время, существует ряд научных публикаций, ориентированных на анализ положения молодежи и проблем государственной молодежной политики в регионах. В 1990-е гг. начали проводиться специализированные конференции по вопросам региональной молодежной политики, по итогам данных конференций выпускались сборники представленных на них докладов и научных работ [5].

Отметим, что практически неисследованным остается вопрос о взаимодействии региональных органов исполнительной власти с молодежными общественными объединениями оппозиционной направленности и молодежными субкультурными сообществами. Крайне незначительно количество работ и по вопросу организации трудоустройства и досуга молодежи в области патриотического воспитания молодежи [8]. Недостаток научных исследований по региональной молодежной политике в Ростовской области обуславливает необходимость глубокого научного анализа данной проблематики.

Для надлежащей реализации государственной молодежной политики в Ростовской области был разработан и принят областной закон «Об областной целевой программе «Молодежь Дона на 2006-2010 годы». Программа «Молодежь Дона на 2006-2010 годы» ставит своей целью создание условий для позициони-

рования молодежи Ростовской области в качестве активного участника социально-экономического, общественно-политического и социокультурного развития области. В соответствии с этой целью назван приоритетный список задач, решаемых в результате реализации программы. В первую очередь, это интеграция молодежи в социально-экономические отношения, включающая в себя содействие трудоустройству молодежи, в том числе несовершеннолетней, поддержка молодежного предпринимательства, развитие системы профессиональной ориентации, подготовки и переподготовки молодых квалифицированных кадров.

Интеграция молодежи в общественно-политическую жизнь Ростовской области предусматривает развитие политической грамотности и правовой культуры молодежи, повышение активности молодежи как электоральной группы на выборах федерального и местного значения, поддержку со стороны государственных органов молодежным и детским общественным организациям и объединениям, военно-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодого поколения, международное сотрудничество в области молодежной политики.

Для регулирования вопросов включения молодежи в социокультурную жизнь области, предусмотрено развитие досуга молодежи, в том числе ее физического воспитания, поддержка молодых семей и помощь молодежи в приобретении жилья и улучшении жилищных условий, профилактика асоциальных и антисоциальных явлений в молодежной среде, включая борьбу с проявлениями экстремизма [7].

В рамках целевой программы «Молодежь Дона» предусмотрено взаимодействие различных структур исполнительной власти, включая правоохранительные ор-

ганы и вооруженные силы. Общая же координация программы возложена на Комитет по молодежной политике администрации Ростовской области как на основной орган региональной исполнительной власти, ответственный за осуществление молодежной политики в области. Финансирование программы осуществляется из федерального и регионального бюджетов, а также из внебюджетных источников, к которым, в частности, относятся средства участвующих в программе организаций.

Комитет по молодежной политике был образован в 2000 г., в соответствии с постановлением главы администрации Ростовской области «Об образовании комитета по молодежной политике администрации Ростовской области» [10]. Помимо специалистов, входящих в состав Комитета, в области реализации государственной молодежной политики в регионе работают внештатные сотрудники – координаторы, на которых возложены задачи по взаимодействию с учебными заведениями, общественными организациями и органами местного самоуправления.

В качестве основной цели своей деятельности Комитет по молодежной политике рассматривает работу, направленную на повышение активности молодежи в сфере реализации личных, государственных и общественных интересов [3]. В соответствии с региональной спецификой, Комитет проводит работу по основным направлениям государственной молодежной политики РФ. В качестве приоритетных для Ростовской области направлений выделяются организация временной занятости и досуга молодежи; государственная поддержка молодежных и детских общественных объединений; решение жилищных проблем молодежи и молодых семей, социальная помощь молодым семьям; профилактика негативных явлений в молодежной среде, девиантного поведения молодежи (в особенности, несовершеннолетних); гражданско-патриотическое воспитание молодежи.

В Ростовской области, как и в других регионах России, проблема трудоустройства молодежи, в том числе учащихся и студентов в период летних каникул, является

одной из наиболее актуальных в области молодежной политики. В то же время нельзя не отметить, что, будучи сравнительно благополучным в социально-экономическом отношении регионом, Ростовская область в этом направлении отличается от других субъектов РФ в выгодную сторону. Особенно это относится к Ростову-на-Дону, где существует высокий спрос на рабочую силу, в том числе и в тех областях, где могут занять себя учащиеся и студенты, а также молодые люди, не имеющие специальной подготовки или профессионального образования.

Тем не менее, необходим контроль со стороны ответственных органов исполнительной власти за трудоустройством учащейся молодежи и несовершеннолетних с целью предотвращения злоупотреблений и нарушений со стороны работодателей, для которых молодые работники оказываются удобным контингентом из-за отсутствия опыта взаимодействия с работодателями и защиты своих прав, а также готовности работать за сравнительно маленькие деньги, существенно отличающиеся от заработной платы взрослого сотрудника. Для облегчения трудоустройства молодежи Комитетом по молодежной политике совместно с руководством ряда учебных заведений области приступил к возрождению практики студенческих отрядов, действующих в различных отраслях хозяйства. Начиная с 2005 г. отмечается рост количества студенческих отрядов, в которых молодежь получает возможность работать по строительным специальностям, проводниками вагонов пассажирского железнодорожного транспорта, монтерами и слесарями локомотивов, спасателями, а также в сфере сельского хозяйства, озеленения.

Существенную роль в проведении молодежной политики в Ростовской области играет взаимодействие органов исполнительной власти с общественными организациями и объединениями в деле повышения социальной и политической активности молодежи. Следует отметить, что для региона это направление является одним из приоритетных, причем область выступает в качестве пионера многих инновационных подходов в области органи-

зации и деятельности молодежных общественных объединений. Согласно данным Комитета по молодежной политике, в Ростовской области функционирует более 300 подобных объединений, 48 из которых пользуются поддержкой со стороны органов государственной власти [6]. Ю.Н. Таран справедливо отмечает, что успешное взаимодействие власти с общественными объединениями в осуществлении молодежной политики является одним из залогов повышения эффективности всей системы воспитания подрастающих поколений [12, с. 55].

Крупнейшей молодежной организацией региона является Донской Союз Молодежи, который позиционирует себя как неполитическое объединение. Среди других следует отметить организацию «Молодая гвардия Единой России», Молодежное движение «Наши». Собственная молодежная организация существует и у Ростовского областного комитета Коммунистической партии Российской Федерации, являясь региональным отделением Союза коммунистической молодежи РФ. Кроме того, на территории Ростовской области действует целый ряд незарегистрированных молодежных общественно-политических организаций оппозиционной направленности (Левый фронт, Авангард красной молодежи, анархисты), которые также пользуются определенным влиянием среди части молодежи региона.

Следует отдельно отметить действующие в Ростовской области молодежные общественные организации экологической направленности, ориентированные на деятельность по защите окружающей среды, пропаганду бережного отношения к природе, животным, к культурно-историческим памятникам. На территории региона проведен целый ряд акций экологической направленности, организованный молодежными общественными объединениями при поддержке административных органов или же собственными усилиями.

Значимым направлением в области сотрудничества Комитета по молодежной политике и Донского Союза Молодежи является реализация проекта «Лидер XXI века», нацеленного на поиск лидеров

студенческого и молодежного самоуправления и реализацию их лидерского потенциала, повышение профессионального и образовательного уровня. Отметим, что Ростовская область демонстрирует высокие успехи в сфере подготовки молодых лидеров, в связи с чем ее опыт в данной сфере рекомендован Федеральным агентством по образованию Министерства образования и науки РФ для практического применения в других регионах страны.

Ростовская область является пионером в сфере молодежного парламентаризма, разработанная и примененная в регионе модель которого стала образцом для десятков других субъектов Российской Федерации. В качестве эксперимента первые парламенты появились в школах и вузах города еще в 1990-е гг., с целью предоставить молодежи и подросткам опыт самоуправления, включить их в общественную деятельность.

Молодежный парламент, сформированный при Законодательном Собрании Ростовской области, представляет собой, по утверждению председателя ЗС РО В.Е. Дерябкина, хорошую школу для начинающих политических и общественных деятелей [1]. В качестве основных направлений деятельности Молодежного парламента при Законодательном Собрании Ростовской области названы разработка рекомендаций по реализации прав молодежи на участие в управлении Ростовской области и содействие в привлечении молодых граждан к участию в формировании и осуществлении молодежной политики в Ростовской области. К работе в составе парламента привлечены представители молодежных организаций политических партий, работающих в составе Государственной Думы РФ, депутаты Законодательного Собрания области в возрасте младше 35 лет, представители Советов молодежи муниципальных образований.

В то же время, некоторые исследователи и представители политических партий и общественных организаций, в целом позитивно оценивая сам факт создания в Ростовской области Молодежного парламента, критически оценивают его практические способности по влиянию на осуществле-

ние молодежной политики в регионе, подчеркивая, что данная структура во многом носит декоративный характер, отражая интересы партии власти и минимизируя участие в своей деятельности представителей оппозиционных политических организаций и общественных объединений.

Расширение полномочий Молодежного парламента будет способствовать вовлечению молодых людей в общественно-политическую деятельность, поскольку на примере функционирования данной структуры молодежь почувствует возможность реального участия в управленческом процессе, а следовательно – приобретет интерес к общественно-политическим и социально-экономическим проблемам, стоящим перед областью и государством в целом. Поэтому можно утверждать, что создание Молодежного парламента играет позитивную роль для молодежной политики региона.

В то же время мы не можем не отметить тот факт, что в Ростовской области на недостаточном уровне осуществляется взаимодействие с молодежными общественно-политическими организациями, реально функционирующими, но не имеющими представительства в законодательных органах власти или же государственной регистрации. Игнорирование подобных организаций приводит к еще большему росту среди их участников оппозиционных настроений, недоверия к органам власти и, как следствие, нежелания взаимодействовать в своей деятельности с государственными органами даже по тем направлениям, по которым можно было бы прийти к компромиссу и выработать общую стратегию действий. Отторжение внепарламентской оппозиции от участия в молодежной политике, в диалоге с органами власти, в конечном итоге может привести к непредсказуемым последствиям.

Особое значение для Ростовской области имеет взаимодействие органов государственной власти и общественных организаций в проведении государственной молодежной политики со структурами казачества. Казачество, составляющее значительную часть населения области, имеет собственные богатые традиции воспита-

ния молодого поколения, которые делают основной упор на развитие у молодежи патриотических чувств, а также получение необходимых навыков начальной военной подготовки. Взаимодействуя с органами исполнительной власти, в первую очередь, с правоохранительными структурами, казачество, во-первых, вносит ощутимый вклад в дело борьбы с девиантным поведением молодежи и пропаганду здорового образа жизни молодежи, а во-вторых, способствует трудоустройству молодых людей в казачьи формирования, осуществляющие помощь МВД, ФСБ, Госнаркоконтролю в охране правопорядка, государственных границ РФ и борьбе с преступностью.

В настоящее время в Ростовской области существует целый ряд казачьих учебных заведений, в которых молодое поколение, помимо получения качественного среднего образования, обучается основам военной службы, приобретает спортивные навыки. Казачьи учебные заведения отличаются высоким уровнем патриотического воспитания своих учащихся, уделяя особое внимание таким видам деятельности, как посещение музеев и экскурсии по местам боевой славы, взаимодействие с дислоцированными на территории области воинскими подразделениями. Фактически, после разрушения существовавшей в СССР системы массового патриотического воспитания молодежи и подготовки молодых людей к воинской службе, на территории Ростовской области казачество осталось единственной структурой, целенаправленно работающей в данных направлениях и добивающейся несомненных успехов.

Отметим, что деятельность казачества способствует воспитанию у молодого поколения патриотических чувств не только по отношению к стране в целом, но и к Донской земле как малой родине. Изучаются история и культура Донского края, традиции и обычаи казачества как коренного населения области.

Как и в целом по России, одним из важнейших направлений региональной молодежной политики в Ростовской области является поддержка молодых семей, ориентированная на стимулирование роста рождаемости. Демографическая про-

блема в регионе стоит достаточно остро. Ее спецификой является постепенное сокращение численности коренного населения в сельских районах, происходящее одновременно с прогрессирующим ростом количества мигрантов, прибывающих на территорию области из близлежащих республик Северного Кавказа, а также Закавказья и Средней Азии. Для семей мигрантов характерна многодетность, тогда как количество детей в семьях местного населения также имеет тенденцию к сокращению. Сложившаяся ситуация чревата серьезными последствиями, создающими угрозу для этнонационального баланса в регионе, о чем говорят многие исследователи, склонные проводить параллели со странами Западной Европы, где также отмечается сокращение европейского населения в результате снижения рождаемости и значительный прирост в группах мигрантов.

Чрезвычайно важным и сложным направлением деятельности региональных органов власти в области молодежной политики является профилактика и борьба с молодежными девиациями, которые имеют достаточно большое распространение на территории региона. Сказывается географическое положение области, в том числе близость проблемных регионов Северного Кавказа, социально-экономические проблемы, особенно остро стоящие перед населенными пунктами шахтерского пояса (Белая Калитва, Гуково, Зверево и т.д.) и сельскими районами, значительное количество незаконно находящихся на территории области мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья.

Серьезной проблемой в области является наркомания. Несмотря на то, что в Ростовской области молодые люди до 30 лет составляют 55% от общего количества зарегистрированных наркоманов, распространение наркомании посредством вовлечения новых людей осуществляется, преимущественно, в молодежной среде, причем один наркоман способен вовлечь в употребление наркотических веществ до 7-10 человек. Ростовская область входит в число 25 регионов Российской Федерации с повышенной наркотической опасностью,

поскольку средний уровень наркозависимости в области превышает общероссийские показатели.

Несмотря на меры по борьбе с распространением наркотиков среди молодежи, предпринимаемые правоохранными структурами области, уровень наркомании остается высоким, что свидетельствует о невозможности борьбы с наркоманией лишь силами правоохранительных органов. Осознание необходимости более массированного наступления на наркоманию и наркобизнес привело к тому, что в 2008 г. Ростовская область стала первым субъектом Российской Федерации, в котором была принята Концепция формирования антинаркотической культуры личности, разработанная специалистами областной администрации, Комитета по молодежной политике и Управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ по Ростовской области. Реализация Концепции формирования антинаркотической культуры личности направлена, прежде всего, на молодежь, в особенности – несовершеннолетних. Взрослым наркоманам прививать антинаркотическую культуру не имеет смысла, поскольку это уже тяжело больные люди, нуждающиеся в медицинском лечении, тогда как молодежь, являющаяся потенциальной группой риска, нуждается именно в системе ценностей, которая поможет ей сделать выбор в пользу здорового образа жизни и деятельности на благо государства, общества и самой себя.

Не все направления молодежной политики, реализуемой в Ростовской области, рассмотрены нами в данной статье, однако, по тем направлениям, которые были представлены, можно сделать следующие выводы.

Региональная модель государственной молодежной политики в Ростовской области формируется на основе общей политики российского государства в отношении молодежи с учетом политической, социально-экономической и социокультурной специфики региона. Учитывая значительный процент молодежи в составе населения области, региональная молодежная политика направлена на вовлече-

ние молодых людей в различные сферы общественной деятельности, повышение социально-экономической и политической активности молодежи.

Государственная молодежная политика на территории Ростовской области осуществляется органами исполнительной власти, а также общественными организациями и объединениями. Комитет по молодежной политике администрации Ростовской области является основной структурой, осуществляющей координацию молодежной политики в регионе, разработку и реализацию программ и мероприятий по ее осуществлению. В своей деятельности Комитет по молодежной по-

литике сотрудничает с другими органами власти и общественностью.

Приоритетными направлениями региональной молодежной политики в Ростовской области являются содействие трудоустройству молодых граждан, повышение общественно-политической активности молодежи, поддержка молодых семей, профилактика преступности и девиантного поведения, профилактика экстремизма и ксенофобии. По данным направлениям органами исполнительной власти и общественными организациями разработан ряд программ и проектов, ведется деятельность по их практической реализации.

1. Дерябкин В.: «Донской край – пионер молодежного парламентаризма». Итоги первого заседания молодежного парламента нового созыва. Новости Законодательного Собрания. 27.03.2009 / Официальный сайт Законодательного Собрания Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zsro.ru/index.php4?mod=nw&news_id=347&rubic=11

2. Зайнабидов А.С. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона / А.С. Зайнабидов, В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону, 2003; Полуянов В.К. Работа с молодежью как базовый элемент стабилизации межэтнических отношений в Ростовской области (на примере восточных районов) / В.К. Полуянов // Молодежь юга России: положение, проблемы, перспективы. Южнороссийское обозрение. – Ростов-на-Дону, 2005. – № 31.

3. Итоги реализации государственной молодежной политики в Ростовской области за 2005 г. / Администрация Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.donland.ru/content/info.asp?partId=4&infold=10105&topicFolderId=92&to>

4. Кротов Д.В. Стратегия молодежной политики в Ростовской области: проблемы и пути решения / Д.В. Кротов // Социально-гуманитарные знания (дополнительный выпуск). – Ростов-на-Дону, 2006.

5. Молодежь провинциальной России: социальные проблемы и перспективы развития. – Белгород, 1994; Региональная социальная политика: молодежный аспект. – Н.Новгород, 1996.

6. На Селигер едут Лидеры XXI века // Комитет по молодежной политике Администрации Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kmparo.ru/notice.php?sub=single¬ice_id=73

7. Областная целевая программа «Молодежь Дона» на 2006-2010 годы. Пояснительная записка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mbdon.ru/zakond.htm?inc=74>

8. Палагин А.Н. Вовлечение молодежи в малое предпринимательство: проблемы и перспективы. Выступление на заседании Совета по малому предпринимательству 30.03.2006 / А.Н. Палагин // Официальный Сайт Администрации Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.donland.ru/content/info.asp?partId=5&infold=9652&topicFolderId=32&topicInfold=0>

9. Погосян Л.А. Профилактика девиантного поведения молодежи / Л.А. Погосян, С.В. Бондаренко, В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону, 2003; Погосян Л.А. Проблемы политического экстремизма молодежи в России / Л.А. Погосян // Молодежь. Инновации. Будущее. – Ростов-на-Дону, 2007.

10. Постановление Главы Администрации Ростовской области № 131 от 18.04.2000 «Об образовании комитета по молодежной политике Администрации Ростовской области». – Ростов-на-Дону, 2000.

11. Самыгин П.С. Девиантное поведение молодежи / П.С. Самыгин. – Ростов-на-Дону, 2006.

12. Таран Ю.Н. О возрождении школьного воспитания: из опыта региона / Ю.Н. Таран // Социологические исследования. – 2007. – № 4.

МОЛОДЕЖНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 323

Г.А. ЛАКТИОНОВ

На современном этапе в Российской Федерации законодательство, регулирующее молодежную проблематику, в большей степени развивается на уровне субъектов Российской Федерации. Анализ регионального законодательства показал, что более чем в 70-ти регионах законодательные акты не только приняты, но и доказали свою эффективность, а в некоторых регионах начался процесс их пересмотра и улучшения.

Молодежное парламентское движение является одной из форм привлечения представителей подрастающего поколения к участию в управлении государством, в решении общественно значимых проблем. Сегодня оно приобретает статус серьезной дискуссионной площадки для выработки новых идей развития России.

На федеральном уровне с 2001 г. действуют Общественная молодежная палата при Государственной Думе ФС РФ и Молодежная парламентская ассамблея при Совете Федерации ФС РФ, которые формируются из представителей региональных молодежных парламентов. Согласно рекомендациям Министерства образования и науки РФ и Федерального Собрания РФ при законодательных органах власти в большинстве субъектов Российской Федерации создаются и уже созданы молодежные парламенты (общественные молодежные палаты).

Первое заседание Молодежного парламента при Законодательном Собрании Ростовской области состоялось 10 декабря 2004 года. В ходе заседания был утвержден регламент Молодежного парламента, образованы 5 комиссий Молодежного парламента, рассмотрена инициатива Совета Общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации о рати-

фикации Европейской хартии об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований.

Молодежный парламент был создан на срок полномочий Законодательного Собрания Ростовской области. В состав молодежного парламента вошли молодые депутаты органов местного самоуправления в возрасте до 35 лет, члены молодежных консультативно-совещательных структур городов и районов Ростовской области, представители партий, представленных в Законодательном Собрании Ростовской области (в отношении 1 – 2,5) и по 1 представителю партий, представленных в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, представители вузов, численность которых более 3000 чел. Постоянно действующим органом является Совет Молодежного парламента при Законодательном Собрании Ростовской области. Персональный состав Совета утвержден Распоряжением Председателя Законодательного Собрания Ростовской области.

Указанное внимание к вузовской молодежи не случайно. Отраслью специализации юга России стала подготовка квалифицированных кадров. На Юге Ростовской области находится 13,4% всех высших учебных заведений России, а с учётом филиалов даже 20,8%. В этих учреждениях обучается 13,3% всех российских студентов и выпускается 13,6% специалистов с высшим образованием. На юге России концентрируется 8,6% российских организаций, осуществляющих подготовку 10,8% всех аспирантов России, причём подготовка аспирантов происходит с большей эффективностью, чем в среднем по стране [1].

Важную роль в деятельности молодежного парламента играют специализированные комиссии, в деятельность которых вовлекаются различные структуры гражданского общества. Однако

участием в законотворчестве политические практики не ограничиваются, о чем чуть ниже мы поведем речь на конкретных примерах.

С ноября 2008 года активно приступило к работе Молодежное региональное собрание Тюменской области, обеспечивающее взаимодействие молодых депутатов всех уровней представительной власти Тюменской области в возрасте до 35 лет с органами государственной власти Тюменской области, общественными объединениями, в целях формирования здоровой региональной политической элиты, которая бы учитывала потребности и интересы жителей Тюменской области, защищала их права и свободы и права общественных объединений при формировании и реализации региональной политики.

В Курганской области первыми представительными молодежными структурами при органах государственной власти стали Молодежное правительство Курганской области (действует с 1999 года) и Молодежный общественно-политический совет при Губернаторе Курганской области (действовал с 2000 по 2005 гг.).

Идея создания Общественной молодежной палаты при областной Думе высказана на встречах депутатов с молодежью. На научно-практической конференции «Молодежь, выборы, власть: опыт, проблемы и перспективы» (20 сентября 2006 г.) была принята рекомендация к законодателям сформировать молодежный парламент.

Депутаты областной Думы поддержали эти предложения. 27 февраля 2007 г. было принято постановление Курганской областной Думы о создании Общественной молодежной палаты. Общественная молодежная палата (далее ОМП) – это совещательный и консультативный орган при областной Думе. Она призвана участвовать в разработке основ государственной молодежной политики в Курганской области, осуществлять мониторинг законодательства и общественную экспертизу законопроектов [5].

Совершенствуются нормативные акты, касающиеся деятельности молодежных структур и на федеральном уровне. Так, в Положении об Общественной мо-

лодежной палате при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в п. 2.1. основной целью Молодежной палаты является содействие деятельности Государственной Думы в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи [7]. Это представляется не достаточно верным. Общественные молодежные палаты, по примеру Общественной Палаты РФ, должны иметь возможность проводить общественную экспертизу проектов всех законов, принимаемых в субъектах РФ.

Кроме того, важным моментом деятельности молодежных парламентов является достаточно жесткий контроль над их деятельностью со стороны «взрослого» парламентского органа. В Курганской области это начинается уже с момента избрания председателя Общественной молодежной палаты. Его кандидатура вносится на рассмотрение Общественной молодежной палаты Председателем Курганской областной Думы. Все заседания ОМП зависят от возможности и желания Курганской областной Думы. Для сравнения, Председатель Молодежной палаты при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры избирается путем открытого голосования общим собранием Молодежной палаты [8].

Анализируя Положение об ОМП при Курганской областной Думе, ФЗ «Об Общественной палате РФ» от 04.04.2005, а также деятельность молодежных парламентских структур в других регионах можно выявить основную проблему для молодежного парламентаризма – неопределенность в функциональном назначении. В большинстве своем молодежные парламенты в своей работе и уставных документах смешивают законодательные и исполнительные функции. Так, например, молодежный парламентский орган Челябинской области занимается в большей степени реализацией различных молодежных проектов, нежели законодательной деятельностью, дублируя тем самым деятельность комитета по делам молодежи при администрации.

Однако отталкиваясь от понятия «парламент» необходимо подразумевать исключительно законотворческую функцию.

Хотя и эта функция довольно условна, так как молодежные парламенты не имеют полномочий напрямую создавать правовые нормы, их деятельность сводится исключительно к разработке предложений и законопроектов, а также к мониторингу действующего регионального законодательства. Таким образом, более правильной формулировкой должна быть «общественная молодежная палата», а не «парламент». Однако и здесь не все гладко [5].

В формировании и реализации государственной молодежной политики государственный доклад «Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации» выделяет следующие приоритетные направления:

1. Государственная поддержка молодых граждан в сфере образования, воспитания и развития, спорта, художественного и технического творчества и т.д.

2. Поддержка молодых граждан в отношении охраны их здоровья, в организации профилактики опасных заболеваний, в формировании здорового образа жизни.

3. Содействие обеспечению экономической самостоятельности молодых граждан и реализации их трудовых прав и обязанностей.

4. Государственная поддержка молодых семей.

5. Государственная поддержка молодых граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в их социальном обслуживании, социальной реабилитации и адаптации.

6. Поддержка общественно значимых инициатив, общественно-политической деятельности молодежи.

В тоже время ситуация в сфере молодежной политики характеризуется неопределенностью и отсутствием конкретно поставленных задач на федеральном уровне и в регионах. В этой связи, создаются предпосылки для переноса центра молодежной политики на муниципальный уровень. Восприятие молодежи как дополнительной нагрузки на взрослое об-

щество сменяется в обществе пониманием необходимости создания возможностей для реализации молодежных инициатив и осуществления инвестиций в развитие молодежной среды.

Цели деятельности молодежных парламентов на региональном и муниципальном уровнях, по мнению автора настоящей статьи, состоят в том, чтобы создавать рамочные условия:

– для улучшения условий жизни молодежи в регионе путем придания молодежным вопросам приоритетного характера в сотрудничестве органов власти разных уровней;

– для возрастающего участия молодежи в основной деятельности в рамках контактно-социальных сетей региона;

– для повышения внимания к молодежным вопросам в различных приоритетных сферах сотрудничества власти и гражданского общества;

– для укрепления чувства принадлежности молодых людей к региону посредством установления контактов через культурные и географические границы;

– для большей привлекательности региона для молодых людей путем улучшения их условий жизни с тем, чтобы молодежь оставалась в регионе или возвращалась в регион после окончания учебы.

Для эффективной реализации данных функций, по нашему мнению, необходимо соблюдать следующие общие положения (принципы) взаимодействия молодежных парламентских структур с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации:

– органы государственной власти берут на себя обязательства по обучению членов молодежных парламентских структур основам социального управления, законодательства субъекта Российской Федерации, парламентской процедуры и разработки нормативных правовых актов;

– органы государственной власти обязуются создать необходимые и доста-

точные условия для легитимного и демократического формирования

молодежных парламентских структур, их функционирования и развития;

– молодежные парламентские структуры обязаны содействовать органам государственной власти в исполнении возложенных на них функций, проявляя разумную инициативу.

Как было уже отмечено выше, развитие молодежного парламентаризма и вовлечения молодежи в политические процессы в субъектах Российской Федерации предполагает необходимость создания и организации деятельности молодежных парламентов (дум, советов, палат, правительств и др.), творческий подход и инициативу со стороны тех, кто будет продвигать эту идею в субъектах Российской Федерации [2; 4; 6].

Действующие в субъектах Федерации молодежные парламенты и молодежные правительства – негосударственные, некоммерческие объединения с особым правовым статусом. В Федеральном законе «Об общественных объединениях» установлено, что он не распространяется на государственно-общественные объединения, являющиеся предметом отдельного законодательного регулирования. Такой закон не принят, но его принятие крайне необходимо.

На основании изложенного представляется необходимым закрепление на уровне устава (конституции) субъекта Российской Федерации статусных вопросов региональных общественных объединений, в том числе положение о том, что региональное молодежное общественное объединение – это объединение, созданное по инициативе молодых граждан в возрасте от четырнадцати до тридцати лет, состоящее преимущественно из таких граждан, сформировавших на аналогичных возрастных условиях выборные органы объединения, деятельность которого осуществляется в пределах территории одного субъекта Российской Федерации в целях представления интересов молодежи в органах власти, подготовки молодых кадров, просветительской деятельности и

проведения иных социально значимых мероприятий [3].

Молодежные парламенты, будучи инновационными политическими структурами, ориентированы на пересмотр путей, которыми политическое участие должно осуществляться как в рамках иерархической, так и сетевой парадигмы. Сочетание указанных подходов достаточно важно для того, чтобы создать места политического самовыражения для молодых людей, желающих совместно работать над общественно значимыми проблемами. Проблема в электоральной и политической неграмотности молодежи, а также в дисфункциональных детерминантах влияющих на политическое поведение молодежи.

Проблема, о которой далее пойдет речь, весьма актуальна для политической системы страны в целом, а также для понимания особенностей функционирования молодежных парламентских структур, в частности. Немногие из молодых людей или даже представителей старшего поколения имеют ментальное понимание системы организации в обществе политических и социальных структур, а также процессов, которые оказывают непосредственное влияние на повседневность. Большинство молодых людей неспособно объяснить, как экономика, политика, общество и культура работают; как каждодневные события сказываются на их политическом, экономическом и социальном положении. Политическая неграмотность не позволяет осуществлять молодым людям рефлексию – как происходящие в обществе изменения структур и процессов могли бы вести к более справедливому, демократическому и жизнеспособному устройству общественной жизни, как на региональном уровне, так и на уровне местных сообществ.

В стране де-факто отсутствует система общественно-политического образования взрослых людей, что самым негативным образом сказывается на способности граждан вносить вклад в управление социальными и политическими делами, не говоря уже о воспитании критически вос-

принимающих объективную действительность граждан, способных вносить конструктивные предложения по улучшению управления делами общества. Немногие обладают теоретическим и практическим пониманием существующих прав и обязанностей, а также механизмов решения неотложных социальных проблем. Политические деятели и широкая публика не расценивают политическое образование как инструмент воспитания гражданской ответственности.

Согласно господствующим в социальных науках взглядам, наступление эпохи постмодерна ускорило атомизацию общества, а также политическую эрозию традиционных учреждений, основ социального единства, солидарности в обществе в целом, а в молодежной среде особенно остро. В результате индивиды сталкиваются с новыми рисками и неуверенностью даже в ближайшем будущем. Особенно эти процессы отражаются на вступающей в жизнь молодежи, испытывающей ощущение экзистенциальной потери.

Молодые люди без идеологических и иных ориентиров обязаны выстраивать политическую идентичность в условиях вызовов старой морали социалистического общества. Поскольку различие между общественной и политической культурой сглаживается, молодые люди используют новые формы политической активности.

Классические концепции демократии, ориентированные на популистские модели власти, в значительной степени вытесняются современными концепциями, в которых демократия является просто средством легитимации в общественном сознании технократических решений, глубинный смысл которых доступен только представителям правящей элиты. В то время как в идеале политическое образование, необходимое для осуществления полноценной демократии подразумевает потребность в свободных и равных гражданах активно участвующих в жизни сообщества, на практике такого не наблюдается. Молодежные парламентские структуры стремятся заполнить указанную лакуну, однако для этого необходимы

ресурсные возможности, которые крайне ограничены.

Отметим, что деятельность молодежных парламентов не финансируется напрямую из бюджета. При проведении мероприятий определенные средства выделяются по линии Комитета молодежной политики соответствующей администрации. В свою очередь Комитет молодежной политики получает средства на указанные мероприятия в рамках утвержденных региональных целевых программ. Таким образом, даже по формальным признакам нельзя вести речь о существовании долгосрочных источников финансирования мероприятий проводимых молодежным парламентом в силу временной ограниченности действий целевых программ. Такая ситуация приводит к возникновению противоречий между декларируемыми органами государственной и муниципальной власти принципами важности молодежного парламента и отсутствием финансового обеспечения.

Двусмысленность участия подростков и молодых людей в принятии политических решений обусловлена не недостатком возможностей, которые, как показывает деятельность молодежных парламентов, могут быть решены с использованием консультаций и иных форм политической социализации, а скорее двусмысленностью целей и задач, которые формулируют для молодых людей политические акторы. С одной стороны молодежь стимулируют участвовать в политической деятельности, но с другой – участие в такой деятельности априори подразумевает завоевание власти, которой представители старшего поколения делиться не хотят.

Молодежные парламенты ориентируются на решение исключительно вопросов подрастающего поколения, однако сами молодые парламентарии, во всяком случае, определенная их часть, воспринимают подобную политическую стратификацию как не основанную на объективных факторах функционирования политической системы. При этом желательность свободы слова и политического самовыражения со стороны молодых парламен-

тариев приветствуется, но отсутствует понимание, что молодые люди сами должны организовать соответствующие политические процессы. Пока подростки и молодые люди расценивают государство как единственного защитника свободы слова, они будут сталкиваться с проявлениями политического плюрализма исключительно в теории. Соответственно деятельность молодежных парламентов должна учитывать вышеуказанные диалектические противоречия.

Сверхзадачей для молодежных парламентов было бы стремление интеллектуально осмыслить институциональный кризис молодежной политики, реализуемой всеми акторами современного российского общества, а не

только государственными структурами, имеющими дело с проблемами подрастающего поколения. Должно быть осуществлено описание и осмысление исторических феноменов молодежных структур в их конкретности, в социально-онтологической укорененности в общественном сознании. Анализировать и критически переосмыслить современную социально-политическую реальность означает для молодежных парламентариев шанс становиться неформальными молодежными лидерами, влияющими на политическую повестку дня. Без такой политической рефлексии практическая деятельность молодежных парламентов будет малоэффективной.

1. Высоков В.В. Доктрина инновационного развития юга России / В.В. Высоков // Эксперт Юг. – 2010. 24 мая. – № 20 (109).

2. Европейская хартия об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований, 1992; Молодежный парламент (Материалы круглого стола «Молодежный парламент - механизм реализации молодежной политики, интересов молодежи через участие в выборах всех уровней»: Практический опыт регионов.). – М.: Институт молодежи, 1999.

3. Мишунина А.А. Особенности законодательного регулирования субъектами Российской Федерации молодежных общественных объединений / А.А. Мишунина // Молодежь – будущее России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19-20 ноября 2009 года (в 2-х частях, часть 1) / под ред. Н.А. Ермаковой, В.В. Майера, Т.В. Надейкиной, В.А. Рейна, Г.Н. Силуковой. – Тюмень: Тюменская областная Дума, Правительство Тюменской области, Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет, ООО «Вектор Бук», 2009.

4. Молодежное правительство Ярославской области: Сборник нормативных документов и рабочих материалов Губернаторской кадровой программы «Молодежное правительство Ярославской области». – 2-е изд., доп. – Ч. 1 и 2. – Ярославль, 2002.

5. Оплетаяев В.С. Проблемы молодежного парламентаризма в России на примере общественной молодежной палаты при Курганской областной думе / В.С. Оплетаяев // Молодежь – будущее России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19-20 ноября 2009 года (в 2-х частях, часть 1) / под ред. Н.А. Ермаковой, В.В. Майера, Т.В. Надейкиной, В.А. Рейна, Г.Н. Силуковой. – Тюмень: Тюменская областная Дума, Правительство Тюменской области, Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет, ООО «Вектор Бук», 2009.

6. Подготовка и проведение учебно-деловой игры «Выборы» (практические рекомендации). – М., 2001.

7. Положение об Общественной молодежной палате при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.spbustavsud.ru/printdoc?tid=&nd=901936898&prevDoc=9012158> (дата посещения: 16.10.2009).

8. Положение об Общественной молодежной палате при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры четвертого созыва / Официальный сайт Думы Ханты-Мансийского автономного округа-Югры [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.dumahmao.ru/right/publicyouthchamber/obSveden/obSveden_2.html#3. (дата посещения: 16.10.2009).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 323

И.Н. ЛЕОНОВ

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства и императив проведения судебной реформы. Для успешного проведения судебной реформы необходимо повысить качество институциональной среды, включив в число ее акторов судейское сообщество, структуры гражданского общества, а также международные неправительственные организации.

«Общество, – говорит Председатель Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека при президенте России Э. Памфилова, – недовольно качеством судебной системы, ее закрытостью и недоступностью. Потом у нас еще нет закона о защите свидетеля, и люди чувствуют себя неуверенно. Серьезные, нормальные люди опасаются за себя. Также можно говорить и о низкой гражданской сознательности, но она является ответной реакцией общества на качество работы и справедливость судебной системы» [1]. Из приведенной цитаты государственного чиновника видна важность общественного мнения в вопросах реформирования судебной системы.

Судебная реформа рассматривалась как реализация идеалов в области правосудия, как бесспорное преимущество нового либерального суда над дореформенным. В свою очередь, судебная власть должна стоять на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность [6]. В соответствии со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной 4 ноября 1950 года, каждый, в случае спора о его гражданских правах и обязанностях, имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспри-

страстным судом, созданным на основании закона.

Однако на практике граждане нередко сталкиваются с неэффективно функционирующими судебными структурами, в деятельности которых проявляются грубые ошибки, оказывают отрицательное влияние на авторитет конкретных судей, подрывают доверие граждан ко всей судебной власти.

Анализ деятельности судебных, правоохранительных органов и иных органов исполнительной власти показывает, что оздоровление криминогенной ситуации еще не приобрело устойчивого и повседневного характера: не уменьшаются масштабы криминализации экономики и коррупции в органах государственной власти, не снижается влияние организованной преступности на все стороны жизни; не устранена полностью опасность проникновения криминалитета во власть; продолжает обостряться ситуация в сфере незаконного оборота наркотиков и оружия; растет уличная преступность [14]. Как нами уже ранее отмечалось, правовые ценности не стали инструментом проведения судебной реформы.

Рассматриваемое нами понятие В.Л. Хайкин определяет следующим образом: «Ценности, ценность являются непременной частью такой ценностной категории как ценностная ориентация, последняя заключает и выражает личностную значимость определенных социальных, культурных и нравственных ценностей, отражая в наибольшей степени ценностное отношение к действительности. Близкие по своим функциональным и содержательным характеристикам, установкам, направленности они имеют самостоятельные определенность и содержательные особенности, свою функциональную нагрузку. Ценность и ценностные ориентации составляют особую сферу качественной характеристики личности, но также

и обязательный компонент субъектной образующей в реализации активности и самого субъекта в ней» [12, с. 135–136]. Применительно к гражданской позиции в вопросах судебной реформы, на наш взгляд, целесообразно использовать другой термин.

Понятие «гражданственная политическая социализация» шире понятия «политическая социализация» в силу того, что это комплексный процесс, одной из составляющих которого является политическая социализация. В ходе соответствующего политического процесса формируются гражданские качества – это комплексное понятие, включающее в себя, наряду с политическими, также моральные и правовые характеристики личности.

Гражданственная политическая социализация не обеспечивает решения всех проблем становления гражданственности, тем не менее закладывает ее фундаментальные основы, приобщая индивида к основным нормам и правилам функционирования политической системы, обогащая его комплексом представлений об управлении и законах общественно-политической жизни, определяя его субъективную позицию по отношению к государству, обществу, согражданам. Задача гражданской политической социализации состоит в том, чтобы каждый житель страны ощущал себя гражданином. Как отмечал еще Аристотель, гражданами не становятся лишь по причине «проживания», для гражданства необходимо «отличительное качество» [10, с. 11–16; 9, с. 187–191].

Как отмечает в своей монографии О.Ф. Смазнова, «осмысления социального времени и образа будущего, выраженные в дискуссиях о построении общественного идеала, привели к преобладанию установок правового скептицизма, сыгравших серьезную роль в развитии представлений о правовых ценностях в русской философии и культуре XIX–XX веков. Под правовым скептицизмом понимается система следующих особенностей правовопонимания:

- акцентирование преимущества нравственности/морали над правом, как способом регулирования социальной жизни общества;

- убежденность в большей важности нравственного/морального сознания по сравнению с правосознанием в развитии

личности и индивида как субъекта социально-исторического процесса;

- стремление подчинить ценности правовые ценностям нравственным или рассматривать ценности права в аспекте нравственности / морали;

- готовность к «жертвованию» правом как системой ценностей и механизмом упорядочения социальных отношений ради реализации идеала нравственного развития общества» [11].

К примеру, реформирование уголовного-процессуального права, проведенное в 2001–2002 гг., имело своей целью защиту законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства и формировалось на базе требований основного закона государства о разделении властей, самостоятельности судов и независимости судей. В новом уголовно-процессуальном законодательстве были реализованы важнейшие институты такие, как защита прав и свобод граждан, судебный контроль над законностью и обоснованностью решений и действий органов прокуратуры, следствия и дознания на досудебных стадиях уголовного преследования. Тем не менее в официальных документах органов государственной власти постоянно подчеркивается необходимость обеспечения политических, социальных и иных свобод граждан.

Политические практики свидетельствуют об ином. В частности, высокое количество судебных исков и оспариваемых нарушений в ходе избирательных кампаний способствуют усугублению проблемы доверия общества к самому институту выборов. Хотя бы по этой причине приоритетным направлением построения в России развитого гражданского общества является качественная работа российского правосудия. В противном случае в условиях неэффективности функционирования судебной системы гражданам не остается ничего другого, как пытаться использовать механизмы прямой демократии.

Ведя речь о протесте, необходимо учитывать факт, что протест не импортируется в систему из внешней среды; это конструкт самой социальной системы. Система познает себя в процессе, посредством которого все факты, ей доступные, прессируются в форму протеста и воспроизводятся с ее помощью. Система «открыта по отно-

шению к теме и случайному событию, но закрыта в отношении логики формирования протеста». И далее очень важное замечание, перекликающееся с активистской парадигмой А. Турэна: «Общество таким образом осмысливает себя в форме протеста против себя самого» [15, с. 127, 140].

В программной статье «Судьбы демократии в России. Национальная политическая модель: принципы и приоритеты» бывший Президент Татарстана М. Шаймиев отмечает: «В России эмоциональная составляющая в отношениях власти, общества и личности всегда играла огромную роль. Трепет и преклонение перед властью легко переходят в отчуждение от власти, страх перед нею, в крайние формы протеста, ненависть к конкретным носителям и представителям власти. И это тоже реальность» [13].

Достаточно показательно, что представители органов власти не стесняются высказывать скрытые угрозы в адрес недовольных их действиями граждан, при этом ни в коей мере не ориентируясь на базовые принципы функционирования правового государства. К примеру, выступая на пресс-конференции, первый заместитель мэра Москвы, руководитель комплекса архитектуры, строительства, развития и реконструкции города В. Ресин комментируя готовящийся многотысячный митинг обманутых дольщиков, которые хотят выразить недоверие префектурам, посоветовал, в частности, «протестантам» на всякий случай страховать свои деньги – «вышел, упала сосулька, и нет тебя» [7].

Указанный механизм должен функционировать так, чтобы не нарушались базовые права граждан. По мнению Н. Петрова, члена научного совета Московского центра Карнеги, отказ от выборов мэров «завершает демонтаж механизмов обратной связи управляющего с управляемыми», который был начат с ограничения независимости СМИ и отказа от губернаторских выборов и выборов в Госдуму по одномандатным округам. Тем самым, – считает эксперт, – власть оставляет гражданам единственный канал, по которому они «могут сообщить наверх о своих чаяниях, – социальный взрыв» [3].

Поскольку уничтожаются механизмы публичного отстаивания гражданами своих интересов (независимые СМИ и общественные организации), исчезают инку-

баторы, регенерирующие элиту. Поэтому сейчас власть назначает элиту, которая вместо решения государственных проблем демонстрирует имитационные пиар-проекты. И это окончательно подрывает надежду народа на улучшение положения [4]. Одним из следствий вышеуказанного является неверие граждан в объективность принятия судебных решений. В качестве иллюстрации сошлемся на пример восприятия населением судебных решений ни в коей мере не затрагивающих их лично. 25-28 сентября 2009 года Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) провел репрезентативный опрос по поводу судебного процесса Орбакайте – Байсаров 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны [8]. Распределение ответов на вопросы этого исследования приводится в процентах от общего числа опрошенных. Исследование обнаруживает отношение россиян к работе судебной системы в Чечне: 56% против 14% не согласны с решением суда, считают его не справедливым. 79% против 6% считают, что суд вынес бы другое решение (в пользу матери), если бы проходил в Москве см. табл. 1. – 2.

Таблица 1

Вы согласны с решением грозненского районного суда, по которому сын бизнесмена Руслана Байсарова и певицы Кристины Орбакайте, должен жить с отцом.

согласен	14
не согласен	56
затрудняюсь ответить	30

Таблица 2

Как вы считаете, если бы суд проходил в Москве, он мог бы вынести другое решение?

уверен, что другое	47
не исключено, что решение могло быть другим	32
скорее, решение было бы тем же самым	5
уверен, что решение было бы тем же самым	1
затрудняюсь ответить	16

По формальным признакам место проведения судебных слушаний не должно иметь существенного значения. Однако большинство респондентов, видимо, руководствуясь собственным опытом, счита-

ют, что суд подвержен «телефонному праву», что неизбежно провоцирует правовую аномию.

В современной России отсутствует политический механизм профилактики правовой аномии. «Покуда нравы и обычаи общества прочны, т.е. тесно связаны между собой и основательно вплетены в общий контекст других культурных форм, мы следуем им не задумываясь, не останавливаясь перед выбором, потому что альтернатива, в сущности, исключена, мы стихийно и в известном смысле бессознательно следуем спонтанному чувству, поступить иначе мы просто не можем. Совсем другое дело, когда между собою и надлежащим поступком ставится веление долга, т.е. когда есть выбор между повелениями двух "природ" в человеке: естественной и общественной, низшей и высшей, между зовом естества и нравственным законом» [5, с. 7].

Технологически-социальные инновации последних десятилетий, в час-

тности, телекоммуникации, позволили придать новое качество существующей уже шесть десятилетий технологии прямых взаимодействий граждан с государством, получившей на русский язык трудно переводимое название «электронное нормотворчество граждан» (англ. – e-Rulemaking). Расширение общественного участия позволяет не только повлиять на качество законопроектов затрагивающих интересы больших групп населения, но и повысить в обществе уровень политической культуры [2, с. 10-14].

Реформирование судебной системы осуществляется в условиях постоянного притока новых кадров, при этом к качеству юридического образования есть серьезные претензии, выражаемые не только рядовыми гражданами, но и высшим руководством страны. Указанное также является одной из причин важности политической составляющей процессов реформирования.

1. Белый М. Судебный приступ/ Все больше россиян боятся связываться с правосудием / М. Белый, В. Максимов // Новые Известия. 2006, 14 февраля.

2. Бондаренко С.В. Участие общественности в процессах нормотворчества с использованием телекоммуникационных технологий (накопленный опыт, современное состояние, перспективы политических исследований) / С.В. Бондаренко // Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 11–12 марта 2009 г. – Выпуск 2. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009.

3. Городецкая Н. Так проходит мэрская слава. Президентская вертикаль дотянулась до региональных столиц / Н. Городецкая, В. Хамраев // Коммерсантъ. – 2006. – № 198 (№ 3529) от 21.10.

4. Кабанов К. «Россию разрушит государственная коррупция» / К. Кабанов // Газета. – 2006. – № 36.

5. Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России. Кант-Гегель-Вл. Соловьев / В.В. Лазарев. М.: Институт философии РАН, 1997.

6. Лебедев В.М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.М. Лебедев. – М., 1998.

7. Малахова А. В. И. Ресин опять взятки не берет / А. Малахова // Новые Известия. – 2006, 16 февраля.

8. Россияне о судебном процессе Орбакайте-Байсарова и чеченском суде // Пресс-релиз Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр), 2009. 14.10.

9. Скалина А.Н. Политическая активность и гражданское участие молодежи в жизни современной России / А.Н. Скалина // Актуальные проблемы становления гражданского общества в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Вып. 2. – Нефтекамск: РИЦ БашГУ, 2008.

10. Скалина А.Н. Развитие содержания понятий «политическая культура» и «гражданственность» / А.Н. Скалина // Россия и мир: история, политика, культура: сборник научных трудов / под ред. С.В. Осипова, Т.В. Петуховой. – Ульяновск: УлГТУ, 2007.

11. Смазнова О.Ф. Право и время / О.Ф. Смазнова. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004.

12. Хайкин В.Л. Ценностный компонент в характеристике активности субъекта / В.Л. Хайкин // Субъект действия, взаимодействия, познания (Психологические, философские, социокультурные аспекты). – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2001.

13. Шаймиев М. Судьбы демократии в России Национальная политическая модель: принципы и приоритеты / М. Шаймиев // Независимая газета. – 2006, 15 сентября.

14. Щукин В.В. Правоохранительная служба в системе государственной службы РФ / В.В. Щукин // Российский следователь. – 2005. – № 6.

15. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. – N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993.

ГРАЖДАНСКОЕ ЛИДЕРСТВО КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 323.22/.28

П.В. ВЕДЕРНИКОВ

Предметная область большинства исследований феномена лидерства либо сознательно ограничивается политической сферой, либо стремится так или иначе проникнуть в нее. Политическое лидерство основательно закрепилось в качестве объекта исследования социально-политических наук. Даже исследуемая психологами сфера межличностного взаимодействия в больших и малых группах, в которых отмечается проявление лидерства, получает свое практическое значение в тех аспектах, которые в большей или меньшей степени объясняют механизмы «влияния», «управления», «осуществления власти», «достижения цели» и т.п., то есть в том, что и по сей день не отделяется в научном и обыденном сознании от категорий политики.

Вместе с тем в современном мире политика при всей ее значимости является лишь одной из составляющих сложной самоорганизующейся системы общества. Представляется, что актуальный для сферы политики феномен лидерства в равной степени присущ и гражданской – неполитической – сфере. Внутри общества имеют место процессы, которые в известной степени не поддаются политическому контролю, регулированию или управлению. К таким процессам следует отнести и феномен лидерства, включенный в структуру гражданского общества как особой сферы жизнедеятельности социума, автономной или полуавтономной по отношению к миру политического.

В современной научной литературе (как в отечественной, так и в зарубежной) существует огромное количество работ, посвященных проблеме политического лидерства. В то же время практически отсутствуют работы, в которых рассматривалась бы проблема лидерства гражданского – и это несмотря на то, что самим фактом своего существования гражданское общество во многом обязано как раз мно-

гочисленным лидерам самых разных по профилю и направленности некоммерческих организаций. Именно неравнодушие, стремление и готовность помочь ближнему, обостренное чувство справедливости гражданских лидеров создают ту «энергетическую среду», в которой только и возможно появление таких организаций.

Представляется, что недостаточная изученность проблемы гражданского лидерства объясняется тем, что гражданское общество в нашей стране находится в очень неразвитом состоянии и соответственно сам институт гражданского лидерства – в отличие от лидерства политического – пока еще только формируется.

Тот факт, что в отечественной политической науке проблема гражданского лидерства (несмотря на ее несомненную актуальность) практически не исследована, имеет два взаимосвязанных последствия. Как справедливо отмечают И.М. Модель и Б.С. Модель, авторы одной из немногих работ, посвященных этой проблеме, ее неисследованность, с одной стороны, облегчает работу ученого: «Не будучи отягощенным накопленными коллегами научным знанием, он имеет возможность реализовать все свои теоретические задумки, ощущая себя (и не без оснований) первопроходцем, которому многое прощается. С другой стороны, постановка такой научной задачи неизбежно обрекает исследователя на поиск и обоснование соответствующих объекту и предмету изучения методологических предпосылок, выработку специфической исследовательской парадигмы» [2, с. 11].

Думается, что методологические положения подходов к пониманию политического лидерства вполне применимы и к исследованию гражданского лидерства, поскольку и в том, и в другом случаях речь идет в первую очередь о лидерстве. Конечно, это вовсе не означает, что понятия

«политическое лидерство» и «гражданское лидерство» являются синонимами; целью данной статьи как раз и является выявление сущности и специфических особенностей именно гражданского лидерства — в том числе по сравнению с лидерством политическим. Вместе с тем, эти понятия в немалой степени пересекаются по своему содержанию, учитывая, что гражданские лидеры и возглавляемые ими организации вынуждены в той или иной мере «вторгаться» в политическую сферу.

В целом можно сказать, что известные подходы к исследованию политического лидерства не являются взаимоисключающими; они отражают какой-то из аспектов проблемы и взаимно дополняют друг друга. Поэтому для создания целостной картины гражданского лидерства необходимо учитывать различные типы перемешанных (основные компоненты):

- 1) личность лидера, процесс социализации и способы его выдвижения;
- 2) контекст (обстоятельства), в котором формируется и осуществляется лидерство;
- 3) характеристики группы (последователей, конституентов);
- 4) природа взаимоотношений лидера и последователей в группе;
- 5) результат взаимодействия лидера и последователей в конкретных ситуациях.

Подобный комплексный подход позволяет нам сформулировать рабочее определение гражданского лидерства. Лидерство вообще рассматривается нами как разновидность (способ) социального взаимодействия людей, предусматривающий влияние одного человека, группы людей на других людей в целях организации (структурирования, упорядочения) их совместной деятельности, а также обратное влияние ведомых на лидера.

Тогда гражданское лидерство можно определить как динамичный процесс социального взаимодействия, предусматривающий влияние гражданского лидера на своих последователей в целях инициирования их активности и организации (структурирования, упорядочения) их совместной деятельности, артикуляцию и представительство их интересов в раз-

личных сферах жизнедеятельности социума, в том числе во взаимоотношениях с органами власти различных уровней, а также обратное влияние последователей на лидера. В ходе этого процесса имеет место постоянное взаимодействие между потребностями людей, ими самими и лидером в пределах окружающей их социальной среды.

Таким образом, гражданское лидерство представляется нам сложным многоуровневым явлением. Институциональное проявление гражданского лидерства можно связать с доминированием в обществе норм и ценностей гражданственности. В этом смысле, гражданские ценности выступают, с одной стороны, как необходимые предпосылки для появления гражданского лидерства, а с другой стороны, — как ценностное поле (рамки) проявлений последнего. Гражданская культура — культура гражданского согласия — является этим институциональным уровнем гражданского лидерства, определяя вектор гражданской деятельности, а главное — ее цели и конкретные практики.

Гражданское лидерство выступает в качестве конкретного механизма (если угодно — тактики) поведения субъекта в гражданском обществе. Таким образом, в качестве основных категорий гражданского лидерства в его институциональном понимании выступают ценности свободы, активности, ответственности и солидарности.

На функциональном уровне гражданское лидерство выступает необходимым инструментом оформления и упорядочения гражданской активности. Спонтанность и хаотичность гражданских инициатив посредством гражданского лидерства становятся четко оформленным требованием (интересом), реализация которого выступает в качестве программы деятельности группы, гражданского объединения.

Американский политолог Э. Хейвуд определяет лидерство как «влияние, оказываемое на значительную массу людей; или же личностные качества, благодаря которым человек побуждает людей к добровольному повиновению» [4, с. 515]. На

элемент влияния, способность вести за собой, руководить, направлять действия людей в определенное русло, расширять их кругозор обращают внимание большинства исследователей лидерства. Так, П. Друкер пишет: «Лидерство — это способность поднять человеческое видение на уровень более широкого кругозора, вывести эффективность деятельности человека на уровень более высоких стандартов, а также способность формировать личность, выходя за обычные, ограничивающие ее рамки» [5, с. 52]. Об этом же пишет А.М. Шлезингер-младший: «Лидерство — инструмент закрепощения человека, но одновременно и высший критерий его свободы. Великие лидеры вдохновляют людей, побуждают их к оптимальному использованию своих возможностей, к активной, последовательной, решительной борьбе за свои убеждения» [6, с. 629].

В связи с этим представляется уместным говорить об организационной роли гражданского лидерства как о необходимой предпосылке появления объединения граждан на основе потребности в решении какой-либо проблемы. Гражданское лидерство, таким образом, само становится в определенной степени ценностью, а если угодно, потенцией индивидов, групп и/или гражданского общества в целом.

На личностном уровне гражданское лидерство можно рассматривать как высокую стадию развития и организации деятельности гражданина — члена того или иного сообщества. В этой связи гражданскому лидеру должны быть присущи ряд отличительных черт, выделяющих его среди остальных членов данного сообщества: более высокий уровень гражданской культуры, которая определяет его мотивацию на активные действия; особенности этой деятельности по изменению среды; а также высокий уровень организационной культуры, который позволяет ему мобилизовать ресурсы и организовать их так, чтобы можно было эффективно решить поставленную задачу.

По мнению Г. Моски, людям от природы присуща естественная склонность к борьбе, время от времени проявляющаяся. При этом даже в состоянии войны

с другим человек остается прежде всего общественным существом: именно поэтому и происходит объединение людей в группы, в каждой из которых есть лидеры и рядовые члены. Г. Моска называл два свойственных человеку идеала, ради осуществления которых он может иногда пожертвовать даже долей собственных удовольствий и материальных интересов: стремление к истине и любовь к справедливости. «В определенные моменты, — писал он, — в истории государства появляется человек, убежденный в том, что знает новые пути поиска истины или же является носителем более совершенной концепции осуществления принципа справедливости. Такой индивид при условии, что он обладает талантом и ему сопутствуют определенные благоприятные условия, оказывается тем зерном, из которого может произрасти дерево, оплетающее своими ветвями большую часть земного шара» [3, с. 99].

Такие люди (Г. Моска называет их «пророками», «вождями», «лидерами») должны обладать необходимым качеством — глубоко осознавать собственную значимость, искренне верить в действенность своих усилий. По своему психологическому типу такие люди — эксцентрики или фанатики: они придают преувеличенное значение определенным сторонам жизни или человеческой деятельности, ставят на карту собственную жизнь и прилагают все усилия, чтобы добиться практической реализации своего идеала. «Стань все люди нормальными и уравновешенными, мировая история была бы совершенно иной, но, надо признаться, и довольно скучной» [3, с. 99].

Рассматривая личностный уровень гражданского лидерства, в качестве теоретико-методологической основы мы использовали несколько видоизмененные теорию черт и концепцию «жизненного цикла». Вместе с тем сразу хотелось бы заметить, что личностные черты гражданских лидеров, как представляется, не могут сводиться сугубо к чертам их характера. Кроме внешне проявляющихся черт личности на личностном уровне гражданского лидерства следует также рассматри-

вать глубинные внутренние потребности и мотивы, обуславливающие то или иное действие лидера по изменению ситуации. Кроме того, при анализе личностных черт гражданских лидеров следует принимать во внимание и их социально-профессиональные особенности (уровень образования, успехи в профессиональной карьере, которая предшествовала или сопровождает гражданскую деятельность и т.п.).

Также должны пониматься и инструментальные возможности лидера, то есть все то, что может помочь гражданскому лидеру в осуществлении его программы. Следует отметить, что «инструменты» могут рассматриваться и как часть окружающей гражданского лидера среды, которая, в свою очередь, является совокупностью тех проблем, которые стоят перед ним, и его возможностей по решению данных проблем.

В теориях лидерских черт к числу наиболее часто упоминавшихся исследователями личных качеств эффективных лидеров относятся интеллект, стремление к знаниям, доминантность, уверенность в себе, эмоциональная уравновешенность, стрессоустойчивость, креативность, предприимчивость, надёжность, ответственность, независимость. Принимая во внимание указанные качества, нам при этом представляется необходимым уточнить и дополнить этот перечень набором качеств, которые характерны именно для гражданского лидера.

Так, исходя из основных принципов культуры гражданственности, отличительными чертами гражданского лидера можно назвать следующие:

- стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, к познанию механизмов функционирования общества и сосуществования индивидов с целью поиска эффективных и наиболее приемлемых образцов такого «общезития»;

- активная гражданская позиция, выражающаяся в самостоятельной и автономной от среды оценке происходящих в обществе процессов и определении своего места в них;

- творческий динамизм и инициативность в тех случаях, когда имеет место

осознание существующих в обществе проблем и необходимости их решения;

- гражданская ответственность, которая предполагает не только внутреннее следование идеалам гражданственности и гражданского долга, в частности, но и расширение этих внутренних убеждений «вовне» – на других индивидов, на общество в целом;

- социальное участие и умение прислушиваться к мнению других людей, предполагающие сочувствие или эмпатию, что позволяет гражданскому лидеру быть постоянно «внутри» среды, чувствовать ее настроение, потребности, ожидания;

- ориентация на объединение, или гражданская солидарность, предполагающая готовность к коллективным действиям, сотрудничеству с другими ради достижения общей цели;

- способность влиять на людей как идеологически, так и организационно, что является необходимым условием для воспроизводства и укрепления норм и ценностей гражданственности в обществе или группе, а также для непосредственного решения конкретной значимой для общества в целом или для определенной группы проблемы;

- духовность и нормативность – как способность познавать и создавать духовные нормы и ценности, а также ориентация на воспитание себя и своего окружения, предполагающая познание своего предназначения в обществе.

Различные группы в обществе имеют, как думается, большую или меньшую возможность «вырастить» на своей «почве» гражданского лидера как инструмент объединения и оформления гражданской инициативы либо самим стать лидирующей группой, то есть претендовать на ведущую роль в гражданском обществе.

Таким образом, в случае гражданского лидерства говорить о безусловном равенстве возможностей было бы ошибочно. В этом видится первый парадокс гражданского лидерства: взаимное существование ценности равенства возможностей в горизонтальных сетях коммуникации как нормы гражданского общества, с од-

ной стороны, и иерархичности, которую в гражданскую систему привносит элемент лидерства, — с другой.

В этом смысле потенциал гражданского лидерства, выявленный посредством сравнительного анализа проявлений активности различных групп гражданского общества, может стать критерием для классификации таких обществ. Так, в случае, когда сравнение различных групп общества не позволяет явно выявить большую или меньшую степень гражданской активности той или иной из них, появляются основания называть такое гражданское общество «массовым» (пример — гражданское общество США, которые А. де Токвиль назвал «страной ассоциаций»). Напротив, когда сравнительный анализ показывает явное преобладание одной или нескольких групп над другими, это свидетельствует о том, что в данном случае имеет место феномен слабо организованного, фрагментированного гражданского общества, которое само по себе не является сообществом, а представляет лишь совокупность более или менее активных гражданских субъектов. Такое гражданское общество уместно назвать «элитарным».

Определенный уровень развития гражданской культуры общества и, следовательно, степень лидерского потенциала как общества в целом, так и его отдельных элементов, представляет собой ту ситуацию, когда среда не только обуславливает проявления лидерства, но и предопределяет само появление последнего, которое уже может быть рассмотрено нами как характеристика субъекта гражданского общества.

Подобная постановка проблемы видится основанием для выделения второго парадокса гражданского лидерства: низкий потенциал гражданской активности в том или ином обществе может в одно и то же время рассматриваться и как препятствие для эффективного функционирования гражданского лидерства, и как необходимая для его появления предпосылка. Думается, что если первый тезис не вызывает сомнений, то второй требует некоторого объяснения. Если признать то,

что отсутствие или слабость гражданского лидерства в том или ином обществе все же признается его субъектами как проблема, которую следует решать, тогда единственным выходом из этой ситуации будет видеться формирование гражданского лидерства: в этом случае источником появления последнего становится сама проблемная ситуация (т.е. среда).

Так, сформировавшаяся еще в начале XIX века «декабристская» природа российского гражданского лидерства стала возможной в XX веке в условиях превращения советского гражданина, запуганного репрессиями, в бесправного и молчаливого «крепостного крестьянина». Бесправие основной массы населения Советского Союза вызвало к жизни феномен правозащитного движения, которое, в свою очередь, стало не только прототипом многих современных гражданских организаций и движений, но и мощнейшей школой российского гражданского лидерства.

Подобная роль среды в формировании гражданского лидерства не представляется каким-то исключением, а должна, на наш взгляд, рассматриваться как одно из правил. Приводя в своем исследовании высказывание Р. Такера о том, что лидерство представляет собой «указание направления, которое, в конечном счете, нацелено на действие», Ж. Блондель отмечает, что это действие «будет эффективным и «реальным» только в том случае, если «указание» имеет смысл применительно к данной ситуации, к тому, что, так сказать, «требует» момент» [1, с. 20–21].

Гражданское лидерство неразрывно связано с реальной ситуацией, оно во многом определяется окружающей его средой. В этом смысле, чтобы выявить, используя термин Ж. Блонделя, «реальное» лидерство, необходимо проанализировать ситуацию, то есть проблему (группу проблем), которую предстоит решать, а также степень ее сложности. Более того, к деятельностному и ситуативному компонентам гражданского лидерства следует добавить также необходимость обнаружения проблемы, нахождение ее решения и способность мобилизовать ресурсы — то

есть личностные компоненты, внешние по отношению к среде.

Гражданское лидерство как социальное явление является сложным и противоречивым. Важную особенность этому феномену добавляет его динамизм и внутренний потенциал саморазвития и изменения. Кроме того, гражданское лидерство не может рассматриваться как нечто существующее само по себе – оно обретает свои особенные черты под действием ряда факторов, которые обуславливают и всё дальнейшее его развитие (прогрессивное или регрессивное).

Неоспоримым выглядит предположение о том, что ключевой предпосылкой становления гражданского лидерства должно быть появление особого типа личности, предположительно, отличного от типа личности, необходимого для становления лидерства политического. В этом смысле важным видится выявление особых черт личности части советских/российских граждан, во-первых, выделяющих их из общей массы населения России, а во-вторых, позволяющих нам идентифицировать их в качестве (именно) гражданских (и именно) лидеров. Несомненно, предмет подобного анализа должны быть не только и не столько чисто психологические черты личности, но и особые ценностно-мотивационные характеристики, сформировавшиеся в результате достижения гражданином определенного культурного уровня.

Более того, в силу социальной обусловленности явления гражданского лидерства, поиск личностных и культурных характеристик необходимо сопроводить и даже предварить описанием динамики экономической и социально-политической ситуации, в которой имела место и которой, несомненно, определялась подобная личностная эволюция. В числе предпосылок становления в России гражданского лидерства обязательно должны быть рассмотрены экономические, политико-правовые и культурные предпосылки.

Таким образом, говоря о гражданском лидерстве, мы понимаем, что деятельность гражданских лидеров осуществляется в определенных обстоятельствах и представляет собой реализацию их вполне конкретных целевых установок. Следовательно, в целях реализации полноценного исследования необходимо, во-первых, не только четко идентифицировать цели гражданских лидеров как основание их деятельности, но и их мотивы, идеалы, ценности как основание самой цели этой деятельности. Во-вторых, необходимо выявить объективные и субъективные предпосылки возникновения гражданского лидерства, рассмотреть диалектику взаимоотношений лидеров и их последователей. Наконец, важно постараться выявить реальную роль и место гражданского лидерства в общественно-политическом процессе, что, в свою очередь, диктует необходимость выделения типов гражданского лидерства.

1. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Ж. Блондель. – М., 1992. – 135 с.
2. Модель И.М. Гражданский лидер крупным планом (Социокультурный анализ) / И.М. Модель, Б.С. Модель. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 164 с.
3. Моска Г. Правящий класс / Г. Моска // Социологические исследования. – 1994. – № 12. – С. 97–117.
4. Хейвуд Э. Политология: учебник для студентов вузов / Э. Хейвуд; пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 525 с.
5. Цырельчук Н.А. Рефлексивное управление: монография / Н.А. Цырельчук, И.Н. Цырельчук, Н.Н. Цырельчук. – Мн.: МГВРК, 2008. – 512 с.
6. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории / А.М. Шлезингер-младший; пер. с англ., закл. ст. Терехова В.И. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 688 с.

УЧАСТИЕ ПРОФСОЮЗОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 331.105.44:316

Т.А. ЧЕГОДАЕВА

Анализируя основные направления деятельности профсоюзов, можно сказать, что ими осознана необходимость работы с политическими партиями, которые учитывают и поддерживают корпоративные интересы и требования профсоюзов, тех законодательных инициатив, которые вносит профсоюз в законодательные органы различного уровня.

Было проведено конкретно-социологическое исследование, позволившее подтвердить эти выводы и важность сегмента политической работы Профсоюза.

В качестве объекта исследования был выбран профсоюзный актив крупных вузов г. Екатеринбурга, где работают наиболее компетентные, зрелые работники высшей школы. Члены профактива более полно знакомы с деятельностью профсоюза, которую сами и осуществляют, с нормативно-правовой базой функционирования подобных общественных организаций и т.п.

Город Екатеринбург – крупный вузовский центр, объединяющий 136542 членов профсоюза РНОиН РФ (это 75,5% от работающих в отрасли).

Численность членов профсоюзов вузов г. Екатеринбурга составляет 10300 чел., численность профактива порядка 550 человек (она колеблется от 5 до 10% в зависимости от численности членов конкретного профсоюза).

Общий объем выборки составил 323 человека, что составляет примерно 59% от объема генеральной совокупности.

Выборка гнездовая. Для начала были отобраны по равновероятностной (случайной) процедуре некоторые вузы – монспециализирующиеся (технические, гуманитарные) и многопрофильные (смешанные), а далее проводился сплошной опрос членов профактива, т. е. опрашивались все члены профактива отобранных в выборку вузов. Статистическая погрешность в выборку $\pm 4,5\%$.

Для удобства подсчета и обработки данных в последующем респондентов разделили на три возрастные группы: молодежь (до 30 лет), среднее (30-49 лет) и старшее (50 лет и старше) поколения.

Таблица 1.

Распределение респондентов по возрасту

№	Возраст респондента	% ответивших
1.	Старшее поколение: 50 лет и старше	42
2.	Среднее поколение: 30-49 лет	41
3.	Молодежь: до 30 лет	17

Анализируя результаты таблицы 1, можно заключить, что большая часть респондентов относятся к средней и старшей возрастной группам и в сумме составляет 83%, т.е. сознание и опыт многих представителей профсоюзов сформировался в советский период.

Можно также предположить, что их влияние на процесс формирования культуры гражданственности и, в частности, политической культуры, будет значительным. Более того, эта значимость возрастает, если представители профсоюзов занимают определенные высокие преподавательские должности в вузе.

Таблица 2.

Распределение респондентов по возрасту и занимаемой должности

Должность \ Возраст	Возраст		
	До 30 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Учебно-вспомогательный персонал	43	53	36
Ассистент	30	8	1
Старший преподаватель	16	59	6
Научный сотрудник	7	25	10
Доцент	2	52	37
Профессор	2	3	12

Самые значимые возрастные группы (среднего и старшего возраста) занимают высокие преподавательские должности в вузах. Молодежь в основном представлена ассистентами и учебно-вспомогательным персоналом. Также большую группу составляет учебно-вспомогательный персонал средней возрастной когорты.

Эффективная молодежная политика является одним из обязательных условий стратегического развития профсоюзного движения. Молодежь – генератор новых взглядов и программ. Являясь активной, мобильной, свободной от стереотипов частью населения, она способна дать новый, сильный импульс профсоюзной деятельности, особенно в направлении формирования культуры гражданственности. Поэтому важная задача – привлечение молодежи к профсоюзной работе.

Для эффективной работы в профсоюзах в сфере высшего образования необходимо правильно оценивать сложившуюся ситуацию в местном сообществе, объективно оценивать свои ресурсы и правильно ими распоряжаться. Справиться со всеми вышперечисленными вопросами, не имея должного уровня образования, весьма проблематично (таб.3). Одним из важнейших ресурсов работников высшей школы является наличие ученой степени.

Таблица 3.

Распределение респондентов по занимаемой должности

№	Занимаемая должность	% от ответивших
1	Учебно-вспомогательный персонал	34
2	Доцент	26
3	Старший преподаватель	17
4	Научный сотрудник	10
5	Ассистент	7
6	Профессор	6

Данные опроса позволяют сделать вывод, что большое количество респондентов (профессора, доценты, научные работники) обладают ученой степенью (42%), около четверти – это ассистенты и

старшие преподаватели – (24%) претендуют на ее получение.

Можно предположить, что для наших респондентов характерно «синтезированное» сознание, т.е. мышление, которое формировалось в двух различных социальных системах – советской авторитарной и формирующейся демократической. Данное обстоятельство дает нам право утверждать, что для этих респондентов характерны смешанные ценности как советского, так и постсоветского общества, а это, с одной стороны – «патернализм» и «иждивенчество», с другой – понимание своей роли в процессе становления гражданского общества.

Что необходимо делать профсоюзному активу для осуществления защитной, представительской функции профсоюзов? Распределение ответов на подобный вопрос приведено в таблице 4.

Таблица 4.

Распределение мнений респондентов о возможных действиях профсоюзов

№	Значение	% отв.
1	Отстаивать социально-экономические интересы членов профсоюзов	59
2	Сплочение профсоюзных рядов	24
3	Доводить информацию о своих действиях до каждого члена	14
4	Другое	4

Итак, 59% опрошенных в качестве основного средства усиления влияния профсоюзов в обществе определяют усиление работы по отстаиванию социально-экономических интересов членов профсоюза.

Однако в российском социуме эта работа оказывается малоэффективной в силу различных социокультурных и политических обстоятельств. «Этика ответственности» направляет стремления западного индивида к свободе (любимому делу, независимо от взаимодействия с другими индивидами), что может быть достигнуто, если человек реализует потребность в уважении (и при этом все другие потребности у него будут удовлетворены). «Этика убеждения», напротив, движет российского индивида

к волевому порыву, что достигается через коллективное взаимодействие, но при этом допускается, что физиологические потребности, как и потребность в уважении, могут быть не реализованы.

Как раз вторым наиболее эффективным способом члены профактива считают сплочение профсоюзных рядов для достижения реальной солидарности трудящихся – 24%. Это опять свидетельствует о проявлении коллективизма в сознании членов профсоюза – чем сплоченнее будет коллектив профсоюза, тем эффективнее он будет выполнять свои функции и тем самым приведет к усилению влияния профсоюза в обществе.

Что касается важности конкретных видов и направлений деятельности профсоюзов, то на первом месте, по мнению актива, оказалась защита прав членов профсоюза – 71% респондентов, на втором – участие в договорном регулировании социально-трудовых отношений в рамках социального партнерства – 28%, на третье место респонденты поставили участие в нормотворческой деятельности органов государственной власти. Правозащитную деятельность и воспитание правовой культуры отметили 19% и 17% опрошенных соответственно.

Таблица 5.

Отношение к направлениям профсоюзной работы

№	Значение	% ответов
1	Защита прав членов профсоюза	71
2	Участие в договорном регулировании социально-трудовых отношений	28
3	Участие в нормотворческой деятельности	24
4	Правозащитная деятельность	19
5	Воспитание правовой культуры	17
6	Привлечение на профсоюзную работу новых людей	16
7	Участие в коллективных действиях	14
8	Другое	1

Такое распределение мнений респондентов позволяет ранжировать функции, выполняемые профсоюзами высшей школы в таком же порядке – сначала защитная функция как наиболее приори-

тетная, далее – функция договорная или представительская, и уже потом – функция культурно-правовая или формирующая.

Таблица 6.

Мнение респондентов об основных направлениях работы профсоюзов

№	Значение	% ответов
1	Формирование общественного мнения о зависимости жизни общества от ситуации в системе образования	48
2	Инициативная подготовка предложений для исполнительной и законодательной власти	39
3	Участие в выборах	29
4	Систематическое общение, встречи с представителями органов власти	24
5	Другое	1

Как видно из данных, приведенных в таблице, наиболее важным направлением работы профсоюзов респонденты считают формирование общественного мнения о зависимости жизни общества от ситуации в системе образования. Эту позицию отметили 48% респондентов. Следующим по значимости направлением работы стала инициативная подготовка предложений для исполнительной и законодательной властей – 39% респондентов. Эта работа предполагает усиление взаимодействия двух секторов социального партнерства, она направлена на эффективное сотрудничество для достижения социального диалога между профсоюзами, с одной стороны, и государством – с другой.

Третьим по важности направлением работы респонденты считают участие в выборах в представительные органы власти кандидатов от профсоюзов высшей школы – с такой позицией согласились 29% респондентов. Такая работа конкретизирует предыдущую, и предполагает еще более тесное взаимодействие с властью путем отстаивания своих интересов уже на равных с представителями других сфер. Систематическое общение, встречи с представителями власти как важное направление работы профсоюзов отметили 24% респондентов.

Таблица 7.

**Мнение респондентов
о значимости публичных акций
деятельности профсоюзов**

№	Значение	% ответов
1	Обращения	54
2	Митинг	53
3	Забастовка	44
4	Приостановка работы	42
5	Письма	37
6	Шествие	32
7	Пикетирование	29
8	Голодовка	18

Среди наиболее значимых акций, которые может осуществлять профсоюзная организация для отстаивания различных интересов своих членов, респонденты отметили обращения (54%), митинги (53%), забастовку (44%), приостановку работы (42%), то есть те акции, которые наиболее эффективны в плане отстаивания прав трудящихся.

Таким образом, можно сделать основной вывод по поводу усиления влияния профсоюзов на формирование гражданского общества и культуры гражданственности – прежде всего, необходимо наладить эффективное взаимодействие с властью, не ограничиваясь отстаиванием своих прав во взаимодействии с работодателями. Важный момент – участие Профсоюзов в формировании политической

культуры трудящихся современной России стало одной из приоритетных направлений работы.

Это подкрепляется и другими фактами. И если, как отмечал В.Н. Руденкин в 2002 году, что российские профсоюзы фактически не представлены (либо представлены очень слабо) в Федеральном Собрании РФ и «это прямое следствие того, что в политическом отношении они раздроблены, ни одной из политических партий так и не удалось заручиться их консолидированной поддержкой, а потому – стать влиятельным парламентским лоббистом интересов наемных работников» [1, с. 32], то сегодня ситуация меняется. Профсоюзы активно участвуют в работе Совета Федерации Федерального Собрания, Государственной Думы, Правительства РФ, фракции «Единая Россия» и других фракций, законодательных и исполнительных органов в субъектах Федерации, органов местного самоуправления, органов управления экономикой и социально-трудовой сферой на принципах социального партнерства. В Государственной Думе оформлена так называемое «профсоюзное лобби» – Межфракционная депутатская группа по взаимодействию с профсоюзным движением «Солидарность». Группа «Солидарность» – это потенциал, который, опираясь на исторический опыт, используется, в том числе и для инициирования нужных профсоюзам законопроектов [2].

1. Руденкин В.Н. Гражданское общество в России: история и современность / В.Н. Руденкин. – Екатеринбург, 2002.

2. Шмаков М.В. Уроки истории / М.В. Шмаков // Вестник профсоюзов. – 2005, 25 октября.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВО С ГОСУДАРСТВОМ

УДК 281.2

М.И. БЕЗБОРОДОВ

Внутренняя жизнь Русской Православной Церкви (РПЦ) определяется ее вероучительными установками и каноническими принципами. Внешняя деятельность и положение внутри государства, а также связь с обществом выходит за рамки догматических границ и церковь выстраивает эту связь при учете всей специфики политической системы и взаимодействии ее элементов. Поэтому представляется весьма интересным обратиться к анализу внешнеполитических позиций РПЦ, обозначить ее основные интересы, выделить проблемы и соотнести это с внешнеполитическими интересами и действиями Российской Федерации в контексте вектора складывающихся церковно-государственных отношений на современном этапе.

Распад СССР для РПЦ был остро связан с вопросом сохранения церковного единства епархий и приходов на его территории в своей канонической юрисдикции. Поэтому еще до официальной даты роспуска СССР и подписания Беловежских соглашений Священный Синод РПЦ на основании анализа политических процессов происходивших в национальных республиках принял церковную формулу: «Несколько государств – один патриархат» и постановил: «Границы патриархата необязательно должны совпадать с государственными границами... Патриархат – это не политическое, не национальное и даже не географическое понятие. Патриархат есть церковно-каноническая реальность, образованная для поддержки единства и соборности входящих в него структур» [6].

Московский Патриархат* провел переконфигурацию своего административного устройства, адаптируясь к национальному суверенитету новых стран. Уже

в 1990 г. самостоятельность в административных, гражданских и хозяйственных делах получила Украинская Православная Церковь Московского Патриархата (УПЦ МП), в 1993 г. – Латвийская, Эстонская и Молдавская. Статус самоуправляемых церковных подразделений предполагал сохранение за РПЦ права утверждать главу самостоятельной церкви, ее статус, устав, осуществлять высшую судебную власть над епископами самоуправляемых церквей и представлять их в отношениях с другими поместными церквями [16, с.28]. Предпринятые шаги РПЦ позволили сохранить свое влияние, культурное и духовное единство на территории бывшего СССР на основании строгих канонических принципов. В свою очередь политическая элита национальных государств (прежде всего, Украины и Молдавии на первоначальном этапе), предпринимают усилия для достижения полной церковной независимости от Москвы (создание так называемой национальной Поместной церкви) или переподчинения местной православной общины другому православному центру - Константинопольскому патриархату.

В свою очередь одной из болезненных точек в этом вопросе для РПЦ является вопрос Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, так как эта церковная организация является неотъемлемой частью РПЦ. Суть конфликта в Украине заключается в том, что население, сохраняющее верность Московской патриархии, выступает, как правило, за тесное сотрудничество с Россией – вплоть до объединения обоих государств. В свою очередь, высшая политическая элита Украины, включая президента В.Ющенко подерживает непризнанный в Православном

* Московский Патриархат – другое официальное наименование Русской Православной Церкви

мире Киевский Патриархат, который возглавляет отлученный от церкви и лишенный всех степеней священства бывший патриарший экзарх всея Украины, митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко) [12]. Целью организации на государственном уровне празднования 1020-летия Крещения Руси в июле 2008 г. на Украине для украинской политической элиты было добиться от Константинопольского патриархата в обход РПЦ создания национальной поместной церкви – Киевского Патриархата во главе с «патриархом» Филаретом (Денисенко). Путем дипломатических усилий высшего церковного руководства РПЦ с Константинопольской патриархией и открытая поддержка позиции РПЦ российской политической элитой и самого государства этого удалось избежать и сохранить существующий статус [17].

После распада СССР РПЦ прямо оказалась вовлечена в решение вопросов русскоязычного населения потому, что ее структуры непосредственно присутствовали в конфликтных зонах. В отличие от Российской Федерации, суверенитет которой не распространялся на русских, оказавшихся за ее пределами, церковь сохранила каноническую связь с православными общинами бывших союзных республик. «Под омофором Московского Патриархата находятся некоторые нерусскоязычные и даже неславянские православные народы, например народ Молдавии. Но все-таки значительную часть нашей паствы составляют этнические русские, или так называемое русскоязычное население» [1; с. 54]. К тому же в некоторых республиках (Украина, Эстония, Молдавия) межнациональное противостояние приобрело ярко выраженное религиозное измерение, хотя и различное в каждом из трех государств. Поэтому там оказалось невозможным добиться национального примирения, не решив религиозные проблемы.

РПЦ последовательно выступает за интеграционные процессы на постсоветском пространстве, прежде всего, среди стран с большинством православного населения. Вследствие чего РПЦ на самом высоком уровне поддерживает интеграционные процессы с Белоруссией. Приори-

тетным направлением выступает и единство в рамках славянского треугольника «Россия – Украина – Белоруссия». Церковь подчеркивает искусственный характер этого разрыва: «Наша церковь исторически связана с Киевской Русью, давшей жизнь белорусскому, русскому и украинскому народам, и поэтому историческая общность и братство славянских народов, крещенных в единой купели не должны разрушиться. При государственной самостоятельности мы должны остаться духовно едиными...» [11].

Становление российской внешней политики в 1990-е годы сопровождалось подключением к этому процессу общественных институтов, обеспечивавших отечественной дипломатии более широкую поддержку. К числу таких новых акторов относилась и РПЦ. Ее высшие иерархи активно содействовали таким, например, дипломатическим акциям государства, как заключение союзных договоров с Белоруссией, миротворчество на Балканах и ближневосточное урегулирование. Церковь стала самостоятельно поддерживать контакты с ООН, ОБСЕ, ЕС и другими международными организациями. Более интенсивный характер приобрели ее связи с иными православными церквями, конфессиями и религиями [15].

В мае 2001 г. выступая на конференции «Религия и дипломатия» в Дипломатической академии МИД РФ митрополит Кирилл (в настоящее время патриарх) обозначил четыре основных направления сотрудничества между государством и РПЦ во внешней политике [8]:

1) возвращение в собственность России и Русской православной церкви архитектурной и художественной собственности, утраченной после 1917-го из-за отказа советского правительства от культовых зданий за границей;

2) «...защита прав наших соотечественников в ближнем и дальнем зарубежье, в том числе и прав верующих»;

3) миротворчество на постсоветском пространстве и содействие исключению религиозного фактора из конфликтов «в случае возникновения межнационального противостояния на пространстве бывшего СССР»;

4) совместное отстаивание многополярного устройства глобального мира;

Остановимся на этом более подробно и обозначим наметившиеся тенденции.

Сегодня за пределами РФ РПЦ имеет 316 приходов и 16 монастырей, где служат 8 архиереев и 354 священнослужителя (282 священника и 72 диакона), действует 89 воскресных школ за исключением Русской Зарубежной Церкви [10].

В период с 2004 по 2008 годы построено и приобретено в собственность РПЦ 24 объекта недвижимости. Осуществляется строительство православных храмов в Риме, Гаване, Токио, Улан-Баторе. Построен храм при посольстве Российской Федерации в Боливии, строятся храмы при посольствах России в Пекине и Стамбуле. Кроме того, за отчетный период приобретены в собственность Русской Православной Церкви храмовые здания в городе Киле (Германия), городе Хобро (Дания), храмовые комплексы с домами в городах Гамбурге и Ульме (Германия), крупный монастырский комплекс в Амстердаме (Голландия), два домовых храма на острове Сардиния. Приобретен дом в центре Рима для епархиального и паломнического центра [9].

Важным событием для РПЦ стала передача Российской Федерации комплекса зданий Подворья РПЦ в городе Бари (Италия) при непосредственном участии президента РФ Д. Медведева [5]. В марте 2009 г. Премьер-министр РФ В. Путин поручил министерству иностранных дел оформить право собственности России на храм Святой Екатерины в Риме, а также поручил Росимуществу совместно с МИД провести необходимые юридические процедуры по передаче здания церкви в безвозмездное пользование РПЦ при условии обеспечения пользователем расходов по содержанию здания и его сохранности [14].

Сегодня Русские православные храмы возведены и в европейских столицах, и в странах Латинской Америки, Азии, Африки. Реставрируются или создаются вновь храмовые здания при российских посольствах. РПЦ активно расширяет свою инфраструктуру за границей и свое духовное присутствие для «окормления»

русскоязычного населения за пределами РФ, ей при патронаже государства возвращается утраченная собственность, при дипломатических представительствах РФ реставрируются и создаются новые храмы, образуются новые приходы.

Одной из стратегических задач патриаршества Алексия II было преодоления раскола между РПЦ и РПЦ Заграницей, образовавшегося после появления декларации митрополита Сергия (Старгородского) 1927 г. о признании советской власти [18]. Сдвинуть этот процесс помогли новые внешне политические ориентиры президента В. Путина и его содействие в этом процессе. Так, в сентябре 2003 года в Генеральном консульстве России в Нью-Йорке состоялась встреча Президента РФ В.В. Путина с Председателем Архиерейского Синода Русской зарубежной церкви митрополитом Нью-Йоркским и Восточно-Американским Лавром. В.В. Путин передал митрополиту Лавру письмо от Святейшего Патриарха Алексия. От своего имени и от имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Президент пригласил митрополита Лавра посетить Россию [13]. Подписанием 17 мая мае 2007 г. Акта о каноническом общении между РПЦ и РПЦЗ был преодолен раскол с достаточно крупной частью русского православного мира в дальнем зарубежье. При подписании «Акта о каноническом общении» в храме Христа Спасителя президентом России было отмечено, что данное событие «поистине всенародного, исторического масштаба и огромного нравственного значения» [16], возрождение церковного единства – «это важнейшее условие для восстановления утраченного единства всего «русского мира», одной из духовной основ которого всегда была православная вера» [4]. Однако часть приходов РПЦЗ – в основном находящаяся в Латинской Америке, – отказались признать результаты переговорного процесса и ушла в раскол.

В основе внешнеполитических действий РПЦ лежат общественно-политические ориентиры, которые отражают ее взгляд на общественно-значимые проблемы, а также отражают роль России в современном мире. В середине 1999 г. в общем виде общественно-политические

ориентации РПЦ были изложены в статьях Патриарха Алексея II «Мир на перепутье» и митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева), председателя Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского Патриархата, «Норма веры, как норма жизни» [20]. Наиболее полно высказанные общественно-политические ориентации РПЦ были отражены в «Основах Социальной концепции Русской Православной Церкви»** (ОСК РПЦ), принятой на Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ в 2000 г.

В свою очередь идеологический базис РПЦ основан на противодействии распространению западных стандартов мышления в России, т.к. по мнению РПЦ для страны опасна интеграция либерального и западного образа мыслей и политика основных стран запада, в первую очередь США, свидетельствует о такой направленности. В подтверждение этому является американский стратегический план по внешней политике на 2007 – 2012 гг., где прямо говорится о намерениях оказывать влияние на Россию: «Мы будем взаимодействовать с Россией, там, где мы можем это делать продуктивно, но при поддержке наших европейских и других союзников будем отстаивать ценности демократии, прав человека и свободы в этой стране и давать отпор негативному поведению» [2].

Наиболее важными составляющими идеологической ориентации РПЦ являются: осуждение либерального (западного) мировоззрения как безрелигиозного и индивидуалистического. Идеологическая позиция церкви сводится к тому, что «существуют и имеют не меньшее право на существование и «традиционные» мировоззрения – исламское, православное, и другие, явно религиозно обоснованные и более или менее укорененные в жизни других (не западных) народов. Здесь идет речь не о религиях, но о культурных комплексах, определяющих всю жизнь того или иного народа. Мировой порядок должен в

равной мере ориентироваться на все эти мировоззрения» [3]; утверждается необходимость сохранения религиозной, национальной, цивилизованной идентичности [19]. Церковь отстаивает право сообществ и сохранение социально-культурного своеобразия государств и связывает универсализм с политической сферой, утверждая, что социально-политическое бытие народов определяет их историческое развитие и культурные особенности. Вследствие чего на фоне глобальных тенденций человечество должно формироваться как сообщество, состоящее из различных цивилизационных групп [8]. Фактически РПЦ предлагает своеобразную версию мультикультурализма [3].

В 2004 г. министр иностранных дел РФ И. Иванов выступая на VIII Всемирном русском народном соборе обозначил одну из основных внешнеполитических задач России – «сохранение духовной и культурной самобытности является для нашей страны и для всей Православной цивилизации одним из крупнейших вызовов XXI века. Могут спросить: а в чем заключается самобытность применительно к внешней политике? Думаю, что речь должна идти, прежде всего, о том, чтобы внешняя политика государства строилась с учетом объективных особенностей его геополитического положения, экономики и культуры, его исторических и духовных корней. Только на такой основе можно выработать правильное понимание национальных интересов страны» [7].

Заявка России на построение многополярного мира и отстаивание своей самобытности поддерживается РПЦ и ведет к осмыслению своей роли и места в православном мире [16, с.28]. Каноническое православие сегодня насчитывает 15 Поместных Православных церквей, где РПЦ занимает 5 место вслед за древними восточными патриархатами – Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским. Ранее

** Основы социальной концепции Русской Православной Церкви – базисный документ Русской Православной Церкви, где излагаются базовые положения ее учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем (христианская этика и светское право; труд и его плоды; собственность; война и мир; преступность, наказание, исправление; вопросы личной, семейной и общественной нравственности; здоровье личности и народа; проблемы биоэтики; проблемы экологии; светская наука, культура, образование; светские средства массовой информации; международные отношения, проблемы глобализации и секуляризма).

Патриарх Кирилл тогда еще в сане митрополита дал следующее определение православного мира: «Православие как раньше, так и сегодня объединяет страны восточно-христианской цивилизации. Единство веры простирает поверх национальных различий и государственных границ...В эпоху навязывания тотальной унификации сохранение цивилизационного наследия православной традиции становится актуальной, весьма жизненной задачей» [10]. Так, например, в современной повестке международных отношений есть вопрос заставляющий осознать специфические интересы стран православной традиции – это проблема Косово и Метиохии. Здесь РПЦ занимает активную поддержку целостности Сербии, как и Российское государство. Поэтому одной из главных целью внешнеполитических ориентиров РПЦ на современном этапе является сохранение церковного единства внутри православного мира и своей канонической территории, а также донесение взгляда православного мировоззрения на современные проблемы мира и общества.

Также был сформулирован православный взгляд на проблему прав человека и его основных свобод в современном мире, который изложен в виде «Учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятом на Архиерейском Соборе в июне 2008 г. Православный подход к этой проблеме был поддержан российским государством, что позволяет ему отстаивать суверенитет и разрушить монополию Запада на толкование прав человека.

Именно с темами прав человека и межрелигиозного диалога РПЦ выходит на трибуну международных организаций – ООН, Совета Европы, ОБСЕ, Европейского Союза. Существуют сегодня представительства Московского Патри-

архата при ООН и других международных организациях. В 2004 г. для налаживания системной работы РПЦ с Советом Европы было учреждено специальное представительство РПЦ в Страсбурге. В октябре 2007 г. состоялся официальный визит Святейшего патриарха Алексия II в ПАСЕ, где он выступил перед европейскими парламентариями. Главным тезисом выступления патриарха было указание на необходимость укрепления христианских нравственных ценностей как жизненно важного условия существования европейской цивилизации и культуры. РПЦ ежегодно участвует в Совещаниях по рассмотрению выполнения обязательств в области человеческого измерения, проводимых Бюро по демократическим институтам и правам человека при ОБСЕ. В Брюсселе действует представительство Московского Патриархата при европейских международных организациях, которое выстраивает диалог с Европейской комиссией, Европейским парламентом и другими организациями, находящимися в Брюсселе [16, с.31].

Как мы видим РПЦ достаточно крупная церковная организация и институт, который имеет свои проблемы и внешнеполитические интересы. Ее внешнеполитические ориентиры фактически совпадают с основной внешнеполитической позицией Российского государства. РПЦ достаточно активно стремится поддерживать диалог, как с международными организациями, так и политической элитой национальных государств, где существуют ее приходы. Поддержание диалога с внешним миром является одной из основных задач Московского Патриархата и исполнение этого и той роли, на которую претендует РПЦ невозможно без поддержки и тесного взаимодействия с государством

1. Алексий II, патриарх. Россия: Духовное возрождение. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1999. – С. 54.

2. Буш ставит задачу дать отпор «негативному поведению» // России РИА НОВОСТИ. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/world/20070416/63688940-print.html> (дата обращения: 21.07.2009).

3. Верховский А. Беспокойное соседство: Русская Православная церковь и путинское государство / А. Верховский // Информационно-аналитический центр «СОВА». Религия в светском обществе. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religion.sova-center.ru/publications/1500AF0/1501B22> (дата обращения: 21.07.2009).

4. Владимир Путин назвал подписание Акта о каноническом общении событием всенародного и исторического масштаба // Патриархия.RU: Официальный портал Московской Патриархии. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/print/243221.html> (дата обращения: 21.07.2009).

5. Глава Российского государства принял участие в церемонии передачи России подворья Русской Православной Церкви в итальянском городе Бари // Православие.Ru. Интернет-журнал. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/print29473.htm> (дата обращения: 21.07.2009).

6. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 22.10.1991 г. // Московский церковный вестник. – 1991. – № 19.

7. Иванов И.С. министр иностранных дел РФ Выступление на VIII Всемирном Русском Народном Соборе / И.С. Иванов // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/archive/6352.html?print=1> (дата обращения: 20.07.2009)

8. Кирилл (Гундяев). Митрополит Смоленский и Калининградский «Религия и дипломатия. Взаимодействие Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата с Министерством иностранных дел России». Доклад на конференции «Религия и дипломатия» (Москва, 27-28 апреля 2001 года) // Русская Православная Церковь: Официальный сервер Русской Православной Церкви URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/archive/nr106173.htm> (дата обращения: 20.07.2009)

9. Кирилл митрополит Смоленский и Калининградский «Православное единство и православное свидетельство в современном мире». Доклад Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=41532> (дата обращения: 20.07.2009).

10. Кирилл митрополит Смоленский и Калининградский «Вместе – к духовному возрождению». Ответы на вопросы газеты «Московская среда» (газета «Московская среда» № 12 (215), 4-10 апреля 2007 года) // Справочно-информационный интернет-портал «Религия и СМИ». URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.religare.ru/article40510.htm> (дата обращения: 21.07.2009).

11. Московский церковный вестник. – 1992. – № 1.

12. Причины и историю церковного раскола на Украине смотри в: Цыпин В. протоиерей История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. – 3-е изд., испр. – М.: Изд-во Сретенского монастыря. 2007. – 816 с.

13. Русская Православная Церковь Заграницей // Патриархия.RU: Официальный портал Московской Патриархии. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/245344.html> (дата обращения: 21.07.2009).

14. Русский храм в Риме будет безвозмездно передан Московскому Патриархату // Православие.Ru. Интернет-журнал. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/29678.htm> (дата обращения: 21.07.2009).

15. Рябых Ю. Внешнеполитические ориентиры Русской православной церкви (1991–2000) / Ю. Рябых // Pro et Contra. Том 6. – 2001. – № 4. Осень: Внешняя политика России: 1991–2000. Часть II. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/56811.htm> (дата обращения: 20.07.2009).

16. Рябых Ю. Русская Православная Церковь в современной системе международных отношений / Ю. Рябых // Полис. – 2008. – № 2. – С. 28.

17. См. подробнее об итогах празднования 1020-летия Крещения Руси на Украине и основных противоречиях этого события в: Бурга В. В. После юбилея: участники празднования 1020-летия Крещения Киевской Руси подводят первые итоги: научный богословский портал: Богослов. Ru. URL: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/314551.html> (дата обращения: 20.07.2009).

18. См. Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. о признании им советской власти. URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/Article/Dekl_Ser.php (дата обращения: 21.07.2009).

19. См. подробнее: Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма // «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». – М.: Московский Патриархат. Священный Синод Русской Православной Церкви. Отдел внешних церковных связей, 2001. – Глава XVI. – С. 118–125.

20. См. подробнее: Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Мир на перепутье // НГ-религии. 1999, 23 июня; Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Норма веры как норма жизни // Независимая газета. 2000, 16–17 февраля.

ПОНЯТИЕ ВООРУЖЕННОГО НАСИЛИЯ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 321.1

Р.Х. ФАЙЗРАХМАНОВ

Глобальный исторический опыт человечества не позволяет исключить из всего спектра проблем, вызывающих неподдельный интерес специалистов самых разных научных направлений, так или иначе связанные с вооруженным насилием. Многообразие форм его проявления в современных условиях со всей очевидностью актуализирует эту проблему, повышает внимание к ней, снова и снова возвращает мысли общественников и, прежде всего, политологов, юристов к проблеме вооруженного насилия, его антропологическим предпосылкам и императивам.

Вне всякого сомнения, вооруженное насилие столь же древнее, как мир и человеческая цивилизация. Уже в первых источниках, дошедших до нас из глубины веков, мы замечаем отражение этого специфического явления, характерного для отношений между людьми с древности, в письменной, графической и иных формах. Так, на обломках памятника, известного ныне как «Стела коршунов», мы наблюдаем описание спора между правителями древних царств Уммы и Лагаша о границах их владений: «Уш, вождь Уммы, снес ранее установленную пограничную стелу, вышел на равнину Лагаша... полностью сразил своих врагов и установил пограничные камни там, где они стояли на равнине» [3, с. 13]. Зафиксированный таким образом исторический факт, имевший место в третьем тысячелетии до нашей эры в Месопотамии, служит убедительным доказательством того, что уже в те времена средством достижения своих целей и удовлетворения интересов человек избирал вооруженное насилие.

Приведенный исторический факт служит наглядным подтверждением тому, что первые идеи о вооруженном насилии зародились на Древнем Востоке. Понятие Востока мы используем «не столько как географическое, сколько как историко-культурное, цивилизационное. На Востоке

впервые в истории развития человеческого общества сложились те социальные и политические институты, государство, право, мировые религии, которые и породили со времени возникновения античных государств (Древних Греции и Рима) в I тысячелетии до н.э. дихотомию Восток-Запад» [7, с. 30].

При этом следует подчеркнуть, что в древневосточных источниках довольно трудно найти положения, прямо и непосредственно характеризующие вооруженное насилие, уже в то время детерминированное разнообразными обстоятельствами. Чаще всего авторы того времени употребляли термин война и некоторые производные от него понятия, и гораздо реже встречается у них собственно понятие насилия. Что касается понятия войны, то древние мыслители не могли придавать ей тот смысл, который характерен для этого понятия сегодня. Набеги на другие племена, завоевательные походы, грабежи и т.п., описываемые во многих источниках, далеко не всегда идентичны войне, но всегда являли собой насилие.

Наряду с понятием война они апеллируют к аналогичным с насилием терминам и понятиям. Среди них чаще упоминаются такие, как посягательство, надругательство, наказание, конфискация, грабеж, убийство, завоевание, бунт и т. д. Причины их применения, сферы и формы проявления различались и порой принципиально. Объединяло же их одно – использование соответствующих средств и методов, которые сегодня однозначно интерпретируются как вооруженные.

Так, в должностной инструкции верховному сановнику (везиру) Древнего Египта, относимой к периоду правления фараонов XVIII династии (XVI-XV вв. до н.э.), изложенной на стене гробницы Рехмира, мы встречаем такие понятия и словосочетания: «право приговора», «телесное наказание», «арест лица, которое

будет грабить» [12, с. 83, 86]. Причем будет несправедливо сводить их только к уголовно-правовым отношениям, ибо за ними кроется никем и ничем неограниченное право правителя на применение силы. При определенных условиях это напрямую вменялось ему в качестве обязанности. То и другое зачастую трансформировалось в прямое насилие, ибо обладая всей полной власти, правитель и его окружение не гнушались никакими средствами и методами.

Политические представления, зарождающиеся в Древней Индии, как и в Египте, базировались на таких основах, «как божественный источник власти, принуждение как главный способ обеспечения установленного порядка, верховенство религиозного закона над царским законодательством» [10, с. 384]. Законы Ману, высказанные от имени верховного правителя, имели своей основной целью закрепление существующего здесь социально-политического устройства.

Основным средством достижения правителем «высшего успеха», закрепленным в Законах, является наказание. Их авторы искренне верили, что «только из страха наказания весь мир служит пользе», и утверждали, что «наказание правит всеми людьми, наказание же охраняет, наказание бодрствует, когда все спят...» [11, с. 104, 105]. Перечисленные здесь и иные виды наказания в большинстве своем невозможны без применения силы. Уличая человека в его несовершенстве, абсолютной эгоистичности, преодолеть которые можно, прежде всего, посредством насилия, осуществляемого в виде наказания и любой иной форме, древние абсолютизируют роль насилия в жизни общества. Однако дальше этого они объективно пойти не могли.

Тем не менее древнеиндийские мыслители предопределили основные функции данного социального феномена. Это вытекает из ряда положений, зафиксированных в Законах:

1) подчеркивается необходимость создания соответствующих структур, а точнее таких политических институтов, с которыми, прежде всего, ассоциируется древнеиндийское государство – царь, советник, войско, крепость. Они наделены правом в процессе решения стоящих пе-

ред ними задач применять вооруженные средства и методы;

2) провозглашая принципы функционирования и деятельности государства, правитель беспокоится о его безопасности и вооруженной защите. Он указывает, что «надо жить, выбрав крепость, окруженную на расстоянии выстрела из лука пустым пространством, имеющую земляные укрепления, защищенную водой или деревьями, людьми или горами» [11, с. 106], поскольку угроза нападения извне была реальной и перманентной;

3) в интересах обеспечения порядка и стабильности акцент делается на военную составляющую, поскольку прямо указывается, что «подчинение страны следует обеспечивать, поместив отряд [воинов] посреди двух [деревень], трех, пяти, а также сотен деревень» [11, с. 106].

Эти и другие нюансы, воспринимаемые нами как общеобязательные нормы (правила) функционирования государства, дают основание утверждать, что в арсенале политических средств и методов, зародившихся в глубокой древности, доминируют военные и/или вооруженные. Использование их служит достижению разных, в том числе противоположных целей. С одной стороны, они обеспечивают отражение вооруженного насилия, активно культивируемого в те времена, с другой стороны, создают все необходимые условия использовать такое насилие в интересах достижения превосходства над иными государствами и народами.

Такая политическая централизация власти в странах Востока закономерно вызывала различного рода социально-политические и иные последствия. В том числе она «обеспечила военную централизацию» [4, с. 10]. Так, например, древнеегипетский фараон, которому, как и Ману, принадлежала верховная власть, обладал полномочиями назначать главнокомандующего войска, начальников отдельных отрядов и флотов. В ряде случаев он сам возглавлял армию.

Заложено таким образом много веков назад неоспоримое правило в современных условиях нашло свое закрепление в конституциях ныне существующих государств. Глава государства (президент, канцлер, император, король и т.п.) исполняет обязанности верховного главноко-

манующего вооруженными силами страны. В частности, в ст.87 Конституции РФ сказано: «Президент РФ является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ». Именно на него возложены обязанности по обеспечению безопасности государства и общества. При этом в условиях постоянно трансформирующегося мира, но, по-прежнему, не способного избавиться от различного рода угроз, включая агрессию, невозможно обойтись без применения военной силы. Современные военные и иные угрозы, наличие которых актуализирует проблемы, связанные с вооруженным насилием, нашли свое отражение в Стратегии национальной безопасности РФ, рассчитанной до 2020 г. Именно они обусловили то, что сегодня Президенту РФ, по аналогии с законодательством США, Франции и других государств, предоставлено право единолично использовать воинские формирования за пределами страны, если национальным интересам России угрожает опасность.

Прообраз элементов военной организации, обеспечивающей нормальное функционирование общества, также сложился еще в древневосточных странах. Достоверно известно, что в Древнем Египте существовал «дом оружия» как прототип современного военного ведомства и/или военно-промышленного комплекса. В его функции входили организация войска, набор рекрутов, изготовление оружия, снабжение войск всем необходимым, постройка кораблей и пограничных крепостей, управление военными действиями.

Само войско организовывалось в форме военных поселений, которые располагались в центре страны и на ее границах, что было обусловлено особенностями задач, определяемых перед ним. Сегодня это общепринято сводить к внутренним и внешним функциям различных элементов военной организации, занимающей особое место в социально-политической системе общества.

По данным Геродота, военнослужащие в Древнем Египте делились на две группы, отличающиеся друг от друга количественно и качественно, включая возраст, с которым связана продолжительность военной службы [4, с. 10 – 11]. Привилегированная каста несла воинскую службу наследственно, что свидетельствовало о

высокой значимости такого особого вида социальной деятельности, дифференциация которой уходит своими корнями в глубокую древность.

В других документальных источниках того времени наблюдается аналогичная ситуация. Только в первых 22 параграфах, излагающих правила, которыми может и должен был руководствоваться в Вавилоне царь Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.) не менее четырнадцати раз употребляются те или иные словосочетания, суть которых прямо сводится к применению силы [11, с. 16–19].

При расширенном толковании смысла этого права-обязанности как прерогативы правителя можно полагать, что здесь содержится прямое указание на возможность и необходимость применения вооруженного насилия. Доминирующая причина такого завуалированного внимания правителей стран Древнего Востока к его проблемам вполне объяснима. И, прежде всего, тем, что в силу ряда обстоятельств они не могли предвосхитить действия со стороны соседей, находящихся на соответствующем уровне своего развития, но так или тоже стремящихся к расширению сфер своего влияния. Они объективно не имели возможности адекватно спрогнозировать и оценить возможные последствия обращения противника к вооруженным средствам и методам. Это, в свою очередь, и порождало такие столкновения, которые издревле, пусть не всегда корректно, но принято именовать войнами, которыми перенасыщена история цивилизации.

Однако представление о вооруженном насилии как разновидности социального насилия в те времена не могли выделиться в самостоятельную отрасль знаний о социуме. Это произошло значительно позже. Только в середине XIX века выделилась группа исследователей, выдвинувших фактор насилия во главу угла всех социально-политических явлений и процессов, имевших место в прошлом и настоящем. Это были Л. Гумплович, Е. Дюринг, К. Каутский. С их именами справедливо связывается становление учения о насилии как социальной теории. Не будет преувеличением утверждение, что одновременно с ними и в какой-то мере «на их плечах» вошли в историю политико-правовой мысли классики марксизма. Трактовка

ими причин и условий возникновения и развития древних государств лишний раз свидетелем выступают о том, что вооруженное насилие сыграло если не ведущую, то далеко не последнюю роль в этом многогранном процессе.

Прав был Л. Гумплович, утверждая, что «история не предъявляет нам ни одного примера, где бы государство возникало не при помощи акта насилия, а как-нибудь иначе. Кроме того, это всегда являлось насилием одного племени над другим. Оно состоит в том, что конструирует государство как господство сильного над слабым и признает такое отношение властвования данным самою природою» [5, с. 373]. Он убежден, что если многочисленные представители теологического учения подчеркивали необходимость подчинения божьей воле, чему верили древние, то с точки зрения теории насилия следует подчиняться слепым силам социальной эволюции.

История политико-правовой мысли Древнего Востока не будет полной, если обойти вниманием Китай, развитие которого связано с именем Конфуция. Пребывая на позициях сторонников ненасилия, не приемля насилия как такового, мыслитель обращался к управленцам с вопросом: «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то народ будет добрым. Мораль благородного мужа подобна ветру, мораль низкого человека подобна траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер» [9, с. 63].

В числе первых Конфуций определил основы управления государством. Оно будет иметь успех, «когда достаточно еды, достаточно оружия и есть доверие народа» [9, с. 76]. Тем самым он выделяет три приоритетных направления в деятельности государя по управлению делами общества. Ни одно правительство, рассчитывающее на достижение прогресса в своей внутренней и внешней политике и сегодня не способно проигнорировать:

1) экономику, с которой связано производство материальных благ, включая «еду» и, безусловно, «оружие»;

2) военные вопросы, включая содержание необходимого для обеспечения своей безопасности войска, оснащенного соответствующим «оружием»;

3) необходимость создания такой идеологической и морально-психологи-

ческой обстановки, посредством которой обеспечивается достижение единства всех слоев населения, искренне доверяющих правительству.

Расставляя акценты на этих трех «составляющих», Конфуций замечает, что при необходимости первым из названного «можно исключить оружие», что вовсе не означает пренебрежение или недооценку с его стороны военных проблем. Напротив, здесь можно увидеть и должным образом оценить прозорливость и актуальность взглядов Конфуция на диалектическую зависимость между экономикой, политикой и войной в разных ее проявлениях.

В этой «триаде» война закономерно занимает не последнее по значимости, а зависимое от двух первых слагаемых место. В этом состоит несомненная заслуга Конфуция. Ведь в период его творения еще не сформировались, а только стали появляться зачатки идей о соотношении материального и идеального, объективного и субъективного.

Много позже Ф. Энгельс неоднократно подчеркивал зависимость войны как высшей фазы вооруженного насилия от экономического базиса. На основе знания истории он сформулировал вывод, актуальный по сей день: «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения» [13, с. 171].

Столь же предметно указывал Конфуций на роль народных масс в историческом процессе. Ему принадлежит гениальная идея о том, что народ можно лишить не только оружия, но и еды, поскольку «смерти издревле никто не может избежать», но если народ потеряет веру, «то не устоять». В своих текстах автор даже не намекает на то, что за этим последует, ибо выводы здесь напрашиваются сами по себе:

1) народ представляет собой колоссальную социально-политическую силу, которую ничем невозможно сокрушить и/или подавить, он активный субъект всех явлений и процессов;

2) народ, естественно и закономерно борясь за лучшие условия своего существования, в случае необходимости осознанно или непроизвольно берется за

оружие, обращаясь тем самым к вооруженному насилию в той или иной форме и используя его как крайнее средство достижения цели.

Потому, чтобы избежать насилия со стороны народных масс, Конфуций не без пафоса говорил о том, что неперменной задачей правителя является «их обогатить» и «их обучить». Он тверд во мнении, что если власть в стране в течение ста лет будет принадлежать «хорошим людям», то они могут справиться с любым проявлением насилия. При этом Конфуций просчитал одну любопытную деталь, значение которой непреходяще: «Даже когда приходит к власти истинный правитель, человечность может утвердиться лишь через поколение» [9, с. 83].

Предвосхищая возражения возможных оппонентов, подчеркнем, что концептуальные подходы Конфуция к пониманию и оценке насилия, в том числе и вооруженного, совершенно не однозначны, они полны парадоксов и прямых противоречий. Даже самый беглый взгляд нашего современника на его произведения убеждает в том, что Конфуций, ратуя за добро, гуманизм в отношении между людьми, апеллирует к насилию, прежде всего, как к злу, и одновременно воспринимает его как некую добродетель, видя в нем нравственное предназначение. Только научный и беспристрастный анализ даст возможность ответить на вопрос, насколько это справедливо и объяснимо.

Зато его соотечественник Сунь-цзы прямо тяготел к идеям силы и зла. Он утверждал, что человек по природе своей зол, а добродетельным становится в результате практической деятельности, а также обучения и воспитания, в основе которого должно лежать наказание. С его именем связывают появление одного из самых первых в мире трактатов о военном искусстве. Причем, будучи военачальником в царстве У, он успешно руководил походами войск против других государств. В Древнем Китае этому виду деятельности уделялось не самое последнее внимание. Войны, захватнические походы и нашествия в арсенале средств и методов, используемых правителями в интересах укрепления собственной власти, были более приоритетными, нежели законсервированными.

В различных источниках доминирует точка зрения о том, что пронизанный элементами стихийной диалектики трактат излагал, прежде всего, основы военного дела. Однако это не совсем так. Этот исторический документ имеет значение не только и не столько военное, сколько теоретико-методологическое. Для политологической науки он представляет ценность, исходя уже из того, что в нем отражен не один аспект разноплановых проблем войны и насилия как социально-политических явлений. В контексте нашего внимания к проблемам вооруженного насилия нельзя не обратить внимания на некоторые основополагающие принципы, изложенные древнекитайским военным мыслителем.

Прежде всего, Сунь-цзы подчеркивает, что «искусство войны имеет первостепенное значение для государства» и далее он безапелляционно утверждает, что «это дело жизни и смерти – путь к существованию либо к гибели» [6, с. 5]. Интерпретируя такую позицию с точки зрения политологической, можно предложить следующие выводы:

1) подчеркивается прямая и непосредственная связь между двумя такими всесторонне значимыми политическими явлениями, как государство и война;

2) война рассматривается как одно из основных и ничем незаменимых средств достижения стоящих перед государем целей и задач. При этом заметим, что основная часть трактата посвящена тем правилам военного искусства, которые более связаны с наступательными действиями, чем с необходимостью держать оборону;

3) под термином война понимается, прежде всего, вооруженное насилие в самых разных его проявлениях. Утверждение Сунь-цзы, что высшим мастерством являются вовсе не сражения и захваты, а сдача армии врага без боя, вовсе не следует рассматривать как гуманное отношение к противнику. Это есть принудительное воздействие на противную сторону, напрямую сопряженное с насилием. Таким образом, за много веков предвосхищается вывод известного военного теоретика К. Клаузевица о том, что «...война есть не что иное, как расширенное единоборство». Она по сей день являет собой не что иное как «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить вашу волю» [8, с. 20];

4) война как политическое средство и ее исход детерминированы «постоянными факторами», среди которых особо выделяются нравственный закон, метод и дисциплина, полководец. В то же время Сунь-цзы призывает обращать внимание и на «конкретные обстоятельства» – независимо от того, входят они в обычные правила или нет. Это универсальное правило, сформулированное в древности, не может быть распространено на любую сферу общественной деятельности, включая политическую;

5) война как форма вооруженного насилия в социально-политической жизни общества невозможна без армии. Последняя, выступая орудием государства в войне, должна быть соответствующим образом построена, организована, снабжена, вооружена и обучена. При этом акцент справедливо делается на то, что достижения победы определяется, главным образом, моральным духом войска и народа;

6) среди гарантов победы в войне важное значение придается месту и роли полководца. Тем самым Сунь-цзы внес заметный вклад в решение одной из важных проблем о роли народных масс и личности в истории и политике;

7) война не может вестись постоянно, ибо не существует примеров, чтобы страна получала выгоду от длительных военных действий. Вывод о том, что «затевая бой, следует стремиться к скорой победе, иначе оружие ваших солдат напрасно пригнет, а сами они постепенно утратят свой пыл. Если вы осаждаете город, то с течением времени вы тратите и истощаете

свои силы» [6, с. 18], не теряет своей актуальности по сей день. Вся последующая история человечества подтверждает это. Затянувшиеся во времени и раздвинутые в пространстве факты применения вооруженного насилия мало способствуют достижению поставленных перед ним целей.

Более того, на рубеже XX и XXI веков отдельные государства, как резонно считает современный немецкий философ Х. Хофмайстер, оказываются просто не способными и бессильными справиться с войной и вооруженным насилием. С ним солидарны другие иностранные, а также некоторые отечественные исследователи.

В связи с этим нельзя не согласиться с позицией С.С. Алексеева, который оценивая события на Северном Кавказе подчеркивает, что недавняя война в Чечне «потрепала Россию, сбросила с общества жалкий «маскарадный костюм», разом раскрыла «кто есть кто» и «что есть что» [1, с. 259]. К сожалению, эта война «возродила и даже легализовала практику вооруженного насилия» [2, с. 155]. В результате Россия с ее юридической системой «оказалась немощной, неспособной» преодолеть выпавшие на ее долю испытания.

Эти и подобные факты из современных реалий закономерно повышают интерес к проблемам вооруженного насилия в различных проявлениях, в разработку которых свой весомый вклад внесли мыслители Древнего Востока. Непреходящая заслуга их в том, что они первыми сумели отразить вооруженное насилие как явление и предначертали магистральные пути исследования его как проблемы.

1. Алексеев С.С. Философия права / С.С. Алексеев. – М., 1997.

2. Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву / С.С. Алексеев. – М., 1997.

3. Волков Я.В. Геополитика и безопасность в современном мире / Я.В. Волков. – М., 2000.

4. Военная история. – М., 2006.

5. Гумплович Л. Общее учение о государстве / Л. Гумплович // Антология социально-политической мысли. В 2 т. Т. 1. – М., 2001.

6. Джэйлс. Л. Сунь-цзы: искусство войны / Л. Джэйлс; пер. с англ. – Ростов-на-Дону, 2004.

7. История государства и права зарубежных стран: учеб. для вузов: в 2 т. Т. 1. Древний мир и Средние века. – М., 2007.

8. Клаузевиц К. О войне / К. Клаузевиц. – М., СПб., 2003.

9. Конфуций. Уроки мудрости. Сочинения. – М., 2002.

10. Лебедева Т.П. Политическая мысль Востока / Т.П. Лебедева // Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. – М., 2007.

11. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. – Т. 1: Древний мир и Средние века. – М., 2005.

12. Хрестоматия по истории Древнего мира / под ред. В.В. Струве; пер. В.В. Струве. – Ч. 1. Древний Восток. – М.; 1950.

13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 20.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАДЗОР И КОНТРОЛЬ В ФИНАНСОВОЙ ОБЛАСТИ

УДК 342

О.Е. ТОМАЗОВА

В Конституции РФ закреплены основные принципы организации и функционирования системы управления российского государства, в том числе и правовая основа образования и функционирования единой системы органов исполнительной власти в области государственного надзора и контроля.

Ст. 5 Конституции РФ установлено, что федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности и единстве системы государственной власти. Особенность организации единой системы органов исполнительной власти раскрывается в ст. 77 и 78 Конституции РФ. Согласно ч. 2 ст. 77 Конституции РФ, лишь в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации.

Логичным продолжением положений, закрепленных в ч. 2 ст. 77 Конституции РФ, является ст. 78 Конституции РФ. Данная статья раскрывает механизм взаимоотношения органов исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Федерации в сфере их собственного ведения. Согласно ч. 1 ст. 78 Конституции Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти наделены правом для осуществления своих полномочий создавать территориальные органы и назначать соответствующих должностных лиц. Кроме того, ст. 78 предусмотрен механизм возможного взаимного делегирования

части своих полномочий в форме соглашения между органами исполнительной власти Российской Федерации и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, естественно, если такая передача не будет противоречить российскому законодательству.

Исходя из положений Конституции РФ и федерального законодательства под единой системой исполнительной власти в Российской Федерации следует понимать совокупность органов исполнительной власти Российской Федерации и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации во главе с Правительством Российской Федерации, а также совокупность правоотношений между ними на основе единой политики правового нормотворчества и разграничения полномочий в пределах предметов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в условиях координации их деятельности Президентом РФ.

Дальнейшее развитие и конкретизацию конституционных норм, регулирующих образование и функционирование единой системы исполнительной власти в Российской Федерации, призвано обеспечить федеральное законодательство и законодательные акты субъектов Российской Федерации. К сожалению, на сегодняшний день, правовая основа механизма реализации конституционного положения об образовании единой системы исполнительной власти в Российской Федерации до конца не сформирована и не устранены пробелы и путаница в ее системе и струк-

туре. Более того, до последнего времени в данном вопросе преобладало ведомственное нормотворчество, отсутствовали основополагающие и статутные законодательные акты, регламентирующие деятельность системы исполнительной власти в Российской Федерации.

В настоящее время основополагающими законодательными актами, регламентирующими правовую базу организации единой системы исполнительной власти в Российской Федерации, являются Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Важное место в системе нормативных правовых источников федерального уровня, призванных сформировать правовую базу образования и функционирования единой системы исполнительной власти в Российской Федерации, занимают нормативные указы Президента РФ, а также утверждаемые его указами положения и правила, действующие в сфере государственно-управленческой деятельности.

Правительство Российской Федерации своими правовыми документами создает большое число административно-правовых норм, выступающих правовыми регуляторами функционирования различных элементов единой системы исполнительной власти в Российской Федерации.

В определенных границах в качестве такого рода источников также выступают нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти (если это предусмотрено положениями о них или им делегированы полномочия такого рода). Например, к ним можно отнести нормативные акты федеральных органов исполнительной власти, адресуемые нижестоящим звеньям соответствующей системы, либо обязательные для исполнения и применения в собственной практике иных исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации.

Нельзя обойти вниманием, характеризую виды источников, регламентирующих вопросы функционирования единой системы исполнительной власти в Российской Федерации, нормы конституций и

уставов субъектов Российской Федерации, законодательных актов представительных (законодательных) органов субъектов Российской Федерации, нормативно-правовые акты глав субъектов Федерации, нормативные акты высшего органа исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иных органов исполнительной власти субъектов Федерации, касающиеся проблем взаимодействия и взаимоотношений с органами исполнительной власти Российской Федерации, связанных с реализацией положений ст. 72 Конституции РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 110 Конституции Российской Федерации исполнительную власть в России осуществляет Правительство РФ. Нормы Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» более детально регламентируют положения ст. ст. 110-117 Конституции РФ.

Согласно ст. 1 Закона Правительство Российской Федерации является высшим исполнительным органом государственной власти Российской Федерации и возглавляет единую систему исполнительной власти в Российской Федерации.

Положения ст. 12 Закона закрепляют за Правительством России следующие полномочия по вопросам руководства федеральными министерствами и иными федеральными органами исполнительной власти. Так, Правительство Российской Федерации руководит работой федеральных министерств и иных федеральных органов исполнительной власти и контролирует их деятельность. Федеральные министерства и иные федеральные органы исполнительной власти подчиняются Правительству Российской Федерации и ответственны перед ним за выполнение поставленных перед ними задач.

К полномочиям Правительства России Федеральным конституционным законом отнесено: утверждение положений о федеральных министерствах и об иных федеральных органах исполнительной власти, установление численности работников их аппаратов и размера ассигнований на содержание этих аппаратов. Правительство назначает на должность и освобождает от должности заместителей федеральных министров; руководителей федеральных органов исполнительной власти, не яв-

ляющихся федеральными министрами, и их заместителей; руководителей органов и организаций при Правительстве РФ; утверждает членов коллегий федеральных министерств и иных федеральных органов исполнительной власти.

К полномочиям Правительства Российской Федерации также отнесено установление порядка создания и деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, размера ассигнований на содержание их аппаратов. Кроме того, Правительство в целях реализации конституционных установлений, касающихся претворения в практическую сферу деятельности органов исполнительной власти принципа единой системы исполнительной власти в Российской Федерации и для непосредственного осуществления как своих полномочий, так и функций федеральных органов исполнительной власти может создавать территориальные органы и назначать соответствующих должностных лиц.

Так, например, Постановлением Правительства РФ от 3 февраля 1994 г. «О территориальных органах по валютному и экспортному контролю» были созданы территориальные подразделения соответствующего федерального органа исполнительной власти, перед которыми была поставлена задача реализации на местах единой общегосударственной политики в области организации контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере валютных, экспортно-импортных и иных внешнеэкономических операций [17].

К такого рода нормативно-правовым актам Правительства РФ также можно отнести Постановление Правительства от 26 июля 2002 г. «О территориальных органах Государственного таможенного комитета Российской Федерации и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков» и ряд других [16].

Согласно ст. 13 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» к общим полномочиям Правительства относятся:

- организация и реализация внутренней и внешней политики Российской Федерации;
- осуществление регулирования в социально-экономической сфере;

– обеспечение единства системы исполнительной власти в Российской Федерации,

– направление и контроль деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации;

– формирование федеральных целевых программ и обеспечение их реализации и др.

Правительство РФ по соглашению с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в соответствии с положениями Конституции РФ и нормами законодательства, может передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции и законам РФ. Кроме того, осуществляет полномочия, переданные ему органами исполнительной власти субъектов РФ на основании соответствующих соглашений.

Общие полномочия Правительства РФ конкретизируются его полномочиями в отдельных сферах общественной жизни.

Так согласно, ст. 14 Закона к полномочиям Правительства Российской Федерации в сфере экономики относится обеспечение единства экономического пространства и свободы экономической деятельности, а также свободной перемещения товаров, услуг и финансовых средств в Российской Федерации.

В соответствии со ст. 15 Закона Правительство РФ обеспечивает проведение единой государственной социальной и миграционной политики, реализацию конституционных прав граждан в области социального обеспечения, способствует развитию социального обеспечения и благотворительности и т.д.

Анализ как общих полномочий Правительства РФ, так и его полномочий в отдельных областях управления позволяет сделать вывод, что одной из главных функций Правительства является формирование, обеспечение и проведение в повседневную жизнь единой государственной политики в различных сферах общественной жизни на всей территории России. Данная функция Правительства находится в непосредственной взаимосвязи с реализацией конституционного положения об образовании единой системы исполнительной власти в Российской Федерации.

Наряду с функциями регулирования экономических отношений, организацией

реализации внутренней и внешней политики РФ, одной из основных функций Правительства РФ является организация исполнения федеральных законов, систематический контроль за их исполнением органами исполнительной власти всех уровней и принятие необходимых мер по устранению допущенных нарушений.

Согласно ст. 4 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» одной из главных функций Правительства является обеспечение в пределах его полномочий исполнения Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, международных договоров РФ, осуществление систематического контроля за их исполнением федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ, принятие мер по устранению нарушений законодательства РФ.

В связи с этим и в целях поддержания законности в системе исполнительной власти российского государства, обеспечения единства целей, задач и приоритетов, стоящих перед органами государственного управления Российской Федерации, и их реализации в повседневной деятельности данных органов Правительство РФ вправе отменять акты федеральных органов исполнительной власти или приостанавливать действие этих актов в случае их противоречия действующему законодательству, актам Президента РФ и Правительства РФ (ст. 12 Закона).

Статьей 43 Федерального закона регламентируются основы взаимоотношений Правительства РФ и органов государственной власти субъектов Федерации, в том числе и в рамках практической реализации положения об образовании единой системы исполнительной власти в Российской Федерации.

Это связано, прежде всего, с тем, что Правительство РФ в пределах своих полномочий и в целях обеспечения сочетания интересов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов в сфере осуществления исполнительной власти координирует деятельность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Так, согласно ст. 44 Закона Правительство РФ в пределах своих полномочий осуществляет контроль за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, а по вопросам, отнесенным к ведению Российской Федерации и полномочиям Российской Федерации по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов, также за деятельностью органов исполнительной власти субъектов Федерации. Правительство РФ обеспечивает соблюдение федеральными органами исполнительной власти прав органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и способствует взаимодействию указанных органов. Правительство РФ в пределах своих полномочий разрешает споры и устраняет разногласия между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Для разрешения споров и устранения разногласий создаются согласительные комиссии из представителей заинтересованных сторон.

Кроме того, Правительство РФ в срок не более одного месяца рассматривает внесенные в установленном порядке в его адрес предложения законодательных (представительных) или исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и сообщает указанным органам о результатах рассмотрения внесенных предложений.

Не менее важным является и то, что Правительство РФ направляет в законодательные (представительные) и исполнительные органы субъектов Федерации проекты своих решений по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Предложения законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Федерации по таким проектам подлежат обязательному рассмотрению в Правительстве РФ.

К сожалению, реализация вышеназванных полномочий Правительства РФ затруднена в связи с отсутствием непосредственных правовых механизмов их реализации, закрепленных в соответствующих законодательных актах.

Хотя, как известно, по Конституции Президент РФ не является главой исполнительной власти, но связан он с нею очень тесно. Согласно ст. 80 Конституции РФ Президент России определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. В соответствии со ст. 112 Конституции РФ Он устанавливает структуру федеральных органов исполнительной власти.

Кроме того, в соответствии со ст. 83 Конституции РФ Президент РФ назначает с согласия Государственной Думы Федерального Собрания РФ Председателя Правительства РФ; имеет право председательствовать на заседаниях Правительства РФ и принимает решение об его отставке; по предложению Председателя Правительства РФ назначает на должность и освобождает от должности заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров.

Президент РФ непосредственно руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, и назначает их руководителей.

В соответствии со ст. 85 Конституции РФ Президент РФ может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ.

Кроме того, Президент России представляет законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ кандидатуру на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Федерации для наделения соответствующими полномочиями.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о преобладающей роли Президента РФ в системе управления РФ [1]. Таким образом, можно констатировать, что среди нормативных правовых актов, регулирующих организацию системы государственного управления, важное место занимают указы Президента РФ. Среди них

следует особо отметить указы Президента РФ, связанные с определением и установлением системы и структуры федеральных органов исполнительной власти. К ним относятся Указы: от 30 сентября 1992 г. «О системе центральных органов федеральной власти» и «О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти» [14]; от 3 октября 1994 г. «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в РФ» [12]; от 10 января 1994 г. «О структуре федеральных органов центральной исполнительной власти» [13]; от 14 августа 1996 г. «О системе федеральных органов исполнительной власти» [11] и «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [10]; от 17 марта 1997 г. «О совершенствовании структуры федеральных органов исполнительной власти» [9]; от 30 апреля 1998 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [8]; от 22 сентября 1998 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [7]; от 25 мая 1999 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [6]; от 17 августа 1999 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [5]; от 17 мая 2000 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [4]; Указ Президента РФ от 16 октября 2001 г. «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» [3].

Вышеназванные нормативные акты на настоящее время утратили силу в связи с изданием Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [2].

Появление данных нормативных правовых документов связано с необходимостью совершенствования системы и структуры федеральных органов исполнительной власти в условиях отсутствия стабильной и эффективно действующей системы федерального законодательства, приведения их в соответствие с требованиями преобразований на различных этапах реформирования системы государственного управления в РФ. В настоящее время, как представляется, назрела насущная необходимость перехода от нормативно-правового регулирования данного вопроса к законодательному.

На основе вышеизложенного анализа российского законодательства можно сделать вывод, что до недавнего времени правовое регулирование организации

единой системы исполнительной власти в РФ носило во многом несистемный. Фрагментарный, а иногда и эпизодический характер. В связи с этим на сегодняшний день перед органами государственной власти в РФ стоят серьезные задачи скорейшей ликвидации законодательных пробелов, а также создание правовой базы для организации и функционирования единой системы исполнительной власти в России.

Поэтому не случайно авторы «Концепции административной реформы в РФ в 2006 – 2010 годах», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 одной из приоритетных задач на 2006 г. в рамках проведения административной реформы считают разработку нормативно-правовой и методической базы для ее проведения, в частности, создание организационных, нормативных правовых и методических основ разработки, принятия и применения процедур управления по результатам, стандартов государственных услуг и административных регламентов, механизма досудебного обжалования гражданами и организациями действий и

решений органов исполнительной власти и должностных лиц [15].

Кроме того, одной из задач административной реформы на период до 2008 г. является разработка и принятие соответствующих нормативно-правовых актов, ликвидирующих функции органов исполнительной власти, признанные избыточными Правительственной комиссией по проведению административной реформы.

При этом подчеркивается, что в первоочередном порядке следует законодательно закрепить упразднение функций, не имеющих под собой достаточных правовых оснований и препятствующих реализации гражданами своих конституционных прав либо возлагающих дополнительные обязанности на предпринимателей. Это позволит сократить неэффективное вмешательство государства в экономику и общественную жизнь, уменьшить издержки бизнеса на преодоление административных барьеров, обеспечить реализацию гражданами конституционных прав, а также сосредоточить работу государственных органов на решении необходимых обществу и государству задач.

1. Окуньков Л.А. Президент РФ. Конституция и политическая практика / Л.А. Окуньков. – М., 1996. – С. 11-22.
2. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. (ред. от 20.05.2004 г., с изм. от 15.03.2005 г.) № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 2004. – № 11. – Ст. 945.
3. Указ Президента РФ от 16 октября 2001 г. № 1230 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 2001. – № 43. – Ст. 4071.
4. Указ Президента РФ от 17 мая 2000 г. № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 2000. – № 21. – Ст. 2168; 2001. – № 43. – Ст. 4071.
5. Указ Президента РФ от 17 августа 1999 г. № 1062 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 1999. – № 34. – Ст. 4223.
6. Указ Президента РФ от 25 мая 1999 г. № 651 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 1999. – № 22. – Ст. 2727.
7. Указ Президента РФ от 22 сентября 1998 г. № 1142 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 1998. – № 39. – Ст. 4886.
8. Указ Президента РФ от 30 апреля 1998 г. № 483 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 1998. – № 18. – Ст. 2020.
9. Указ Президента РФ от 17 марта 1997 г. № 249 «О совершенствовании структуры федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 1997. – № 12. – Ст. 1419.
10. Указ Президента РФ от 14 августа 1996 г. № 1177 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 1996. – № 34. – Ст. 4082.
11. Указ Президента РФ от 14 августа 1996 г. № 1176 «О системе федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 1996. – № 34. – Ст. 4081.
12. Указ Президента РФ от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в РФ» // СЗ РФ. – 1994. – № 24. – Ст. 2598.
13. Указ Президента РФ от 10 января 1994 г. № 66 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – № 3. – Ст. 190.
14. Указ Президента РФ от 30 сентября 1992 г. № 1148 «О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 14. – Ст. 1091.
15. Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-Р «О концепции административной реформы в РФ в 2006-2010 годах» // СЗ РФ. – 2005. – № 46. – Ст. 4720.
16. Постановление Правительства РФ от 26 июля 2002 г. № 566 (ред. от 17 декабря 2004 г.) «О территориальных органах Государственного таможенного комитета РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков» // СЗ РФ. – 2002. – № 31. – Ст. 3115.
17. Постановление Правительства РФ от 3 февраля 1994 г. (ред. от 05.04.1999 г.) № 74 «О территориальных органах по валютному и экспортному контролю» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – № 7. – Ст. 563.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ДОМОХОЗЯЙСТВ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 364.144

Н.З. ТОРГАЙ

Современное российское общество вновь столкнулось с трудностями развития, обусловленными дестабилизацией мирового экономического пространства. Обострились противоречия интересов субъектов экономики, результаты приобрели случайный или трудно прогнозируемый характер, повысилась степень риска. Вследствие этого усилилась дифференциация населения, усилилась нагрузка на социальный сектор, увеличилась заинтересованность в социальной помощи, поддержке со стороны государства и т.п. Такое положение чаще является характерными для транзитивного типа экономики, в сути которого заложена дестабилизация социально-экономического положения, столкновение новых процессов с влиянием предшествующей системы, в результате развитие замедляется и требуется усиление внимания к каждому аспекту деятельности субъектов. Транзитивный период развития предполагает комплексное изменение всей совокупности принципов жизнеобеспечения страны, изменяются подходы и правила осуществления деятельности. Изменение системы развития общества включает появление новых экономических возможностей, предполагают активизацию деятельности субъектов, разнообразие способов применения потенциала и способностей, увеличение самостоятельности в обеспечении, улучшение устойчивости субъектов.

При этом в ходе трансформации наряду с формированием почвы для развития экономического потенциала, практически всегда наблюдается дезорганизация социальной обеспеченности.

Разрушение прежней системы социальных гарантий и низкие темпы формирования новой, сокращает защитные механизмы, к тому же вновь создаваемая

система сориентирована на отказ от всеобщей помощи и переход на предоставление возможностей для самоадаптации с наличием минимальной государственной поддержки. Реформирование экономики, в конечном итоге, невозможно без реконструкции социальных процессов, определения роли государства в их регулировании. Но любые преобразования и реформы зачастую не приносят лишь улучшение ситуации, а даже наоборот первые шаги всегда сопряжены с ухудшением положения населения, нестабильностью законодательной и исполнительной базы. В этом ключе, переход к рынку в сознании людей часто связан с расширением масштабов негативных процессов, таких как безработица, бедность, социальная незащищенность, и т.п. Опасения большинства населения относительно возможного ухудшения материального положения при переходе к новым экономическим устоям служит основой для распространения тревожных настроений и напряженности в обществе. Тревожные настроения складываются на базе низкой доходности граждан, а также из-за неудовлетворенности потребностей.

В итоге процесс адаптации субъектов проходит по-разному. Результативность адаптации в период трансформации во многом зависит от уровня, достигнутого в предыдущий период, от заложенного потенциала и от качества субъектов. Все это в совокупности дает возможность полноценно и качественно интегрироваться в новую экономическую систему, использовать свои возможности для улучшения экономических показателей. Экономическая адаптация субъектов имеет большое значение для устойчивости субъектов, она напрямую влияет на формирование уровня благосостояния, на качество социальной адаптации.

Спецификой современного развития общества является то, что больше возможностей улучшения экономической активности получают не индивидуумы, а их совокупности – домохозяйства. Они могут формироваться как на основе родственных, так и не родственных связей, концентрируют потенциальные возможности, в результате могут более качественно оптимизировать потребительские запросы и рационализировать поведение на рынке. Домашние хозяйства, люди и их коллективы представляют собой простые системы, которые объединяются в более сложные и это означает, что система более высокого ранга должна обеспечивать повышение уровня безопасности функционирования входящих в нее подсистем.

Социальный уровень адаптации целиком и полностью зависит в транзитивный период от самих субъектов (домохозяйств), в связи с тем, что государство должно отказываться от прежних систем всеобщего обеспечения и переходить на поддержание допустимого уровня устойчивости (чаще рассчитанного на минимальные показатели выживаемости).

Такая сложная система, как государство, не может обеспечить сохранение уровня своей безопасности, если не гарантирует безопасность граждан и домашних хозяйств, т.е. своих элементов, ради которых государство (как аппарат управления) и функционирует.

Возможности и степень социальной адаптации важны для развития общества, так как именно социальное положение отражает уровень устойчивости системы, защищенность от резких экономических колебаний, возникающих в ходе преобразований. Проявляется нарушение устойчивости в дифференциации доходов, в углублении расслоения общества, сокращении возможностей адаптации.

Одной из особенностей современной социальной адаптации домохозяйств является психологический уровень готовности. Как показывают социологические опросы, многие, до сих пор, не готовы отказаться полностью от государственной поддержки (около 40-45 %), даже при условии положительных тенденций экономичес-

кого развития. Психологическое восприятие происходящих процессов зависит от уровня доверия к перспективам будущего положения, а также сильно влияет на установление позиций накопленный опыт в предыдущих периодах трансформации.

Для многих индивидуумов характерной реакцией на трудности социально-экономического характера становится бегство от обстоятельств или приспособление к возникшей обстановке. Культурные стереотипы россиян не способствуют поступательному развитию, а скорее тормозят [3, с. 562-566]. При этом уникальность поведения россиян определяется особенной ментальностью, сложившейся исторически, которая проявилась в умении аккумулировать единство ценностей, норм, установок, отражающихся в поведении. Исходя из этого, домохозяйства либо принимают новые социальные нормы и экономические ценности, либо отвергают их.

Кроме этого для российского общества отягощающим фактором развития явился экономический кризис, который отразился на всех процессах. Начатые преобразования столкнулись с сопротивлением, и произошло искажение результатов. В ходе масштабных преобразований, проводимых в социально-экономической сфере и обновления условий деятельности, возникла необходимость усиления мер по защите интересов основных субъектов, в том числе и домохозяйств. Появилась необходимость усилить меры по обеспечению экономической безопасности.

Экономическая безопасность домохозяйств включает в систему заботу о стабилизации не только экономического положения, но и социального, в силу уникальности характера самого субъекта. Особенность экономической безопасности домашних хозяйств отражает и состояние экономики страны, ее способность обеспечивать необходимые объемы благ, в том числе и социальных. Зачастую даже рассматривается явление социальной безопасности, отражающего уровень условий труда, социальной защиты, физической и имущественной безопасности члена общества и т.п. [2, с. 398-409].

Социальный уровень экономической безопасности формирует состояние общества посредством реализации основополагающих принципов социальной справедливости, обеспечения гражданам страны определенного набора социальных благ для формирования высоких жизненных стандартов. Все эти меры и планы в совокупности создают фундамент общественной стабильности, позволяющий наладить систему поэтапного реформирования экономики, внедрения новых проектов, без серьезных потрясений или с появлением возможности обеспечить сформировать защитные механизмы. Тем более что природа домашних хозяйств такова, что они, являясь представителями экономической и социальной сферы одновременно, могут самостоятельно обеспечить стабильность развития, за счет концентрации возможностей и усилий. Социально-экономическая стабилизация на основе экономической безопасности обеспечивается путем предотвращения возникновения ситуации нестабильности, недопущение деградации социальной структуры, обеспечения устойчивой экономической и социальной структуры.

Сложностью современного периода трансформации российской экономики явилось столкновение новых формальных правил со старыми неформальными правилами, и новых неформальных правил со старыми формальными [4, с. 14-20]. В силу сложившихся отношений и традиций произошло укрепление личных связей, персонификация отношений, обострилось значение родственных и близких неродственных связей, что в первую очередь характерно именно для таких объединений как домохозяйства. Новые правила жизнедеятельности потребовали мобилизации совместных усилий, потенциальных возможностей, формирования социальной и экономической поддержки внутри сообщества.

В результате, домашние хозяйства разделились на две группы: адаптантов и неадаптантов*. К категории адаптантов (около 20 % населения) относят домохозяйства, которые используют активные методы приспособления к новым условиям

(предпринимательство, увеличение работоспособности, способность к переезду). К неадаптантам (20-50 % населения) [5, с. 268-282] относят домохозяйства, которые не желают или не могут в силу объективных или субъективных условий интегрироваться в современную структуру экономики, в результате чего очень сильно подвержены социальным угрозам. Они больше ценят сохранение гарантий, обеспеченных государством, стабильность заработной платы, бесплатное образование, медицинское обслуживание.

Одной из проблем адаптации является практика формирования новых жизненных позиций, изменение сознания, она оказывает влияние на реализацию интересов и уровень экономической активности. Расширение экономических свобод создаст благоприятную обстановку для изменения принципов реализации трудового потенциала, приобретения опыта финансовой активности или создания активных видов запасов средств (вложения в ценные бумаги, металлы, вклады и т.п.). По данным проводимого среди 400 жителей Челябинской области в 2009 году к активным методам экономической адаптации обратились не все: лишь 10% – занялись предпринимательством, 44,32% – создают запасы денежных средств, при этом чаще это жители средних городов.

Другие же не стремятся к излишней экономической активности по причинам субъективного характера: не доверяют современной политике и экономике (около 4%), считают, что недостаточно информации и она не качественная, поэтому нельзя принять правильные решения, слишком велик риск потерь (54,59 % опрошенных). То есть многие считают, что ситуация оказалась настолько сильно, что сложно действовать в ней правильно, так как правил в общем то нет, а природных талантов или достаточного уровня экономической грамотности не достаточно (39,5%).

Человек старается приспособиться к сложившимся условиям и принимает условия нарушения правил как новые правила поведения, в результате возникает стремление к нарушениям. Часто такое положение дел приводит к криминали-

* Термин «адаптант» введен автором статьи.

зации общества, поиск незаконных форм адаптации. Выживание во внеправовом социальном пространстве обеспечивается за счет регулярного нарушения норм общественного устройства. Для выживания, многие утаивают истинные доходы. Так, например, по данным указанного ранее социологического опроса, среди 10% занимающихся предпринимательством, около 3% предпочитают это делать неофициально или полуофициально, около 40% считают нормальным некоторое присутствие неправильности в экономической деятельности.

Экономическая дезорганизация осложняет положение изменением системы организованной социальной помощи. При прежней системе социальной организации общества предполагалось применение принципа всеобщности, массовости, государство, за счет аккумуляции финансовых возможностей, принимало на себя социальные тяготы, в связи с ограничением экономической свободы реализации потенциала.

Домохозяйства сформировали привычку решать все возникающие проблемы социально-экономического характера за счет государственной поддержки. Гарантированное социальное обеспечение в некотором роде ослабило саморегулирование и самозащиту домохозяйств.

В новых условиях центр равновесия экономических и социальных приоритетов смещается. Для многих важным становится сохранить работу с заработной платой, пусть даже не высокой, при этом такое желание возникает не только у людей старшего возраста.

Типичным становится поиск опеки: «В массовом сознании сохраняется надежда на опеку, ожидание помощи и покровительства со стороны государства. Ради этой опеки люди готовы отказаться от «головой» свободы, обменяв ее на состояние «сытого» подчинения» [3, с. 566]. Сейчас такое явление стало проявляться и среди молодежи. Однако упускается из виду, что трансформация общества предполагает отказ от всеобщего благоденствия.

Другие самостоятельно приспосабливаются к сложившейся ситуации,

отстаивают свои позиции, предполагая, что усиливая экономическую активность можно избежать экономического дисбаланса, а соответственно и социального. В какой-то мере такому решению благоволил государственная политика социальной адаптации. Государство больше не может абсолютно полностью гарантировать ни доход, формирующий достойный уровень жизни, ни доход на уровне прожиточного минимума. Исчезла гарантия всеобщей занятости, что обострило безработицу. Соответственно самостоятельный поиск экономической активности предполагает усиление социальной защищенности, за счет рационального перераспределения средств домохозяйств.

Причиной такого разделения домохозяйств, прежде всего, является уровень экономической, социальной, информационной подготовленностью поведения, которая складывается исходя из потенциала. Важен для адаптации состав домохозяйств по возрастным группам, с одной стороны, чем меньше участников пенсионного возраста, тем меньше социальная нагрузка, с другой – зачастую стабильные пенсионные поступления и социальные гарантии обеспечивают возможности временной стабилизации. Более молодые по составу домохозяйства имеют в первую очередь увеличение возможностей экономической адаптации.

Другим важным аспектом адаптации является образование. По данным опроса члены домохозяйства в возрасте до 45 лет активно участвуют в процессе освоения новых знаний (около 39% опрошенных получают высшее, второе высшее, обучаются на курсах). Зачастую, в условиях транзитивной экономики, экономическая безграмотность не дает возможность быстро адаптироваться на рынке. Низкая экономическая активность, нереализованные трудовые потребности приводят к нехватке средств, сокращению возможностей удовлетворения потребностей, а отсюда к нагнетанию социальной нестабильности, увеличению объема бедного населения и усилению разрыва между наиболее доходными и низко доходными группами. Необходимо констатировать тот

факт, что последствия этого уровня «внимания» к социальной сфере и экономической грамотности предыдущего периода трансформации дают о себе знать и на современном этапе. По сути, образование и возможности получения доходов, два взаимосвязанных и основных компонента социальной и экономической адаптации в условиях транзитивной экономики.

Качество жизни характеризуется именно экономическим положением, достаточным имущественным обеспечением, складывающимся за счет высокого уровня доходов и возможностей удовлетворения потребностей, детерминированных обществом стандартов потребления. Для экономической поддержки сегодня предпринимается немало усилий, направленных на развитие творческих способностей и аккумуляцию усилий домохозяйств с целью максимального извлечения доходов, развития самостоятельности в принятии решений. Государство стремится создать систему самообеспечения субъектов, например, развивая программы создания малых предприятий гражданами зарегистрированными безработными, в результате которой должны сформироваться новые рабочие места, развиваться творческие способности, определиться новые подходы к формированию уровня благосостояния. Благодаря этой и другим подобным программам появляется возможность сократить объемы социально зависимых граждан (пособие по безработице), экономически неактивных.

Формирование социальной поддержки в условиях транзитивной экономики проходит сложнее, сопровождается

психологической подготовкой и необходимо избежать ряда ошибок. Прежде всего, нельзя рассматривать социальный уровень жизни домохозяйств в отрыве от политических и экономических результатов преобразований, они не являются предметом противопоставления, а взаимосвязанными элементами процесса реформирования общественного устройства, направленного на обеспечение устойчивости развития.

Нельзя рассматривать в качестве предмета внимания утрированно только одну группу субъектов: только бедные, только богатые, только работающие или не работающие и т.п. Развитие общества должно носить целостный характер, устойчивость системы зависит от стабильности каждого субъекта, от результативности их взаимодействий.

В случае рассмотрения одной категории с большим вниманием, чем другие складывается эффект «одеяла» – согревая одних, обязательно заморозишь других, в результате возникают социальная напряженность и конфликтность, всегда остается осадок несправедливо малого внимания к некоторым категориям.

Сложность адаптации домашних хозяйств в условиях транзитивной экономики заключается в том, что и в социальном, и в экономическом плане одностороннее рассмотрение субъектов и решение проблем отдельных групп не приводит к качественному результату. Наилучшим выходом служит рассмотрение общенациональных препятствий развитию и консолидированное решение первоисточника проблем, а не их последствий.

1. Бородкин Ф.М. Социальные индикаторы / Ф.М. Бородкин, С.А. Айвазян. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.

2. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития / Р.М. Нуреев. – М.: Норма, 2009.

3. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики / Р.М. Нуреев. – М.: Норма, 2008.

4. Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономические аспекты) / под ред. Р. Нуреева. – М., 2000.

5. Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество / М.А. Шабанова. – М., 2000.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИМПЕРСКОГО МИФА

УДК 659.4

Н.С. ШКУРКО

При всех значительных трансформациях политической жизни общества на протяжении XX века едва ли не «самой важной и вместе с тем самой тревожной особенностью явилось возникновение новой силы – силы мифологического мышления» [3, с. 153]. «В кризисные периоды истории, – полагает С. Московичи, – вытесненная как рудимент примитивного общества наукой и техникой, иррациональность сосредотачивается на власти и становится ее стержнем... Политика – это рациональная форма использования иррациональной сущности масс» [6, с. 65-66], готовых осознавать свои интересы только в ярких образах и мистических откровениях. Политическая мифология моделирует политическое пространство и время, превращая их в «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего, и воспринимаемое социальными группами как верное в основных чертах» [13, с. 43].

Рост эсхатологических умонастроений в сознании населения, непрозрачность осуществления политических и экономических акций, усложнение политических процессов и институтов, информационные войны, связанные с новым геополитическим переделом мира, обусловили трактовку политических мифов как символически насыщенных социокультурных феноменов, детерминирующих индивидуальное и коллективное сознание и поведение, включая политическую практику. Поскольку за любым политическим мифом скрыты конкретные интересы лиц или групп, мифы, используемые в качестве инструмента политической борьбы, способны задавать ритм, масштабы и эмоциональную напряженность обстановки, «спрессовывая» социальное время, или, наоборот, периодически возвращаясь к «истокам».

А.М. Цуладзе определил политический миф как «миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимации власти, осуществления политического господства» [12, с.56-57]. У Кр. Флада политический миф – «это миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимации власти, осуществления политического господства. З.Я. Руденко характеризует политический миф как способ объяснения политической действительности, апеллирующий к разуму и к эмоциям потребителя данного мифа [11, с. 17]. В рамках данной статьи политический миф трактуется как особый идеологический конструкт, сохраняющий в коллективной памяти народа его социальный опыт, императивы духовно-нравственного измерения политических процессов.

Созданные политтехнологами по отработанным технологиям, политические мифы являются мощным механизмом конструирования реальности, определяют мотивацию, поведение и динамику политического процесса. Но если с ними параллельно срабатывают еще и укорененные в массовом сознании стереотипы, – то возникает общий, объединяющий, «резонирующий» миф, отвечающий историческим представлениям и современным потребностям населения мегаполисов, российской провинции и национальных территорий и являющийся питательной почвой для амбициозных замыслов и планов различных политических сил. Таким «вечным» мифом, апеллирующим к трансцендентным ценностям и воплощающим «душу» народа, выступает миф о «великой России», у истоков которого стояла вдохновенная проповедь Илариона Киевского о достойном месте в истории человечества российского государства и его лидеров, «ибо не в худой и неведомой земле владывались, но в Русской, что ведома и

слышна всеми четырьмя концами земли» [5, с. 82].

Социокультурный феномен отечественного имперского мифа, его поразительная «живучесть» объясняются: 1) историко-культурными особенностями развития страны; 2) способностью базироваться на национальных архетипах и культурных стереотипах; 3) высоким адаптационным потенциалом этой формы мифа к российским реалиям; 4) позитивным, мобиливающим характером; 5) способностью отечественной политической элиты к сохранению и трансформации нового варианта «вечного мифа за счет дооформления или коррекции существующего.

Так трагическая эпоха ордынского ига и удельных войн, необходимость идеологического обоснования борьбы московского княжеского дома с законными наследниками «великого стола», внесла в традиционный миф актуальные положения о предназначении рода Даниловичей «сбирать земли вокруг Москвы, дабы свеча дела не погасла». Видный религиозный мыслитель XV столетия Иосиф Волоцкий адаптировал христианские догматы к исторической задаче создания концепции абсолютной монархии. Смелые заявления о возможности духовного выбора («Не все, что сотворил Христос, подобает творить и нам...») подводили к логическому выводу, что государь может сам выбирать форму поведения, целесообразную для каждого конкретного случая [7, с. 65] и ему должны подчиняться все христиане. Сделанные иереем выводы настолько отвечали задачам самодержавия, что спустя сто лет Иван Грозный аргументировал ими свое право на власть.

После гибели в 1453 году Византийской империи, Московская Русь – единственное сохранившее независимость православное государство – заняло лидерские позиции «последней крепости истиной веры». Созданный старцем Филофеем из Спасово-Елизаровского Великопустынского монастыря новый политический миф «Москва – третий Рим», воплощал в доступном широкому массам образе идеал «избранного» народа и государства – законного преемника византийских и римских владык.

«Церковь старого Рима пала, второго же Рима – константинопольскую церковь иссекли секирами. Сия же ныне третьего нового Рима ...во всей поднебесной паче солнца светится... Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть» [10, с.30].

Доработанный в среде старомосковской символической элиты этот вариант имперского мифа способствовал решению внутренних национально-политических задач Московского государства XV-XVI вв., включая:

1) социокультурную интеграцию огромного полиэтничного пространства не столько военно-силовыми действиями, сколько культурной ассимиляцией;

2) возникновение традиционной российской дихотомии «центр – периферия» при преобладании государственной собственности;

3) формирование пространства власти, в котором управленческие решения принимались в борьбе между лидером и элитой.

Специфическая черта отечественного имперского мифа – апелляция к трансцендентным ценностям для обоснования существующего земного мироустройства. Миф о Третьем Риме – миф с ярко выраженными мессианским и оборонным компонентами – стал идейной опорой страны в обосновании своей исторической функции. Империя развивалась как инструмент ограждения православного пространства, поддержание определенной дисциплины внутри которого обеспечивалось за счет идеологических инструментов (православие, самодержавие и народность, стянутые в один узел).

В экстремальной повседневности осаждаемого врагами государства неприятие отступничества от защищаемых профессиональных ценностей и любовь к ближнему (готовность «постоять за други своя») как нравственно-религиозные принципы реинтерпретировались народным сознанием в принципы государственных, стандарты политической культуры. Данную особенность отмечает А.С. Панарин: «Россия потому и получила в народном сознании звание Святой Руси, что ее государство осуществляло – на грешной

земле и грешными земными средствами – идеал социальной справедливости и православно-предпочитаемости праведных в ущерб притязаниям сильных и наглых, злоупотребляющих своими возможностями как в отношениях с нижестоящими, так и в отношении обязательных государственных повинностей» [9, с.323-324].

Реформы Петровской эпохи стали не только временем усиленной вестернизации, беспримерного рывка в культурное пространство Европы, но и апофеозом политической мифологии, подавляющей другие негосударственные формы общественного сознания. Для наиболее прогрессивной и прогосударственно настроенной части образованного российского общества, политический миф о победном характере существования государства трансформировался в идею служения отечеству, подпитываемую традициями борьбы за независимость XIII – XVII вв. (подвиг ополченцев К.Минина и Д.Пожарского, освободивших страну от польских интервентов: «чтобы вперед Московское государство строилось и было все в покое и тишине, и нам бы, начальным и всяким людям, быти ...всем в совете и любви») [1, с.253].

Источником нового поколения политических мифов петровской эпохи стал манифест «Правда воли монаршей». Его автор Ф. Прокопович путем логических манипуляций и софизмов оправдывает европейскую абсолютную монархию и создает привлекательный имидж разумного, видящего за далекие горизонты владетеля империи – отца народа, спасителя Отечества (22 октября 1721 года Сенат преподнес Петру титулы Императора, Отца Отечества и Великого).

Даже в эпоху капитализации страны при отсутствии зрелого гражданского общества в пространстве власти оппозиции не удалось выиграть у монархии ни одной серьезной схватки – самодержавие оставалось смыслом российской политической истории и способствовало окончательному оформлению имперского мифа, основными компонентами которого выступают:

1. Имперская идеология. Средство легитимизации российской политической

власти на всех этапах ее существования; выполняет функцию культурной интеграции огромного полиэтничного пространства в единое целое.

2. Имперская идея. Реализация идеальной трансцендентной модели общества основана на противопоставлении материального и духовного, а также таких мифологемах, как: избранность российского народа, его особая историческая миссия спасения человечества, осуществляемая благодаря соборности, нестяжательству, духовности.

3. Имперское сознание: целостный, объемный комплекс разнородных идей, концепций, чувствований, представлений о месте своей страны в мире и в истории. Включает принципы *influence legitime* (законного права осуществлять предупредительные акции во имя обеспечения безопасности страны на дальних ее подступах – от Финляндии, завоеванной Петром Великим, чтобы обезопасить Петербург от шведов, – до создания системы Варшавского договора), добровольность вхождения народов в состав империи (на века); образ «извечного врага», объединяющий население.

4. Наличие специфического пространства власти, в котором значимые управленческие решения принимаются в борьбе между главой государства и элитой, а не между государственной властью и гражданским обществом.

5. Подданническая политическая культура.

Противостояние западников и славянофилов обеспечило трансформацию имперского мифа в его наиболее интеллектуальную форму – «русскую идею», утверждающую кардинальное отличие российской цивилизации, что в свою очередь стимулировало мессианство, универсализм и эсхатологизм (С.В. Алексеев, Х.Х. Боков, А.В. Гулыга, О.М. Здравомыслова) как ее существенные определенности. Внедряя идею мессианского пути в общественное сознание современников, последовательно отработав в творческом поле своих философских романов возможные последствия модернизаций по восточной и западной технологии, Ф.М. До-

стоевский утвердил «русскую идею» как идею об исключительной миссии русской нации: «Сказать миру слово, совершить деяния, которые приведут к мировому человеческому всеединству, снимающему противостояние Востока и Запада с помощью христианства как религии всемирного единства «во Христе»» [7, с.90]. Евразийцы Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилев, исключив славянскую составляющую мифа, интерпретировали русскую идею в концепцию построения полиэтнической общности и религиозного единства всех народов Евразии, вне зависимости от родственности-неродственности их происхождения.

Современные исследователи, полагая «русскую идею» стержневым элементом российской цивилизации, утверждают, что суть ее – в национальной и религиозной терпимости россиянина, готовности прийти на помощь слабому, защитить униженного, обеспечить не только свою безопасность, но и безопасность каждого народа, который разделит с Россией свою судьбу. Все эти определения образуют нераздельное органическое единство, внешним выражением которого является отечественная история, проходящая под знаком указанных духовных начал.

В советскую эпоху на основе мифа о православной (правильной, единственно верной для спасения души) империи спешно конструируется миф о первом в мире социалистическом государстве трудящихся – единственном спасителе пролетариата от угнетения эксплуататорами. Большевицкий «Третий Рим» обрел собственные пантеон, некрополь, написал собственную версию исторического процесса, которая началась с момента революции, так как вся предшествующая отечественная история была историей порабощения трудящихся.

Победа во Второй Мировой войне резко усилила геополитические позиции социалистической державы, которая стала восприниматься мировой общественностью как один из центров двуполярного мира, «Мекка коммунизма». Советский Союз вступил в изнурительную гонку с Америкой за лидерство, начиная с ядер-

ных ракет и кончая олимпийскими медалями; «вся история Азии, Африки и Южной Америки сложилась бы совершенно иначе, не будь грозного СССР, несущего на мировую арену ту же функцию, что и внутри страны – «унимать сильных, давать шансы слабым», «дотировавшего из своего не слишком богатого бюджета программы индустриализации опекаемых стран, строившего заводы, растившего национальные кадры и элиты» [9, с.341-342].

Политическая жизнь новой России демонстрирует богатый набор современных экспликаций «вечного мифа». Имперская преемственность проявляется:

1. В целенаправленной правительственной политике с 2000 г. по восстановлению «былого величия страны», имперских символов и традиций, поддерживаемой населением: построена «вертикаль власти», укрепляется армия и силовые структуры; ограничены последствия «парада суверенитетов», в регионах строятся православные храмы и мечети, открываются кадетские корпуса и духовные училища; взяты под защиту кавказские республики и др.

2. В сохраняющемся в массовом сознании смешении образов монарха и президента; «политическая система России традиционно тяготела к харизматическому лидеру, олицетворявшему единство нации» [4, с.112]. Причина – рядовые россияне крайне позитивно относятся к государству как носителю всеобщего блага и негативно относятся к власти. Как живое олицетворение хорошего государства, «хозяин» страны вместе с обществом противостоит «плохим» правительству и парламенту, легко дистанцируется от непопулярных у населения действий государственных и бизнесструктур, устраивает очередное «Пикалево» для показательного наказания активно «засветившегося» в глазах общественности чиновника или олигарха, проводит демонстративную перестановку кадров.

Население российских регионов ожидает от президента проявления качеств правителя, успешно демонстрировавшихся ранее В.В. Путиным: харизмы, «сильной руки», сохранения территориальной це-

лостности, успехов в борьбе с коррупцией и выходом из кризиса.

3. В низкой легитимности политических институтов, при устойчивой (несмотря на кризис) популярности президента Д.А. Медведева и премьера В.В. Путина. Так, по данным всероссийского опроса «Левада-Центра» 18-22 июня 2010 года деятельность Дмитрия Медведева на посту президента РФ одобрили 74% россиян. Работой Владимира Путина довольны 78% опрошенных, хотя каждый третий полагает, что возглавляемый им кабинет министров в ближайшее время не сможет добиться улучшения положения в стране.

Премьер и президент РФ возглавляют со значительным отрывом рейтинг политиков, пользующихся доверием россиян: В. Путин (44) и Д. Медведев (38), далее глава МЧС С. Шойгу (15), лидер ЛДПР В. Жириновский (11) и др.

Таким образом, политический миф сохраняет в коллективной памяти народа его социальный опыт, императивы духовно-нравственного измерения политических процессов, преобразуя эмоциональный компонент коллективного сознания в систему прямых действий, направленных

на легитимацию или коррекцию существующего политического пространства [2, с.110].

Наложение политической мифологии на национальный архетип создает «резонирующий» миф о «великой России», отвечающий историческим представлениям и современным потребностям россиян, обладающий высоким жизненным, мобилизующим и защитным потенциалом.

Социокультурными истоками отечественного имперского мифа выступают: 1) особенности исторического развития государства в оборонительной борьбе с опасными соседями; 2) религиозно-культурная доминанта, развитие представлений об особой роли России в спасении мира (после второй чеченской войны все телевидение придерживается проправительственной позиции, закрепляя новые варианты мифа в массовом сознании); 3) обращенность к будущему через связь с прошлым; 4) этатизм, формирование специфического пространства власти, в котором борьба за право принятия решений идет между лидером и элитой; 5) реализация идеи раздела мира на зоны господства и влияния.

1. Анисимов Е.В. Время российских реформ / Е.В. Анисимов. – Л.: Лениздат, 1989. – 496 с.

2. Емельянов Г.В. Информационная безопасность России: Основные понятия и определения. ч.1 / Г.В. Емельянов. – М.: РАГС, 1999. – 244 с.

3. Кассирер Э. Техника политических мифов / Э. Кассирер // Октябрь. – 1993. – № 7. – С.150–156.

4. Малякин И. Российская региональная мифология: три возраста / И. Малякин // Pro et Contra. – 2000. – Т. 5. – С.110-112.

5. Мосейко А.Н. Мифы России. Мифологические доминанты в современной российской ментальности / А.Н. Мосейко. – М.: Ин-т Африки РАН, 2003. – 155 с.

6. Московичи С. Век толп / С. Московичи. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.

7. Национальная идея: история, идеология, миф / ИСП РАН; отв. ред. Г.Ю. Семигин. – М.: Современная экономика и право, 2004. – 600 с.

8. Паламарчук П.Г. Москва или Третий Рим? / П.Г. Паламарчук – М.: Современник, 1991.

9. Панарин А.С. Народ без элиты / А.С. Панарин. – М.: Изд-во Алгоритм, 2006. – 352 с.

10. Париков О.В. Послание старца Филофея и место России среди других государств / О.В. Париков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Политология. – 2003. – № 1. – С.14–19.

11. Руденко З.Ю. Мифологизация российского политического процесса / З.Ю. Руденко // Гуманитарные исследования. – 2007. – №2 (22). – С.16–20.

12. Флад Кр. Политический миф. Теоретическое исследование / Кр. Флад. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.

13. Цуладзе А.М. Политическая мифология / А.М. Цуладзе. – М.: Эксмо, 2003. – 384 с.

14. Хрестоматия по истории древнерусской литературы. – М.: Просвещение, 1973. – 226 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ УРАЛА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

УДК 253-58 364.255 94(47)

С.С. СМИРНОВ, А.В. ВЛАСОВА

Недавно Урал пережил судьбоносное событие – Первосвятительский визит Святейшего Патриарха Кирилла в Челябинскую и Екатеринбургскую епархии. Основной целью поездки явилось подписание Соглашения о социальном партнерстве между Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и Полномочным представителем Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе. Церемония подписания документа состоялась 19 апреля 2010 года в резиденции губернатора Челябинской области. В своем слове Святейший Патриарх Кирилл, в частности, отметил, что соглашение о сотрудничестве Русской Православной Церкви с Уральским федеральным округом подписывается в тот самый день, когда вступает в силу закон о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. «Принятие этого закона является свидетельством признания той большой работы, которую Русская Православная Церковь и другие традиционные религии России осуществляют в социальной области. Это означает, что с сегодняшнего дня можно совершенно по-новому строить отношения со светской властью, государством – как на федеральном, так и на региональном уровнях – в плане взаимодействия в сфере столь востребованной нашим обществом социальной работы». [6]

Отвечая на вопросы, касающиеся различных аспектов современной жизни, Патриарх отметил осознанную Церковью и государством «необходимость возрождения социальной функции прихода; религиозные организации могут и должны

осуществлять социально ориентированную деятельность».

Кроме того, он подчеркнул, что в настоящее время столица Южного Урала находится «на последнем месте во всей России по отношению количества населения к количеству храмов» [5].

В начале XX века религия была идеологическим стержнем жизни, нравственным ориентиром каждого россиянина, не взирая на социальный, образовательный уровень. В годы испытаний, особенно в период Первой мировой войны, рядом с простыми солдатами, идущими на смерть со словами «За Веру, Царя и Отечество», находились священнослужители. Они учили солдат верности воинскому долгу, присяге, готовности к самопожертвованию во имя победы над врагом.

В отечественной истории Церковь была не только сферой приложения благотворительного капитала, но и выступала в качестве организатора благотворительной деятельности. Благотворительность Русской Православной Церкви (РПЦ) на протяжении истории носила многоплановый характер: от помощи материальными средствами нищим до помощи деньгами и церковными ценностями государству для ведения войн. Причем «драгоценные украшения святынь своих» на военные нужды Церковь жертвовала различным властям: и российским самодержцам, и Временному правительству, и Советской власти [2, с. 90].

Например, в «Церковных Ведомостях» 7 февраля 1904 года в связи с началом войны с Японией было опубликовано «Всепогоднейшее письмо Высокопреосвященного Антония, митрополита Санкт-Петербургского от 28 января 1904 года с выражением молитвенных благожеланий

Государю Императору по случаю открытия военных действий на Дальнем Востоке». Митрополит, в частности, говорил в нем: «Дерзай, Государь, ...располагай нами и имуществом нашим. Нужно будет – церкви и монастыри внесут драгоценные украшения святых своих на алтарь Отечества...» [8, с. 5].

Выделяя существовавшие в этот период формы благотворительной деятельности Православной Церкви, следует отметить и помощь, которая оказывалась инвалидам и участникам войны (их называли «военноувечными»), их семьям, престарелым, тяжелобольным, людям с психическими расстройствами. В то время во все резервные воинские формирования, дислоцировавшиеся на территории Оренбургской епархии, было назначено более двадцати полковых и госпитальных священников. Одновременно епархия внушала прихожанам, что их нравственный долг – оказывать всем семьям нижних чинов, участвующим в войне, посильную помощь и поддержку их хозяйств при отсутствии единственного работника и кормильца. Для помощи таким семьям в 1915 году было создано 27 попечительских обществ [4, с. 115-119].

В среде русской аристократии благотворительность, милосердие, филантропия были не показным, искусственным актом, а воспитывались, культивировались, поощрялись. Воспитанницы институтов и пансионов благородных девиц, дети лучших фамилий обязаны были посещать больницы и госпитали, а часто не просто посещали их, но становились деятельными сестрами милосердия, как это сделали в годы Первой мировой войны 1914-1916 гг. дочери последнего российского императора Николая II.

Положительную оценку Церковь давала и деяниям прихожан, жертвующим свои средства на благие начинания. В августе 1914 года был создан Епархиальный Комитет Красного Креста для помощи семьям воинов, а также больным и раненым, особенно там, где не было светских учреждений. Оказывая помощь беженцам, на конец 1915 года по приходам было

собрано более 10 тыс. рублей. В октябре того же года в г. Оренбурге во время богослужений было принято от населения 10 фунтов золота и 5 пудов серебра [4].

В годы Первой мировой войны для оказания помощи семьям погибших учителей церковно-приходских школ в столице было учреждено Всероссийское Филаретовское общество народного образования, под патронажем императрицы Александры Федоровны, для выдачи пособий и беспроцентных ссуд семьям пострадавших.

В соответствии с письмом оберпрокурора Синода на имя Преосвященного Мефодия, епископа Оренбургского и Тугайского от 29 ноября 1914 года за № 12250 «О выдаче пособий и беспроцентных ссуд семьям погибших на войне учителей училищ всех ведомств», Филаретовское общество оказывало помощь семьям учителей и законоучителей церковноприходских школ, погибших или умерших от ран, ставших инвалидами (если это препятствовало их дальнейшей педагогической деятельности). В состав родственников, имевших право на оказание помощи входили: жена, дети, родители мужа, братья и сестры, при условии, что они имели статус иждивенцев.

Особое значение в военный период имели внебогослужебные собеседования священников с прихожанами. Например, в 1914 году в Троицком уезде было проведено 60 чтений, которые посетило 5300 слушателей.

Огромное внимание епархиальные преосвященные обращали на то, как заповеди Божии реализуются в повседневной жизни прихожан. Например, в отчете священника Гавриила Троицкого указывается, что за период с сентября 1915 года по апрель 1916 года было проведено 43 чтения, которые посетило 6172 человека. Слушателям было предложено 160 тем, из которых 70 – богословского и церковно-исторического характера, 8 – по русской истории, 42 – о войне, 9 – по вопросам борьбы с алкоголизмом и 31 – на бытовые темы [8].

Говоря об историческом значении социального служения Русской Право-

славной Церкви в годы стихийных бедствий, обратимся к словам современника. Дореволюционный исследователь истории церковной благотворительности А.Н. Афанасьев на основе собранных фактов сделал вывод, что в эпоху, когда «народ, незнакомый с материальным благосостоянием», вымирал вследствие войн и неурожаев, объем княжеской и церковной благотворительности вполне удовлетворял потребности тех нуждающихся, которые могли приняться за труд после перенесенных бедствий. С развитием материальных ресурсов нищета неизбежно перестает предшествовать физической гибели людей, в обществе «призрение принимает больший объем» [1, с.123–144].

Рассматривая деятельность Церкви в разные периоды российской истории, мы выделяем ее активную проповедь, ее важное влияние на жизнь общества. Как сказал Святейший Патриарх Кирилл: «... Мы все должны следовать примеру жизни святых апостолов, которые были ревностными исполнителями повеления Божия: «Идите во всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари». Значимость слова Русской Православной Церкви особенно важно в периоды кризисов. Отсюда невозможно представить сегодня общество без Церкви, оторвать Церковь от народа

«потому что Церковь – это и есть народ в значительной своей части».

В свете вышесказанного, считаем уместным процитировать фрагмент выступления Патриарха Русской Православной Церкви на встрече с общественностью Уральского федерального округа. «...Иногда меня спрашивают: «А что Вы относите к ценностям Вашего народа?» Я перечисляю многие из ценностей, которые считаю действительно очень значительными для нашего национального самопонимания, и среди них очень важная ценность – это способность пожертвовать. Собственно говоря, именно эта жертвенность, эта способность отдать себя ради другого была главной причиной, почему мы выиграли Великую Отечественную войну. Сегодня этого не требуется делать в большинстве случаев, но мы должны помнить, особенно тогда, когда у нас появляется прибыль или в личной жизни появляется достаток, что рядом с нами есть те, о ком нужно позаботиться, чтобы и они через наш труд и нашу любовь были включены в эту общественную литургию. Вот тогда из общества будут уходить такие явления, как зависть и политическая конфронтация, потому что все будут понимать, что наша совместная жизнь, наше общее служение Богу есть величайшая сила, которая объединяет наш народ [3].

1. Афанасьев А.Н. Историческое развитие вопросов о призрении в России / А.Н. Афанасьев // Отечественные записки. – 1850. – № 10.

2. Власова, А.В. Очерки истории церковной благотворительности: в 2 ч. / А.В. Власова, Л.Ф. Бабкина. – Челябинск: Фотохудожник, 2007. – Ч. I. – 200 с.

3. Встреча Святейшего Патриарха Кирилла с общественностью Уральского федерального округа [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Московского патриархата. – Режим доступа. – <http://www.patriarchia.ru/db/text/1141639.html>. (дата обращения: 20.04.2010).

4. Осипов О.В. Армия и церковь: исторический опыт деятельности Оренбургской епархии в начале XX века / О.В. Осипов // Социум и власть. – 2008. – №1.

5. Патриарх призвал челябинцев менять свою жизнь и строить храмы [Электронный ресурс] – NEWSru.com. – Режим доступа: – <http://www.newsru.com/religy/19apr2010/altelieben.html> (дата обращения: 20.04.2010).

6. Святейший Патриарх Кирилл: Сегодня и Церковь, и государство сознают значимость социально ориентированной деятельности религиозных организаций [Электронный ресурс] – Официальный сайт Московского патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1141639.html> (дата обращения: 20.04.2010).

7. Троицкая газета. – 1916, 22 апреля.

8. Церковные ведомости. – СПб., 1904. – № 6.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ЯДЕРНОГО РЕАКТОРА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПЛУТОНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

УДК 621.039

В.Н. НОВОСЕЛОВ

Получение делящихся материалов для ядерного оружия – плутония и урана представляло собой самую сложную задачу Атомного проекта СССР. В условиях острого дефицита времени руководство Спецкомитета пошло на рискованный шаг. Было решено создавать атомную промышленность на основе технологии, разработанной в лабораториях и институтах Академии наук и доводить ее до оптимального состояния уже в условиях действующих предприятий. Другими словами, ядерное оружие предстояло получить на опытно-экспериментальном промышленном производстве. Исходя из этой стратегии, строительство предприятий по производству плутония и обогащенного урана осуществлялось параллельно научным разработкам его технологии.

Постановление Совнаркома СССР № 3007-892 «О строительстве плутониевого завода № 817» было принято 1 декабря 1945 года [2, с. 358], когда первые строители занялись организацией стройплощадки на севере Челябинской области, в пяти километрах от города Кыштыма. Сначала в структуре 11-го района Челябинметаллургстроя было предусмотрено формальное разделение на участки жилищного и промышленного строительства. В течение полугода после этого никаких проектов для промышленного строительства не поступало и оно, естественно, не велось.

Ситуация начала проясняться, когда 9 апреля 1946 года было принято Постановление СМ СССР № 802-324сс/о «О подготовке и сроках строительства и пуска завода № 817». Правительство приняло разработанные и представленные И.В. Курчатовым предложения о мощности, составе и характеристике завода № 817, рассмотренные и утвержденные Техническим и Инженерно-техническим советами Специального комитета [2, с. 192-197].

Мощность завода составляла 100 граммов плутония в сутки. Объекты завода делились на основные и вспомогательные. К основным объектам относился цех уран-графитового котла («агрегата № 1») с дистанционным управлением механизмами.

Уран-графитовый котел предназначался для получения плутония и представлял собой цилиндрический аппарат диаметром около 9 м с графитовым заполнением и проходящими сквозь него трубками из алюминиевого сплава. В трубках располагались блоки из урана в количестве 100-150 тонн металлического урана.

Уран-графитовый котел предполагали заглубить в землю до предела, определенного условиями естественного слива отработанной воды, дающей вредное излучение, в отстойные пруды.

На площадке котла предусматривалось место для постройки подобной же установки – дублера на случай, если основной ядерный реактор по каким-либо причинам остановит свою работу.

Другим основным объектом являлся цех водоподготовки и водоснабжения с насосными станциями на 2500 м³/час и отстойными прудами. Цех водоподготовки предназначался для очистки воды, забираемой из озера, расположенного на территории объекта, методом ионного обмена на сульфоугле с предварительной фильтрацией через кварцевые фильтры и в случае необходимости деаэрации воды. Вода должна подаваться с температурой не выше +25 градусов Цельсия на охлаждение котла, при работе которого выделяется около 86 млн. больших калорий в час (100 000 кВт).

Важную роль в процессе получения плутония играла система механизированной подземной транспортировки урана из котла для переработки их в химические цеха.

К основным объектам относились и химические цеха с дистанционно управляемыми операциями по выделению готового плутония в чистом виде.

В них намечалось производить химическую обработку урановых блоков – растворение в кислотах, многократное разделение солей, регенерация исходного сырья, отделение побочных продуктов и выделение готового плутония в чистом виде.

Считалось, что химические цеха будут перерабатывать 1500 кг урана в сутки в трех параллельных технологических линиях. Ввиду «значительного выделения вредного газа и лучеиспускания, опасности для обслуживающего персонала» все операции в основных химических цехах группы «Б» полностью автоматизировались.

Стоит отметить, что металлургическое производство, то есть получение металлического плутония и боевого заряда из него, первоначально на заводе № 817 не планировалось.

Вспомогательные объекты включали: электрическую подстанцию мощностью 10 000 кВт; лабораторию площадью 6 000 м² для исследовательских работ; ремонтно-механические мастерские; вспомогательные сооружения (отстойник для отходов и аварийные установки).

На расстоянии 9 км от основных цехов завода предполагалось построить жилой поселок улучшенного типа на 1300 человек работающих с их семьями, с учреждениями медико-санитарной службы, амбулаторию с профилактическим санаторием и объекты культурно-бытового обслуживания.

Был установлен срок ввода в действие агрегата № 1 – 1 июля 1947 г. и цехов по химической переработке – к 1 сентября 1947 г.

Разработка технического и рабочего проектов завода № 817 возлагалась на Первое главное управление при Совете Министров СССР (ПГУ) и ГСПИ-11 Первого главного управления на основании разработанных Лабораторией № 2 АН СССР проектного задания и технологии производства завода. Научное руководство проектированием возлагалось на академика И.В. Курчатова.

Лаборатории № 2, ПГУ и ГСПИ-11 поручалось обеспечить начало выдачи ра-

бочих чертежей по отдельным объектам основных сооружений завода № 817 с мая 1946 г.

Постановление правительства утвердило график строительно-монтажных работ. Монтаж агрегата № 1 следовало начать 1 декабря 1946 года, а закончить к 1 мая 1947 года.

Программа строительства, заложенная в вышеприведенном документе, получили развитие на заседании секции № 1 Научно-технического совета ПГУ 24 апреля 1946 года, на котором был принят генеральный план Комбината № 817, предложенный ГСПИ – 11 и Лабораторией № 2. Генеральный план определил место расположения ядерного реактора, системы для очистки проточного охлаждения, объектов водоподготовки и химической очистки воды, место для возведения жилого поселка [6, с. 57].

Как только об этом узнали на строительной площадке, коллектив строителей, не дожидаясь поступления документации, приступил к строительству по чертежам собственного технического отдела компрессорной и дизельной станций, дробильно-сортировочного завода и Центрального бетонного завода.

В то время как строители вели огромную работу по организации строительной площадки плутониевого завода, в Москве развернулось проектирование первого промышленного реактора.

Первые исходные данные для проектирования реактора Лаборатория № 2 представила исходя из горизонтального расположения технологических каналов с металлическим ураном, аналогично реакторам, построенным в США. Для работы над проектом реактора в НИИхиммаше его директор Н.А. Доллежалъ организовал пять групп конструкторов. Работая над конструкцией реактора и его технологических систем, Н.А. Доллежалъ предложил вместо горизонтальной схемы вертикальное размещение технологических каналов. Этот вариант снимал проблемы деформации многих конструктивных элементов работающего реактора. При нагревании конструкций реактора от имевшей сотни градусов активной зоны, они переставали быть нагруженными.

В марте 1946 года комиссия с участием крупных специалистов-физиков, ме-

таллургов, машиностроителей, химиков и руководителей Атомного проекта одобрила вертикальный вариант для компоновки реактора. Однако окончательное решение по вертикальной схеме было принято только 8 июля 1946 года.

13-го августа 1946 года Совет Министров СССР утвердил проект промышленного ядерного реактора, предложенный Научно-техническим советом ПГУ. Его высота с защитным слоем составляла 22 м, диаметр – 17 м.

Расположение каналов с металлическим ураном в агрегате вертикальное, с возможностью замены их в случае порчи. Вода для охлаждения активной зоны поступала сверху и отводилась снизу [5, с. 458].

Однако сам по себе технический проект реактора на начальном этапе работ строителям ничего не давал, а необходимую им общестроительную часть ядерного реактора ГСПИ-11 закончил еще через месяц, в сентябре 1946-го.

Руководство стройки под давлением Москвы посчитало: чтобы начать действовать, достаточно генерального плана завода. Через двадцать четыре дня после принятия сверхсекретного решения правительства по генплану, 17 мая 1946 года начальник 11-го строительного района Д.К. Семичастный издал распоряжение об обеспечении территории будущего котлована реактора водой, электричеством и сжатым воздухом.

Новый шаг вперед был зафиксирован важным организационным решением, когда 8 июля 1946 года вместо строительного района № 11 создается Управление строительства № 859 (пока еще в рамках Челябинского металлургического завода) в составе 1-го промышленного, 2-го жилищного и 3-го дорожного строительных районов, Тюбукского лесозаготовительного района и обеспечивающих хозяйств. Коллектив нового Управления строительства возглавил первый заместитель начальника Челябинского металлургического завода по площадке Управления строительства № 859 полковник Петр Иванович Захаров. По совместительству главным инженером Управления строительства № 859 становится главный инженер Челябинского металлургического завода В.А. Сапрыкин. Организатор стройплощадки Д.К. Семичастный и главный инженер бывшего строи-

района № 11 И.Ф. Гаврилов назначаются начальником и главным инженером Первого района по строительству промышленных объектов [1, Л. 14].

После утверждения проекта ядерного реактора, 30 сентября 1946 года Совет Министров СССР принял постановление «О мероприятиях по строительству завода № 817 Первого главного управления при Совете Министров СССР». В нем нашло отражение программа всех основных работ по сооружению первого промышленного ядерного реактора.

Весь объем строительных работ по заводу был разбит на две очереди. К первой очереди отнесли работы, необходимые для пуска реактора. Эти работы планировалось закончить в 1947 году.

Ко второй очереди работ, заканчивающихся в декабре 1948 г., отнесли часть работ по жилищно-коммунальному хозяйству, лабораторным и подсобным учреждениям, не лимитирующим пуск завода.

В силу того, что выбранный решением Правительства от 13 августа, для сооружения тип уран-графитового котла потребовал большего времени на изготовление и вызвал увеличение общего объема работ, срок ввода в действие завода № 817, установленный Постановлением Совета Министров СССР от 9 апреля с.г. на 1 сентября 1947 г., переносился на декабрь 1947 г., т.е. на 3,5 месяцев позднее.

Объем строительно-монтажных работ на 1946 г. планировался в сумме 85 млн. руб., а на 1947 г. – в сумме 200 млн. рублей. В эту сумму капитальных затрат не входила стоимость технологического оборудования [3, с. 24-26].

В конце сентября 1946 года руководство ПГУ подготовило предложение председателю Спецкомитета о размещении на площадке Комбината № 817 химико-металлургического завода, где следовало организовать получение чистого металлического плутония в количестве 100 граммов в день из осадка, получаемого на заводе № 817, и чистого металлического урана-235, производимого на заводе № 813. Там же предлагалось производить отливки из плутония и урана-235, необходимые для работы КБ-11, и в дальнейшем боевые заряды для ядерных боеприпасов.

Размещение аффинажного и металлургического цехов вблизи завода № 817

избавляло от лишней перевозки ценных материалов, обеспечивало коллективу этого завода эффективное научно-техническое руководство и создавало максимальную безопасность производства.

Возведение столь сложного и масштабного по объему производства потребовало сконцентрировать накопленные материально-технические и людские ресурсы в одних руках независимой от Челябинсталлургстроя организации. Челябинсталлургстрой в первые десять месяцев оказал огромную помощь новому коллективу, но не менее важно было вовремя отделить его от «родителя». Всё больше трудностей возникало в управлении стройкой из-за того, что Я.Д. Рапопорт и В.А. Сапрыкин находились за сто километров от нее. Приказом министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова, учитывая резкое повышение объемов работ и увеличение численности рабочих кадров на площадке Комбината № 817, строительство № 859 и Челябинсталлургстрой были разделены на две самостоятельные организации.

Начальником строительства № 859 стал Я.Д. Рапопорт, по совместительству с должностями начальника Челябинсталлургстроя и Челябинлага МВД СССР. Первым заместителем начальника строительства № 859 и главным инженером этим приказом назначен В.А. Сапрыкин с освобождением его от обязанностей заместителя начальника и главного инженера Челябинсталлургстроя.

Из состава Челябинсталлургстроя на баланс нового Управления строительства передавался ряд предприятий вместе с личным составом и материально-техническими ресурсами. Среди них кирпичный комбинат, известковый карьер, деревообделочный комбинат, шесть арендуемых паровозов и семьдесят вагонов, четыре железнодорожные вертушки по сорок вагонов каждая.

Комбинату строительных материалов предписывалось выделить для нужд строительства № 859 шестьдесят процентов произведенных железобетонных изделий, алебаstra, шлаковаты, песка, щебня и половину кислородных вагонов [8, Л. 17, 18]. Вскоре демонтировали и отправили под Кыштым авторемонтную мастерскую, ремонтно-механический завод, половину гвоздильного завода, центральную лабо-

раторию, еще один деревообделочный комбинат, строительные механизмы и семнадцать паровозов.

После образования в октябре 1946 года самостоятельного Управления строительства № 859 для строительства промышленных объектов Комбината № 817 формируется три строительных района. Первому (начальник Д.К. Семичастный) поручалось строительство ядерного реактора, четвертому (начальник Д.С. Захаров) – радиохимического завода и комплекса по хранению радиоактивных отходов, пятому (начальник Ф.А. Крупович) – объектов приозерной группы, питающих ядерный реактор проточной водой для охлаждения его активной зоны.

В начале октября 1946 года поступили первые чертежи по реактору (объекту «А»): это была техническая документация на котлован с размерами в плане 80х80 метров и глубиной 8 метров. Столь крупных по площади и объему грунта котлованов многоопытному коллективу отрывать приходилось нечасто. Размеры котлована создавали благоприятные условия для использования механизмов и автомобильного транспорта на вывозке грунта. Однако землеройных механизмов – экскаваторов – не хватало. В сентябре 1946 года на стройплощадке работало пять экскаваторов: четыре на песчаном карьере и один на котловане здания № 56. Транспортировка их представляла довольно сложную проблему – своим ходом они не могли преодолевать большие расстояния, да и нельзя было оставлять карьер без них. Челябинсталлургстрой обладал парком отечественных экскаваторов, но для их переброски требовалось время. Чтобы его не терять, копку котлована вручную немедленно начали солдаты Первого военно-строительного полка, а вывозку грунта из котлована из-за отсутствия самосвалов – на бортовых автомашинах и на конных повозках-грабарках.

В целом работа в котловане поручается второму участку. Его начальником назначили технически грамотного, инициативного инженера, требовательного руководителя с хорошими организаторскими способностями – Александра Капитоновича Грешнова. С первого дня на котловане организуется двухсменная работа, каждая из которых длилась 10 часов.

Вынужденное, из-за отсутствия землеройной техники, начало ручной разработки котлована оказалось впоследствии наиболее рациональным. Двухразовое изменение проектной глубины котлована с 8 до 24, а затем до 43 метров, требовало принципиального изменения технологии производства работ, особенно по транспортировке груза со все возрастающей глубины. Лопата в руках солдата и конная грабарка в условиях примитивного самосвального и экскаваторного парка машин того периода оказались более надежными гарантами подготовки котлована.

Жесткие сроки требовали высшего бесперебойного темпа работы, и люди не щадили себя. С появлением в котловане двух экскаваторов можно было предположить, что отставание от графика удастся преодолеть. Однако экскаваторы ППГ не отличались надежностью в работе, а прослужив по 6-8 лет в условиях интенсивной эксплуатации, тем более. Паспортная производительность старых экскаваторов составляла 400 м³ в смену, но на практике она являлась недостижимой. Работа допотопных механизмов во многом зависела от качества топлива – дров или угля, смотря что удавалось достать в трудных условиях начавшейся зимы. Много проблем доставляла и вода: то она поступала с перебоями, а то грозила замерзнуть в несовершенной системе водяного охлаждения экскаваторов.

В середине октября 1946 года пришли новые чертежи на котлован, согласно которым глубина его составляла уже 24 метра. В связи с этим В.А. Сапрыкин издал приказ от 17 октября «О форсировании работ по котловану «А». В нем устанавливался новый график работы: глубины восьми метров достигнуть к 22 октября, двадцати четырех метров – к 25 ноября, весь котлован подготовить к бетонированию к новому, 1947 году. При существующих тогда условиях работы этот график был явно не выполним [9, с. 44].

Для обеспечения графика работ по котловану В.А. Сапрыкин принял решительные меры. Работа в котловане перешла на круглосуточный режим. Начальник Первого промышленного района Д.К. Семичастный должен был лично обеспечить суточную выемку грунта в объеме 1500 м³. Для взрыхления грунта предписывалось

использовать небольшие взрывы. Для оперативного решения возникающих проблем установлено посменное в течение суток дежурство начальника и главного инженера Первого стройрайона.

Для стимулирования производительности труда солдат, работавших на котловане, приказом начальника Строительного управления № 859 от 16 октября 1946 года было организовано социалистическое соревнование с вручением лучшему батальону Красного знамени и 15 000 рублей, а ротам – двести красных вымпелов и по 1000 рублей [4, л. 13].

Обслуживающий персонал – экипаж экскаваторов, в который входили механики, кочегары, заправщики воды, – состоял из спецпереселенцев. Для стимулирования их труда приказом по стройке от 24 октября вводилась система поощрений. При выполнении норм за полмесяца на 100-110 процентов спецпереселенцу выдавались дополнительно ежедневно одно горячее овощное блюдо, на 111-115 процентов – то же и 10 граммов табаку, на 116-120 процентов – то же и костюм второго срока; более 120 процентов – одно горячее овощное блюдо с мясными субпродуктами и костюм второго срока; более 125 процентов – перевод в улучшенный барак, бесплатное посещение бани, внеочередное и бесплатное посещение парикмахерской и кино. Если спецпереселенец выполнял норму на 125 процентов в течение полугода, то для него отменялись все ограничения, присущие этой категории строителей. Такую же систему ввели и для солдат военно-строительных батальонов. Результаты не заставили себя долго ждать. План октября был выполнен на 102 процента. Отличившимся выдали ордера на сукно, сапоги, часы, галоши, шапки. В то время эти элементарные вещи нельзя было купить ни за какие деньги [4, л. 13].

Несмотря на заметные сдвиги к лучшему, для руководства стройки было очевидным, что принятые меры не смогут переломить ситуацию коренным образом. Требовались неординарные решения. Ускорить работу на котловане могли направленные взрывы большой мощности. Для осуществления этой идеи на объект «А» прибыл специальный инженерный батальон войск МПВО под командованием капитана Я.И. Ентина.

В середине ноября минеры начали готовить первый взрыв по проекту горного инженера производственно-технического отдела Управления строительства Б.П. Жуковского. За восемь суток подготовили шесть минных колодцев глубиной десять метров, в которые заложили сорок шесть тонн взрывчатки.

Первый взрыв на выброс, произведенный 28 ноября 1946 года, поднял в воздух сотни кубометров твердой скальной породы, обеспечив широкий фронт работ для экскаваторов и автомашин. Руководители стройрайона сутками не уходили с котлована – но всего этого было недостаточно, чтобы войти в график. Кроме того, по чертежам, поступившим в декабре, глубина котлована составляла уже сорок четыре метра! Дополнительные трудности приносила холодная зима. Из-за трескучих морозов 16 и 17 декабря 1946 года пришлось объявить даже нерабочими.

К концу 1946 года темпы работ продолжали нарастать, несмотря на многочисленные трудности: медленные темпы проектирования, недостаток материалов и механизмов, тяжелые погодные условия и т.д. На площадке находилось 25 000 строителей. За год было вынута 1 300 000 м³ грунта, уложено 110 000 м³ бетона, выполнена кирпичная кладка объемом 87 000 м³, смонтировано 6 200 т металлоконструкций, проложено 100 км водопровода и канализации, проложено 40 км железной дороги, 90 км электрического кабеля, построено 15 км профилированных шоссежных дорог. На стройку завезено 727 автомашин, 28 паровозов, 64 вагона, 90 металлорежущих станков, 12 экскаваторов, 79 тракторов,

9 лесорам, 44 растворо- и бетономешалки [7, с. 175].

С глубины котлована 24 метра схема организации работ изменилась. Экскаваторы из котлована убрали. Их заменили солдаты. Разработка грунта шла мелкими взрывами, для которых с помощью перфораторов бурили шурфы. Постоянно работало около тридцати отбойных молотков, но они часто выходили из строя. Более надежными были кирка и лопата.

До глубины 24 метра грунт отвозили преимущественно на телегах, которые назывались грабарками. Грабарка – это одноконная бричка. Боковые доски у нее можно вытаскивать, и тогда грунт свободно сваливался в ту или другую сторону. Загрузка грабарок производилась вручную, Одновременно работало 120 грабарок. По периметру котлована проложили наклонную аппарель, рассчитанную на двустороннее встречное движение грабарок. Они двигались вплотную – одна часть с грузом, к расположенному неподалеку отвалу, другая, порожняя, к котловану.

На котловане было занято около трех тысяч человек, которые работали в две смены. На дне его находилось столько землекопов, сколько оно могло вместить.

Примерно с глубины двадцать четыре метра в котловане для подъема грунта установили шесть скиповых подъемников – это ковши, поднимавшиеся лебедками по наклонным рельсам. Часть из них выгружала грунт в кузова автомобилей, часть – в грабарки. С помощью взрыва разрыхляли грунт сразу на глубину пять метров. Поэтому привезли два экскаватора, разобрали их, спустили на дно котлована, снова собрали и они стали перемещать грунт к ковшам.

(Продолжение следует)

1. Архив Южно-Уральского управления строительства (АЮУС) Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.

2. Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / под. общ. ред. Л.Д. Рябева. – Т. II. – Атомная бомба. 1945-1954. Книга 2. / Федеральное Агентство РФ по атомной энергии; ответ. сост. Г.А. Гончаров. – Саров, 2001.

3. Атомный проект СССР... Т. II. Кн. 3.

4. АЮУС Ф. 63. Оп. 5. Д. 11.

5. Габараев Б.А. История создания первого промышленного уран-графитового реактора «А» комбината № 817 (в документах). // Б.А. Габараев, Г.В. Кисилев, Б.В. Лысиков, В.В. Пичугин. – М.: ОАО «НИКИЭТ», 2008.

6. Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР / А.К. Круглов. – М.: ЦНИИАТОМИНФОРМ, 1994.

7. Новоселов В.Н. История Южно-Уральского управления строительства / В.Н. Новоселов, В.С. Толстикова, А.И. Клепиков. – Челябинск: Книга, 1998.

8. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф. Р-1619. Оп. 2. Д. 41.

9. Черников В.С. За завесой секретности или строительство № 859 / В.С. Черников. – Озерск, 1995.

КРИЗИС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

(Материалы выступлений участников заседания Клуба уральских политологов)

УДК 32

Регион как субъект модернизации в контексте перспектив массового протеста

Константин Киселев, г. Екатеринбург

У регионов есть две возможности проводить экономическую политику. Первая связана с активизацией региональной власти и предполагает рассмотрение регионов как субъектов модернизации. И вторая, которая мне ближе, субъектом модернизации является бизнес, а не власть.

Когда происходит делегирование денег и полномочий региональной власти, последняя начинает активно и настойчиво вмешиваться в бизнес, переходит на режим ручного управления. При этом у региональной власти есть два основных ресурса, с помощью которых она может управлять экономическими процессами. Первый — это бюджет, который на треть, а то и больше состоит из федеральных денег. А второй — это собственность, которая принадлежит субъекту федерации, и о которой, как правило ничего неизвестно. Однажды я задал вопрос тюменским коллегам: сколько стоит тюменская область, имея в виду собственность, которая принадлежит этому субъекту РФ. Тут же председатель заксобрания начал говорить о том, что оценить такое просто невозможно. Оказалось, что стоимость активов области — тайна за семью печатями.

Попробуем оценить возможности бюджета. В бюджете региона основная нагрузка — социальные расходы, возможности для инвестиций, соответственно, невелики. Кстати, ровно то же самое с собственностью: участие этих активов в инфраструктурных проектах, к примеру, невысока.

При всем при этом, федеральная власть все же рассматривает региональную, как субъект модернизации. И при-

водит это все к росту отчетности. Возможностей нет, а спрос велик. Губернаторы в свою очередь начинают давить на местное самоуправление. Вот примеры. В Челябинской области вновь назначенный губернатор М. Юревич, занявший свой пост вопреки всем соглашениям между элитными группами и вопреки всем предсказаниям, первым делом ввел пост сити-менеджера в самом Челябинске. В Свердловской области, А. Мишарин, делает ровно то же самое: — ослабляет своего оппонента мэра Екатеринбурга А. Чернецкого. Губернаторы совершенно спокойно отстраняют мэров, вмешиваясь в компетенцию местного самоуправления. Если эта тенденция продолжится, то прямые выборы мэров скоро будут отменены. Кстати, это та тема, которая может спровоцировать жесткую гражданскую активность, вплоть до противостояния власти. Сегодня все замеры показывают, что народ желает возвращение прямых выборов губернаторов и сохранение выборных глав городов. В этом смысле, я не вижу перспектив улучшения качества управления, оно будет лишь снижаться за счет разрушения институтов, например, местного самоуправления, института разделения властей на уровне региона и местного самоуправления и, главное, за счет снижения управляемости, роста недоверия общества к власти.

Второй вывод, который я делаю из наблюдения и собственных исследований, в первую очередь электоральных, сегодня гражданская активность нарастает и нарастает скачкообразно. Посмотрим ситуацию на выборах. Явка, например, в Свердловской области на мартовских выборах выросла. При этом сама власть сознательно явку «сажала». Высокая явка не выгодна «Единой России», поэтому власть пытались путем недопущения партий на экраны, путем снятия правых партий, путем явно из-

лишнего контроля за финансами явку снизить. Но явка выросла, а процент который получила Единая Россия оказался ниже 2006 года. Это первый факт. Количество людей, которые испортили бюллетени, выросло в три раза. Это второй факт. Исследования ВЦИОМ и иных социологических центров показывают, что существующая элита вызывает дикую ненависть. Это касается не только политической элиты, но и культурной, т.е. всех тех людей, которые «сидят» в телевизоре. Недавно пришли данные из Красноярского края, – там люди не понимают, что происходит: количество неопределившихся у них зашкаливает за 50%. И у нас на Урале фиксируется примерно то же самое.

Следующий вопрос. Возросла численность людей, которые участвуют в публичных акциях, начиная с Калининграда и заканчивая Дальним Востоком. Такого не было никогда. Моя гипотеза в этой связи: кризис стал катализатором, но не причиной этой активности. Не было бы кризиса, активность бы все равно выросла. По Екатеринбургу: за последнее время прошло две акции, одна имела политический характер, вторая нет. Одна собрала порядка 5000 человек (акция за сохранение исторического центра города, собрано 4000 подписей), а вторая 2000, там люди просто наддували мыльные пузыри. Какая-то потребность у людей высказаться есть, она видна. И эта активность растет. И все же наибольший рост наблюдается у активности анархо-синдикалистского толка. Например, акции по поводу тарифов ЖКХ собирают в разных регионах от 2 до 5 тысяч сегодня. И это становится нормой.

Следующий фактор, о котором нужно сказать, стоимость труда в РФ завышена и требует переоценки. Ожидать следует снижения стоимости труда и связанного с этим роста социальной напряженности.

Таким образом, если субъектом модернизационных преобразований у нас «назначена» и является региональная власть, если эти преобразования невозможны без социальных катаклизмов, а бизнесу в этой ситуации делать абсолютно нечего. И наоборот, если бизнес – субъект модернизации, то в этом случае власть, создавая институты купирования анархо-синдикалистской активности, может стать реальным актором, способствующим сглаживанию социальных противоречий.

Кстати, сейчас широко применяются технологии, которые позволяют гражданскую активность, особенно если она имеет протестный характер, гасить. Эти технологии на уровне федерации уже видны и отработаны. На уровне региона пока такого нет. Например, на уровне федерации уже научились не обращать внимания на то, что происходит в СМИ. Можно говорить все, что угодно, но не выходя на улицу. А в регионах еще не научились не обращать внимания на то, что говорится в СМИ. И обращают, и боятся, ибо отчитываться надо в том числе за общественное мнение. А потому в регионах начинает с особой активностью транслироваться федеральный авторитаризм.

При этом нужно видеть, что территории существенно различаются. Есть такие регионы, где управление долгое время носит характер вотчинного. Это, например, Тюмень, Югра, Ямал и другие. Элита здесь была разгромлена, оппозиции никакой нет, любые попытки создания социальных сетей были просто подавлены. В этом смысле перспективы у Тюмени «позитивные» в том смысле, что социальная активность ей не грозит. Но вот, к примеру, Нижний Тагил – совсем другой случай, там у «Единой России» всегда самые низкие результаты. С учетом того, что у каждого примерно 7-10-го тагильца за плечами «тюрьма и ссылка», то можно себе представить, что произойдет в городе, если туда не будет финансовых вливаний. Все, что угодно. Нижний Тагил – это город, который стабильно падает в численности, который деградирует интеллектуально и, вполне возможно, что там банды скоро появятся по образцу американских прошлого века.

Опросы показывают, что количество людей, которые реально лично готовы поддержать протестные акции выросло с 10–12 % до 18–20%. Протестное голосование на уровне муниципалитетов, например, в Свердловской области налицо: все 4 муниципалитета, где были выборы в марте 2010 г., были проиграны Единой Россией. Опыт некоторых из них может быть актуальным и для контролируемых, «вотчинных» регионов, например, Тюменской области. Возьмем г. Лесной, муниципальное образование с градообразующим предприятием, на котором работает (или иначе связаны) большинство горожан. С

членами семей таковых примерно 2/3 всех избирателей. Росатом держит г.Лесной так, что «Лукойлу» или Сургутнефтегазу и не снилось. И вот власть выдвигает кандидатуру человека, который имеет погашенную судимость. И это от оборонного предприятия, от «Росатома»! И далее — выдвигается альтернативный кандидат от объединившегося малого бизнеса, который выступает против официального кандидата. Результат: люди стояли в очередях на избирательные участки. У избирательных участков митинги спонтанные устраивались. Колоссальная активность. Результат: кандидат от ЕР проигрывает более, чем в три раза, не добывая и до 20%. С нефтяными регионами может быть то же самое. Контролируемость кажущаяся. Контролируемость — миф.

Интересно прогнозировать, каков будет выход. Просматриваются два варианта — либерализация или закручивание гаек. Моя гипотеза состоит в том, что власть пока не выбрала сценарий, по которому пойдет дальше. Эти хаотичные движения, которые мы наблюдаем, говорят об отсутствии кардинального сценария. Мне кажется, что гайки начнут закручивать на уровне муниципалитетов, видя, что именно на том уровне протест зреет и случается. Отсюда все движения с сити-менеджментом. Однако гайки могут быть откручены на уровне регионов и федерации. Партии из правой «оппозиции» где-то начнут пропускать в легислатуры, а они вполне могут набрать до 20 %, если их не трогать.

Причем, сегодня лейбл «Единой России» вызывает отторжение большее, чем, например, лейбл Справедливой России, хотя все прекрасно понимают их общую природу. В Свердловской области люди голосовали за другие партии не потому, что последние им больше нравились, а просто не за кого больше было голосовать. Голосование за другие партии — это голосование против «Единой России». Более того, само слово «власть» оказывается негативно символически нагруженным. Даже вот мы здесь, профессионалы, употребляем слово «власть» именно с негативным оттенком.

Мои выводы простые: ждать от экономики каких-то прорывов не приходится, это абсолютно железно. Второе: все разговоры о постмодернистской экономике —

это разговоры «для бедных». Оснований для этой экономики нет. Основное направление — реиндустриализация. Третье — новая индустриализация возможна лишь в одном случае: в случае переоценки стоимости рабочей силы. Потому следует ожидать снижения зарплат и уровня социальной обеспеченности, если власть намерена что-то делать, а если нет, ситуация просто будет заморожена. Потому два сценария. Первый, власть продолжает текущую политику, гасит недовольство всеми доступными способами, идя на встречу росту потребностей у недовольных. Второй вариант — власть готовится к росту протеста и далее к тому, чтобы его как-то локализовать.

Совсем недавно М. Прохоров предложил внести изменения в трудовое законодательство по облегчению процедуры увольнения работников. Переводя на русский язык: бизнес готов что-то делать, но риски хотел бы переложить на государство. Что ему ответили? Ответили просто: лучше ничего не делайте в плане модернизации, потому что политические риски слишком велики. Вывод очень простой: пока есть возможности гасить малейшие проявления недовольства разными средствами, прежде всего финансовыми, никаких изменений не произойдет. Взять на себя сегодня риски модернизации ни федеральная власть, ни бизнес не готовы. Шансы на модернизацию упускаются один за другим, но при этом шансы на модернизацию, которые будут упущены в 2010–12 гг., не будут утрачены навсегда.

Рост политической активности и разнообразие ситуаций в муниципалитетах

Олег Подвинцев, г. Пермь

Я хочу две вещи отметить. Во-первых, не надо привязывать рост протестной активности только к кризису. Активность населения росла бы и без кризиса. Есть тренд, который наметился в первой половине 2000-х годов, развивался он медленно, но он должен был так или иначе вылиться в всплеск интереса к политике. Кризис просто наложил на эту тенденцию, возможно усилив и ускорив ее.

Тут вспоминали флэшмоб с надуванием мыльных пузырей в Екатеринбурге,

Я наблюдал такой же в Перми. Собралось порядка 4000 человек, которые двигались по эспланаде в приподнятом настроении. И вот эта толпа дошла до памятника, который является естественной трибуной, у этого памятника остановилась, кто-то взобрался на него, и у меня вдруг возникло ощущение, что сейчас кто-то начнет произносить речи, и толпа, похоже ждала того же. Нельзя сказать, что они собирались против чего-то протестовать или что-то требовать. Ораторов, конечно, не нашлось, люди постояли-постояли и пошли дальше, тем более, что и организаторы подоспели. Но это топтание перед трибуной кажется мне очень показательным. Какая-то готовность общества к участию, готовность слушать и за кем-то идти, – не за властью! – ощущается достаточно четко.

Само чувство недовольства положением дел в стране (мне кажется тоже растущее) также связано не только с кризисом. Вряд ли предшествующее экономическое благополучие нашей страны определило военную авантюру Саакашвили в августе 2008 года, провал которой, соответственно, создал на какое-то время иллюзию возрождения российской мощи. Соответственно, кризис не имеет особого отношения к тому, что эти иллюзии и питаемые кем-то радужные надежды вскоре начали рассеиваться. Экономический подъем вряд ли напрямую обусловил третье место, занятое сборной России на чемпионате Европы по футболу. Точно так же вовсе не экономический кризис, вероятно, определил провал российской сборной на зимней Олимпиаде. Дело также не в везении или в невезении – от иллюзий приходится рано или поздно избавляться.

Второе. У нас принципиально усложнилась политическая жизнь на уровне муниципалитетов. Партии туда не дошли и в нынешнем своем виде не дойдут никогда. Но в Пермском крае, например, каждый муниципалитет сейчас – это отдельное политическое поле, свой особый политический мир, свой состав участников политической борьбы, своя их расстановка.

Есть примеры, где какой-нибудь игрок сумел монополизировать власть и нанести поражение другим игрокам. Причем это, отнюдь, не моногорода. Два самых ярких примера – Березники и Пермский район. В

Березниках как минимум три основных градообразующих предприятия. Но контролирует все политические процессы в течение уже нескольких лет команда одного из них – «Уралкалия». Она вновь продемонстрировала это на прошедших в марте выборах Главы города и городской Думы. Другая ситуация в Пермском (пригородном) районе, где доминирует команда действующего муниципалитета, которая пошла на отказ от прямых выборов Главы и при этом со стопроцентным результатом выиграла выборы в Земское собрание. Формально и в Березниках, и в Пермском районе это выглядит как победы Единой России. На самом деле это победы местных сил, выступающих под флагом партии власти (и не только под ее флагом). Во время обсуждения итогов выборов в Пермском районе один из руководителей местной администрации обронил очень характерную фразу о том, что в районе было слабое руководство ячейки Единой России и они там вовремя все поменяли. Не Единая Россия меняет руководство муниципалитета, а последнее меняет руководство партийной ячейки, используя его как своеобразный ресурс. Это демонстрирует, кто является реальным хозяином на этой территории.

Но эти два случая – скорее исключения. На большинстве территория все-таки идет вполне реальная борьба. Там возникают реальные местные «партии» – вокруг каких-то лидеров, вокруг тех или иных предприятий, где-то вокруг местных кланов и т.д. Наличие одного градообразующего предприятия, как уже отмечалось, не подразумевает однопартийную систему. Чем больше такое предприятие претендует на монополизацию политического пространства муниципального образования, тем более вероятно возникновение отторжения в местном социуме и, соответственно, формирование какой-то группировки, которая будет противостоять предприятию. Так развивались, в частности, события в Чусовом, Александровске, ряде других моногородов.

Есть ряд муниципальных образований, где борьбу за органы власти между собой ведут не две, а три-пять различных группировок. Они достаточно устойчивы, чтобы можно было говорить об их несчастном характере. В то же время состав их может обновляться.

Один из последних примеров того, насколько сложные политические коллизии свойственны сейчас локальному уровню — Большесосновский район. Исключительно сельский, там делить особенно нечего. Прежняя глава, изменив процедуру, надеялась переизбраться на свой пост уже из состава депутатов. Но выборы в ее округе оказались сорваны. В собрание прошло две группировки примерно равные по силам. Перевес в один голос, который первоначально был у одной группировки, затем перешел к другой. Когда победители избрали своего кандидата на пост главы, их противники сложили с себя полномочия. Сейчас никто не знает, что с этим делать. Собрание неработоспособно.

Показательна также ситуация с переходом к выборам глав муниципалитетов из состава депутатов. Инициатива о повсеместном таком переходе была озвучена у нас в крае губернатором два года назад. В некоторых муниципалитетах такую систему действительно стали вводить. В других отказались. А в Березниках и в Добрянском районе, где она уже была введена, напротив, отменили, вернувшись к прямым выборам. Чем это обусловлено? Ответ в том, что введение данной модели зависит не от ее эффективности, но исключительно от интересов той или иной группировки, этим и руководствуются, и, это, по моему мнению, лучше, чем загонять всех в единый стандарт. Но управление страдает и в данном случае, это правда.

Краевая администрация, не говоря уже о региональном руководстве Единой России, не в состоянии проводить эффективную кадровую политику на местах, хотя и декларируют таковую. Количество муниципалитетов велико, подобрать на каждый сити-менеджера «сверху» просто невозможно. Не получается и проводить системный мониторинг в каждом муниципальном образовании, тщательно подбирать местные кадры. В результате контроль над политическими процессами на местном уровне все более утрачивается.

Такое усложнение политической жизни на местах, тоже свидетельствует, что интерес к реальной политике в обществе растет. Готовность участвовать в политической жизни у разных слоев есть. Как долго эта готовность будет оставаться на местном уровне без перехода на реги-

ональный и федеральный, вот вопрос. Но, даже если кризис пройдет, полагать, что это автоматически приведет к спаду политической активности нельзя.

Угроза технократизма

Петр Панов, г. Пермь

Я не очень понимаю вообще, почему вопросу введения управленческой модели с сити-менеджером уделяется такое внимание. Мне кажется, что это чистой воды технократическое мышление. В частности, пермский губернатор О. Чиркунов уверен, что многие проблемы решатся путем смены управленческой модели, и его администрация уже год тратит огромное количество энергии, массу времени и сил на то, что продавить поправки в уставы муниципальных образований. Да, наверное, есть проблемы в низком профессиональном уровне глав муниципальных образований, есть проблема в том плане, что главы не понимают политический стиль губернатора и его команды. Но губернатору кажется, что стоит ввести модель сити-менеджера — и все изменится. То есть меняем правила игры — меняется все. Здесь нет понимания самого главного — того, что действуют люди, а не правила и не управленческие модели. В этом смысле я и говорю о технократизме. Мощное давление на муниципалитеты с целью изменения модели управления у нас началось год назад, и уже за этот год стало ясно, что последствия внедрения модели с сити-менеджером могут быть самые разные. В одном из муниципалитетов Пермского края кандидатура, лоббированная губернатором, просто не прошла. Потому что там ситуация под контролем главы муниципального образования, который провел своего человека, бывшего зама. Эти процессы характеризуют не с лучшей стороны уровень нашей власти.

Технократизм везде. Это и внедрение экономических подходов в государственное и муниципальное управление, так называемый «новый государственный менеджмент», который был в моде на Западе, правда, мода уже лет десять как прошла, но наши политики почему-то об этом не знают. Они все ищут какие-то «объективные критерии», с помощью которых можно

было бы оценивать политику, действия отдельных чиновников, тех же муниципальных образований и т.д. Здесь очевидное, на мой взгляд, непонимание природы политики. Это в деятельности фирмы есть понятный критерий – прибыль, в спортивных соревнованиях – победа. Применительно к политике объективных критериев нет в принципе, потому что политика – это всегда конфликт и борьба интересов, идей, понимания мира и т.д. На то она и политика, чтобы убеждать людей – и элиты, и массы – в своей правоте, а не придумывать какие-то объективные показатели, которые якобы сами за себя говорят, чего-то доказывают. Технократизм опасен, потому что технократы не понимают необходимости политической работы. Они не хотят (даже если и умеют) работать с людьми, они работают с цифрами, отчетами и моделями. В крайнем случае, они прибегают к пиаровским технологиям – как правило, весьма примитивным и неэффективным. И не потому что плохие технологи (хотя порой и это есть), а потому что нет самого понимания, зачем нужна политическая коммуникация. Вообще говоря, технократический стиль в политике может иметь очень негативный эффект в ситуации повышенной публичной активности.

Что касается вопроса о взаимосвязи кризиса и публичной активности, боюсь, у меня нет однозначного ответа. На мой взгляд, активность растет, но «после того – не значит вследствие того». Чрезвычайно сложно проследить эту связь. Возможно, активность – следствие не кризиса, а как раз докризисных тенденций, «эпохи процветания» 2006-2008 гг.

Да, слишком много факторов влияет на политический процесс, и очень часто они имеют отложенный эффект. В частности, можно предположить и влияние реформы МСУ на активность, опять-таки не сразу, людям нужно было понять результат этой реформы. Потребовалось время, чтобы потенциальные местные активисты поняли, что в муниципалитете есть бюджет, его можно поделить, в этом можно поучаствовать. В декабре 2005 года были опасения, будут ли вообще кандидаты на выборах в более чем в 200 муниципальных образованиях, которые были созданы на уровне поселений. В новом цикле таких проблем уже не было, там была

борьба, было много желающих. Другое дело, что все качают головой, говоря о качественном составе депутатского корпуса. Уровень очень низкий. Но им интересно этим заниматься, они ходят на заседания, дискутируют, кричат, деньги делят, зачастую даже не понимая, что они делают на самом деле.

Может быть, повышение активности в Пермском крае связано с предстоящим переназначением губернатора. О.Чиркунов очень неоднозначная фигура, он провоцирует, он вбрасывает в публичное пространство идеи, которые раздражают какую-то часть населения. Культурные проекты – например, «Пермь – культурная столица Европы», Центр Дизайна. Он непонятен, он не объясняет, что он делает, вызывает протест и тем самым, может быть, вносит свой вклад в повышение активности. Точно так же он ведет себя с элитами. Была даже такая листовка – О. Чиркунов на фоне швейцарских гор, где у него бизнес, и надпись «Вы от меня далеко». Не думаю, что это какой-то гражданский почин, явно инициатива какой-то элитной группировки, которая понимает, что О. Чиркунова в декабре назначат или переназначат, потому активизируется. Очень непростые отношения у О.Чиркунова с ЕР, с заксобранием.

Масса таких факторов, которые приводят к активизации. И кризис здесь может играть отнюдь не главную роль.

Экономический кризис и три типа реакции на него

Константин Сулимов, г. Пермь

На мой взгляд, разговоры о росте политической активности трудно проверить. Можно сколько угодно проводить протестных акций, собирать 5–10 тысяч человек, но если город об этом не знает – а город об этом не знает – то это бесполезно. На «Хромую Лошадь» реагировали просто шоком. Больше ничего ровным счетом. Не уверен, что эта катастрофа сильно сказалась на рейтинге главы города, он просто перестал появляться на публике. Шок и тишина. Все лежит в этом смысле, снежного кома недовольства не образуется. У нас в Перми сейчас тоже меняют систему управления городом, отказываются от прямых выборов главы. Сити-менеджмент, кстати,

может сосуществовать с выборным мэром: есть два таких крупных – административные центры субъектов – города: Пермь и Калининград. В большинстве пока иначе: более чем в 50 крупных городах это прямые выборы, где мэр является главой администрации. В чем смысл ограничения выборов? Можно оставить выборного мэра и погасить любое недовольство, но этого не происходит. Непонятно. Истолковать эти тенденции трудно, единой рациональной оценки здесь нет. Народ реагирует на эту ситуацию молчаливым образом. Почему, каковы мотивы такой реакции? Если это обида, тогда на что? На то, что отнимают – явно не выборы, здесь уж 100%. Обида на то, что все решения принимаются закрытым образом, на то, что это какая-то мафия, клан, что все делается под конкретного человека. Да, есть. Общее ощущение, что плохо – есть, но ничего конкретного. Нет вожаков и лидеров. Нет идей. Модернизационных движений нет.

У меня стойкое ощущение, что губернатор Пермского края стремится изо всех сил найти слабые места, места, где можно прорваться, где можно усилиями региональных властей сдвинуть ситуацию в регионе или какой-либо его части, с того болота, в котором регион находится. Однако, губернатор у нас продвинутый, но не изощренный. Возможностей повлиять на ситуацию в регионе у него очень мало, раз-два и обчелся. В этом неизощренность. То, что касается собственности: к ней региональные и муниципальные власти подходят как к обузе. Там сидят учреждения, на них расходуются средства, поэтому их надо сокращать. Попыток сработать на этом как на ресурсе – этого нет. Половина территории Перми занята пустыми цехами, которые гниют, а договориться с хозяевами, которые сменились с местных на московских, уже невозможно. Время упущено.

Я не уверен, что региональная администрация сильно озабочена кризисом, от них никто не требует каких-то решительных действий. Они лишь технократически реагируют на сигналы из внешней среды, в большей степени из центра. Надо сократить – сократим. Там нет каких-то серьезных решений с серьезными политическими последствиями. В этом смысле О.Чиркунов демонстрирует просто сумасшедшую уверенность, он уверен, что сис-

тема управления выстроена, что все само собой решается, поэтому он может заниматься вещами, которые интересны лишь ему. Последняя его фишка – заняться инновациями, наукой, продажей знаний. Я присутствовал на встрече, где он прямо требовал с лабораторий продукты, которые можно продать на Запад. Съездил в США, увидел венчурные проекты, подумал, что там можно сесть и продавать. Неважно, как это будет работать. Он готов этим заниматься. Политика такая: они в бешеном поиске возможностей, за которые можно ухватиться, при этом никаких голосов со стороны они не слышат. И это первое.

Второе. У О. Чиркунова есть особая «фишка» – город. Он огромные усилия тратил на город, есть сумасшедшие цифры, порядка 95% всех денег на дорожное строительство тратятся в Перми. Считается, что проблема здесь в том, что главу города не воспринимают как реального руководителя, а сити-менеджера – воспринимают. Но ситуация сложнее: тот, кто находится во главе городской Думы контролирует бюджет, контролирует отдельные статьи, он может навязывать решения в определенных ситуациях. Сити-менеджер в ситуации, когда требуется решение Думы, придет к главе сам. У нас в Перми сложилась интересная ситуация: сити-менеджер – абсолютно непубличный деятель, в отличие от него глава города Шубин наоборот публичный человек, он политик. Он жмет руки, общается, вручает знамена и т.д. Картинка будто списана с идеологии 131-ФЗ. Но, видимо, внутри им было так неудобно, что сейчас решили все поменять.

И, наконец, третье. Связь политики и экономики может проявиться в трех типах реакции: административно-управленческой, технократической и собственно политической. Последней я не вижу нигде. Это когда с социальными группами начинают взаимодействовать как с носителями смыслов, с субъектом, этого нет. Самая распространенная реакция – административно-управленческая. Общая логика очерчивается рамками отчетных документов: нельзя показать Москве, что на улицах народ. Тут невозможна даже технократическая реакция, которая отличается тем, что мы действуем, глядя в будущее,

в рамках определенного целеполагания. В большинстве случаев нет и не будет ни политической реакции, ни технократической реакции, для последней необходимо задать некоторое русло, обозначить цели, дать смыслы. В поле модернизации есть два смысловых полюса, закрывающих эту тему. Первый сформулирован все тем же Иноземцевым, который сказал, что мы слишком большие, слишком богатые и слишком гордые для модернизации. Второй полюс – это разговоры о модернизации без политического выбора и выборов. В рамках административной реакции, цель которой в ограничении свободы, это невозможно.

Удмуртия в условиях экономического кризиса: некоторые итоги 2009 года

Владимир Воронцов, г. Ижевск

Хочу поддержать коллег. Жители Удмуртии так и не узнали, кто кроме А. Волкова был включен в список претендентов на пост главы республики. Полпред ПФО заявил СМИ, что все кандидаты – уважаемые люди и надо пожалеть их самолюбие. Действительно, получается «спецоперация», а мнение жителей региона никого не интересует. Неудивительно, что сразу после переназначения в оппозиционной прессе появились цифры в 60 млн. долларов якобы «для покупки кресла».

Давайте посмотрим на тех лидеров, которые пользуются доверием населения, и тех, кто назначается сверху. Наталья Васильевна это наглядно продемонстрировала в своем докладе на примере Татарстана. В Татарстане и экономика по-мощнее, и экономический кризис затронул регион не так серьезно, и безработица здесь существенно ниже, чем в соседних регионах. Однако М. Шаймиев, используя, в том числе и поддержку со стороны жителей татарстана, сумел пролоббировать интересы республики и «вытащить» из федерального бюджета значительные финансовые средства на решение экономических проблем.

Иная ситуация сложилась в Удмуртии. Республиканская экономика вышла из 2009 г. сильно потрепанной: пересмотр бюджетных расходов в сторону уменьшения, остановка предприятий, рост безработицы, задержки с выплатой заработной платы – вот характерные признаки прошед-

шего года. Что мы имеем в этом году? В январе-марте 2010 г. агрегированный индекс производства в регионе составил 102,2% к соответствующему периоду 2009 г. (в РФ – 105,8%). Общая численность безработных в Удмуртии составила в марте 2010 г. 88,4 тыс. человек или 11,2% экономически активного населения (РФ – 8,8%). Задолженность по заработной плате по состоянию на 1 апреля 2010 г. составила 106,4 млн. рублей. Среднемесячная заработная плата в целом по республике за 2009 г. составила 13130 руб., при этом сохранилась высокая дифференциация оплаты труда, которая в прошедшем году составила 4,7 раза (добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – 30,6 тыс. руб., сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях – 6,5 тыс. руб.). Среднемесячная заработная плата в организациях здравоохранения составила 10,7 тыс. руб., образования – 9,6 тыс. рублей. А ведь вы знаете что такое «средняя» зарплата: между руководством и рядовыми работниками разрывы огромны.

Положение республики очень непростое, однако глава региона докладывает премьер-министру В. Путину (5.04.2010), что экономическая ситуация стабилизировалась, на рынке труда все под контролем, ну разве что автозавод «подкузьмил», а по остальным предприятиям проблем нет. Так ли это на самом деле? До настоящего времени не решена проблема запуска ОАО «ИжАвто», на грани банкротства находится завод «Буммаш», существенно ухудшились экономические показатели ОАО «Ижсталь» (по итогам года получило 706,8 млн. руб. чистого убытка), долги по заработной плате накопили предприятия группы «Ижмаш». Могут возникнуть проблемы у градообразующего предприятия г. Глазова – Чепецкого механического завода (Росатом), в 2010 г. его акционеры планируют перенести производство металлического урана на другое предприятие (а это 30% всех объемов).

Когда мы говорим об эффективности управления, конечно речь должна идти не только о губернаторах. Вот, например, директорский корпус, руководители крупных промышленных предприятий. Скандал за скандалом. Ижевский механический завод, военное предприятие. Москва присылает человека, который уличен в подделке документов о высшем образовании, на

днях его сняли. Присылают нового «эффективного менеджера», который не имеет никакого отношения к промышленному производству, а тем более, к ВПК. И уже протест на предприятии, работники волнуются – почему присылают непрофессионалов, сколько еще продлится директорская чехарда? Это еще одна конфликтная зона.

Во время рабочей встречи В. Путина с А. Волковым обсуждался и вопрос о программе жилищного строительства для молодых семей. Дело действительно крайне важное для молодых людей, только вступающих в жизнь. Президент Удмуртии доложил о том, что в 2009 г. практически решена жилищная проблема для молодых семей, работающих в бюджетной сфере. Всего заключено около 1400 договоров на весьма выгодных условиях: оформление ипотечных кредитов всего под 5% годовых, при первоначальном взносе за жилье в 10%. В этом году А. Волков пообещал решить жилищную проблему молодых семей, работающих на промышленных предприятиях. Между тем, реальность оказалась не столь радужной, дело в том, что многие молодые семьи просто не смогли получить кредит, так как их заработная плата не позволяла этого сделать. Ситуация, когда молодая мама находится в декретном отпуске, а папа зарабатывает на семью из трех человек 8-15 тыс. руб. отнюдь не единична.

И еще одна неувязка: на настойчивый вопрос В. Путина, сколько из 1400 молодых семей уже въехало в квартиры, А. Волков ответил, что половина, т.е. 700 семей. Однако по данным Министерства строительства Удмуртии, реально в новые квартиры пока въехало лишь 232 семьи. Оппозиционная газета «День» тут же воспользовалась оплошностью главы региона, опубликовав статью под названием «Не моргнув глазом, президент Волков обманул премьера России». Узнал ли премьер-министр о «неточности» своего подчиненного история умалчивает.

«Весовые категории» руководителей российских регионов действительно разные, но есть то, что их объединяет – сложившаяся система управления, когда ни федеральные, ни региональные чиновники самого высокого ранга не заинтересованы в объективной информации, она им не нужна. Как не нужны общие, понятные

принципы назначений руководителей регионов (и не только), конечно мы искали, и будем продолжать искать некие закономерности, логику этих назначений, но это все равно, что пытаться найти «черную кошку в темной комнате». Сложившаяся система управления неэффективна, но пройден ли предел управляемости этой системы пока не ясно.

Несколько слов о росте протестных настроений. На недавней пресс-конференции первый замминистра МВД М. Суходольский доложил, что количество протестных акций в стране за первые три месяца 2010 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года годом увеличилось в 4 раза (с 1269 до 4,9 тыс.). С одной стороны, мы понимаем, что это сигнал руководству страны: хватит наше ведомство кошмарить, кто будет следить за порядком в стране? С другой, – эти цифры отражают реальный рост протестных настроений. Это можно проследить и на примере Удмуртии. По информации оппозиционной прессы только в Ижевске в 2009 г. прошло около 50 акций социального и гражданского протеста, на самых массовых из них приняли участие более 2,5 тыс. человек. Следует отметить, что представители правоохранительных структур не подтверждают данные о столь массовых выступлениях, а местные власти, как и большая часть электронных и печатных СМИ республики, делают вид, что никаких выступлений нет вообще. Однако акции протеста проходят с завидным постоянством, и списывать все это на отдельных «отморозков» уже даже не смешно. Особенностью прошедшего года стало расширение протестного движения и вовлечение в него новых слоев населения, к пенсионерам и бюджетникам присоединились обманутые дольщики, представители малого бизнеса, в отдельных случаях студенческая молодежь, к экономическим требованиям добавились и политические. Продолжились акции протеста и в 2010 г., последняя прошла 10 апреля в Ижевске, в ней приняли участие от 700 до 1,5 тыс. человек.

Соглашусь с мнением коллег о том, что кризис стал катализатором, но не причиной роста гражданской активности в стране, людям надоело, когда за них все решают, их достала ложь, наглость и непрофессионализм чиновников.

СОЦИУМ

SOCIUM

Попов В.Д. Духовно-информационная природа и сила эгрегора. В статье представлена проблема эгрегора как механизма формирования силы духа нации с позиции науки социальной информатиологии, психоаналитической парадигмы исследований социальных процессов.

Ключевые слова: информация, дух, душа, сознание, бессознательное, сила духа, вера, светло эфирный эгрегор.

Сагатовский В.Н. Новый взгляд на историю. В статье рассматриваются фундаментальные проблемы философии истории. Осуществляется сравнение и обоснованное противопоставление монокаузалистского понимания общества и подхода с позиций целостного взаимодействия. Последний подход раскрывается как системная онтолого-методологическая схема жизнедеятельности общества, в которой показывается взаимная дополняемость его базовых категориальных характеристик.

Ключевые слова: социально-антропологическая целостность, целостное взаимодействие, взаимодополнительность атрибутов человеческой жизнедеятельности.

Игнатов В.Г. Факторы и приоритеты государственного воздействия на уровень жизни населения Российской Федерации. В статье анализируются показатели уровня жизни населения России, усиление дифференциации доходов, предлагаются меры государственной социальной политики по снижению дифференциации уровня жизни и социально-политической напряженности в российском обществе.

Ключевые слова: уровень жизни населения, дифференциация, государственная социальная политика.

ВЛАСТЬ

Борисенков А.А. Политическое влияние как способ осуществления назначения политики. Раскрываются сущность и структура политического влияния, его значение для социального управления. Показано место политики в системе социального управления.

Ключевые слова: политика, политическое влияние, социальное управление, политический институт, политический режим.

Айвазян Г.А. Политическая идентичность – аналитический инструмент политологии. В статье рассматривается проблема политической идентичности как общегосударственная идеологическая задача, а также как научный инструментарий в политической науке

Ключевые слова: политическая идентичность, идентификация, политическая социализация, культура, транзит.

Ханмагомедов А.С. Портал повышения компетентности госслужащих – управленческая новация. В статье исследуется сложная и актуальная проблема повышения компетентности государственных служащих, даются практические рекомендации по организации образовательного процесса управленческих кадров, внедрения образовательных практик.

Ключевые слова: образовательные практики, управленческие новации, управление компетенциями, портал, мотивация.

Гурарий Е.М. Соотношение управленческих и политических компонентов в политическом поле реализации приоритетных национальных проектов. Статья посвящена проблеме, связанной с процессом выстраивания отношений нового типа между федеральным и региональным уровнями власти. В качестве элемента, структурирующего политическое пространство, автор рассматривает механизм реализации приоритетных национальных проектов, на примере которого анализирует позиции основных участников политического процесса.

Ключевые слова: национальный проект, агент, государственная политика, государственная кампания.

Popov V.D. Spiritual and informational nature and the power of egregore. The problem of egregore functioning as a mechanism of the formation of the nation's strength of spirit from the viewpoint of social informationology, psychoanalytical paradigm of social processes investigations is presented in the article.

Key words: information, spirit, soul, consciousness, the unconscious, strength of spirit, belief, light etheric egregore.

Sagatovskiy V.N. A new view to the history. The fundamental problems of philosophy of history, a comparison and grounded opposition monocausal and whole-interaction approaches to a society is examined here. The author considers whole-interaction approach as the ontological systematic scheme of social life in which its principal characters mutually add to each other.

Key words: social anthropological whole, whole interaction, mutually addition of attributes of human lifeactivity.

Ignatov V.G. Factors and priorities of state impact onto the life level of the population of the Russian Federation. The article presents the indicators of the life level of the Russian population and the income differentiation. The measures of state social policy aimed at the downsizing of life level differentiation and socio-political tension in Russian society are formulated.

Key words: life level of the population, differentiation, state social policy.

POWER

Borisenkov A.A. Political influence as the means of achieving the political purpose. Essence and structure of political influence and importance of political influence for politics are explained. Place of politics in social management system is shown.

Key words: politics, political influence, social management, political institute, political regime.

Ivazyan G.A. Political identity as the analytical instrument of politology. In the article the problem of political identity as the task of the whole state and as scientific instruments in political science are considered.

Key words: political identity, identification, political socialization, culture, transit.

Chanmagomedov A.S. The Portal of raising the public servants competence as a administrative novelty. In the article the complex and significant problem of raising the public servants competence is examined, the practical recommendations on the organization of education process of administrative and the mode of putting the educational practices into life personnel are given.

Key words: educational practices, administrative innovations, administrative competences, portal, motivation.

Gurariy E.M. Administrative and political interrelations in the process of national priorities implementation. The article mainly deals with the problem related to the construction of the new type of relations between the federal and the regional government levels. The author considers the mechanism of national priorities implementation as one of the main elements in constructing political space.

Key words: national priority, actor, public policy, public campaign.

Чернов Г.Ю. Политико-ориентированный подход к социально-массовым явлениям: философский анализ. В статье анализируется специфика политико-ориентированного подхода к пониманию социально-массовых явлений (СМЯ), его основные исторические модификации, а также его научно-эвристический и практический потенциал.

Ключевые слова: философский анализ, социально-массовые явления, политико-ориентированный подход.

Славянский А.В. Современные технологии регионального информационного лоббизма (на материалах Ростовской области). Информационный региональный лоббизм – это совокупность действий в информационном пространстве, направленных на формирование имиджа региона. Стратегическое планирование информационного продвижения региона должно быть нацелено на СМИ, имеющие выход на массовую аудиторию и вес на федеральном уровне.

Ключевые слова: информационный региональный лоббизм, технологии, имидж, бренд, региональная политика.

Табалов А.В. Внутрипартийная фракционность: угроза единству партии или условие ее выживания. Статья посвящена вопросам образования и функционирования внутри политической партии организованных групп единомышленников – фракций. На примере Российской объединенной демократической партии «ЯБЛОКО» рассматриваются причины возникновения фракций, их роль и место внутри управленческой структуры партии.

Ключевые слова: Фракция, фракционность, единство партии, РОДП «ЯБЛОКО», внутрипартийные объединения.

Толмачева М.В. Современная молодежная политика: опыт и проблемы (на материале Ростовской области). В статье обобщается опыт реализации молодежной политики и политики по отношению к молодежи в Ростовской области. Дан анализ и характеристика действующих молодежных организаций, предложены практические рекомендации.

Ключевые слова: молодежная политика, интеграция молодежи, казачество, молодежные девиации.

Лактионов Г.А. Молодежные парламенты в России: проблемы институционализации и политические процессы. Статья посвящена проблеме, которая достаточно редко присутствует на страницах академических, вузовских изданий, конкретно – становлению молодежных парламентов (общественные молодежные палаты) в России, их институционализации, месту и роли в современных политических процессах.

Ключевые слова: молодежная парламентская ассамблея, государственная молодежная политика, институциональный кризис, общественные молодежные палаты.

Леонов И.Н. Политические аспекты функционирования судебной системы современной России. В статье предпринята попытка анализа судебной системы в России, политические аспекты ее функционирования. Обосновывается, во многом критический, взгляд на практику судебной реформы в стране и судопроизводства.

Ключевые слова: судебная система, правосудие, базовые принципы, социализация, гражданское общество.

Ведерников П.В. Гражданское лидерство как объект политологического исследования. В современной научной литературе, среди многочисленных исследований политического лидерства, практически отсутствуют работы по проблеме лидерства гражданского. Однако самим фактом своего существования гражданское общество обязано как раз многочисленным лидерам самых разных некоммерческих организаций. Предлагая рассматривать гражданское лидерство в качестве объекта исследования, автор раскрывает его сущность и специфические особенности.

Ключевые слова: гражданин, лидер, активность, гражданское общество, гражданское лидерство.

Chernov G.Yu. Politically-focused approach to the socially-mass phenomena: the philosophical analysis. In the article the specific character of politically-focused approach to the social-mass phenomena understanding, the basic historical versions of this approach and also its scientifically-heuristic and practical potential are analyzed.

Key words: the philosophical analysis, the socially-mass phenomena, the politically-focused approach.

Slavyanskiy A.V. The modern technologies of the regional informational lobbyism (based on the materials of the Rostov region). The informational regional lobbyism is a set of actions in the regional space to create the image and brand in the region. The tactical and strategic socio-economic policies must conform to the historical mission of the region, express regional interests and have long-term goals, which will be known and well-understood by its subjects and objects.

Key words: regional informational lobbyism, technology, image, brand, regional policy.

Tabalov A.V. The inner-party factiousness: a threat to unity of a party or a condition of its survival. The article is devoted to the questions of formation and functioning in a political party of the organized groups of adherents – fractions. On the example of the Russian united democratic party “YABLOKO” the reasons of occurrence of fractions both their role and a place in management structure of party are considered.

Key words: faction, factiousness, unity of party, “YABLOKO”, inner-party associations.

Tolmacheva M.V. The modern youth policy experience and problem (on the material of the Rostov Region). In this article the experience of the realization of the youth policy and the policy in relation to the youth in the Rostov Region is analyzed. The analysis and characteristics of the acting youth organizations are given, certain practical steps are recommended.

Key words: youth policy, youth integration, the Cossacks, youth deviazions.

Laktionov G.A. The youth parliaments in Russia: the problems of insttutualization and political processes. The article is devoted to the problem which is rather rarely present on the pages of academic higher educational editions, this problem is a concrete formation of youth parliaments, in Russia (the Russian youth chambers), their institutionalization, the place and role in modern political processes.

Key words: youth parliament assembly, state youth policy, institutional crisis, public youth chambers.

Leonov I.N. The political aspects of functioning of the modern Russian court system. In the article the attempt to analyze the court system of Russia and the political aspects of its functioning is made. The grounding is given to the contradictory in the many aspect view on the practice of the court reform in the country and its legal proceedings.

Key words: court system, justice, basic principles, socialization, civil society.

Vedernikov P.V. Civil leadership as the object of political research. There are no papers on the problem of civil leadership among numerous researches on political leadership in modern scientific literature. However the existence of civil society is in many respects defined by the presence of numerous leaders of different noncommercial organizations. The author suggests considering civil leadership as the object of research and explains its essence and specific features.

Key words: citizen, leader, activity, civil society, civil leadership.

Чегодаева Т.А. Участие профсоюзов в политической жизни и формировании гражданского общества: социологический анализ. В статье приведены результаты мониторинга профсоюзного актива вузов г. Екатеринбурга о важности и необходимости участия Профсоюза образования в политической жизни, осуществлен анализ деятельности общественного избирательного Объединения работников образования и студентов Свердловской области.

Ключевые слова: профсоюз образования, избирательная кампания, защита прав, культура гражданственности, политическая культура.

Безбородов М.И. Международная деятельность Русской Православной Церкви: внешнеполитические позиции и сотрудничество с государством. В статье автор рассматривает международную деятельность Русской Православной Церкви на современном этапе и выделяет основные направления сотрудничества церкви и государства во внешней политике. Автор показывает взгляд церкви на проблему международных отношений и на роль России в современном мире.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государство, внешняя политика, идеология, международные организации.

Файзрахманов Р.Х. Понятие вооруженного насилия в политико-правовой мысли Древнего Востока и современность. Обращение к понятию вооруженного насилия как социально-политического явления и проблемы детерминировано многочисленными фактами его проявления в современных условиях. Автор статьи анализирует видение и понимание вооруженного насилия в истории политико-правовой мысли. При этом акцент сделан на источники, дошедшие до нас с Древнего Востока, где впервые зародились идеи о насилии вообще и вооруженном в частности. Многие из них объективно не могут потерять свою актуальность, поскольку вооруженное насилие не подлежит консервации, зачастую оно становится основным средством решения современных политических проблем.

Ключевые слова: власть, вооруженное насилие, война, вооруженные силы.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Томазова О.Е. Правовые проблемы организации единой системы органов исполнительной власти, осуществляющих государственный надзор и контроль в финансовой области. На основе анализа российского законодательства исследуются проблемы, что до недавнего времени правовое регулирование организации единой системы исполнительной власти в РФ носило во многом несистемный. Фрагментарный, а иногда и эпизодический характер. В связи с этим на сегодняшний день перед органами государственной власти в РФ стоят серьезные задачи скорейшей ликвидации законодательных пробелов, а также создание правовой базы для организации и функционирования единой системы исполнительной власти в России.

Ключевые слова: Конституция РФ, органы исполнительной власти, законодательные акты, принципы, система.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Торгай Н.З. Возможности социальной адаптации домохозяйств в условиях транзитивной экономики. В статье рассматриваются особенности развития общества в условиях транзитивной экономики. Определяется влияние процессов трансформации на экономическое и социальное положение домохозяйств, особенность адаптации к новым условиям и причины не адаптации населения. Влияние социального положения на экономическую безопасность.

Ключевые слова: трансформация, домашние хозяйства, социальная адаптация, экономическое положение, экономическая безопасность.

Chegodaeva T.A. The participation of the trade unions in the political life and formation of the civil society: sociological analysis.

The article presents the monitoring results of the Ekaterinburg higher educational institutions trade union activists on the importance and necessity of trade union's participation in the political life. There has been carried out the analysis of the activities of the non-governmental electoral association of the employees and students of the Sverdlovsk region educational institutions.

Key words: trade union of educational institutions, election campaign, protection of employees rights, action, the culture of civic consciousness, political culture.

Bezborodov M.I. International activity of the Russian Orthodox Church: foreign policy and state collaboration.

In this article the author examines the international activities of the Russian Orthodox Church in our days and singles out its main orientations in the foreign policy in collaboration with the state. The author shows the Church's attitude to the international relationships and on the Russia's role in modern world.

Key words: Russian Orthodox Church, state, foreign policy, ideology, international organizations.

Faizrahmanov R.H. The concept of the armed violence in the political and legal thought of the Ancient East and modern society.

The author appeals to the concept of armed violence as a social and political phenomenon and the problem, which is determined by numerous facts of its manifestations in modern conditions. The author analyzes the vision and understanding of armed violence in the history of the political and legal thought. The emphasis is made on the original manuscripts of the Ancient East, where the first ideas about violence in general and armed violence in particular appeared. Many of them objectively cannot lose their relevance as the armed violence is not a matter of conservation. It often becomes the main means of solving modern political problems.

Key words: power, armed violence, war, military forces.

STATE AND LAW

Tomazova O.E. Legal problems of the organization of the united systems of executive organs which carry out the state supervision and control in the finance.

The problem of the non-systemic, even episodic character of the executive legal control in Russia is examined according to the analysis of the Russian legislation. Therefore nowadays the State government body of the Russian Federation is to eliminate gaps in the legislation and to create the legal base for the right organization and functioning of the united system of executive organs in Russia.

Key words: RF Constitution, executive organs, acts of legislation, principles, system.

ECONOMIC POLICY AND MANAGEMENT

Torgay N.Z. The possibilities of the social adaptation of households in the conditions of transitive economy.

In this article the features of the development of a society in the conditions of transitive economy are examined. The influence of the processes of transformation on the economic and social status of households, the feature of adaptation to new conditions and the reasons not population adaptations are defined. The influence of the social status on the economic safety.

Key words: transformation, house economy, social adaptation, economic situation, economic safety.

КУЛЬТУРА

Шкурко Н.С. Социокультурные истоки отечественного имперского мифа. Анализируются социокультурные истоки отечественного имперского мифа. Автором охарактеризованы особенности восприятия и интерпретации мифа властями и обществом на различных этапах развития страны (от «исторического предназначения Руси» и «Москвы – «Третьего Рима» – до мессианской «русской идеи»). Современная трактовка мифа – «восстановление былого величия России» – отвечает историческим представлениям и современным потребностям россиян, обладает высоким жизненным, мобилизующим и защитным потенциалом.

Ключевые слова: политический миф, символическая элита, пространство власти, мессианское предназначение, подданническая политическая культура.

ИСТОРИЯ

Смирнов С.С., Власова А.В. Социальная работа Русской Православной Церкви Урала в дореволюционные военные годы. Статья посвящена осмыслению роли и значения социальной деятельности Русской Православной Церкви на Урале в дореволюционный период в годы Первой мировой войны. Авторы приходят к выводу, что пастырское слово православного духовенства, социальная и материальная поддержка Церкви сыграли существенную роль в преодолении тяжелых последствий войны в уральском регионе.

Ключевые слова: благотворительность, Урал, Русская Православная Церковь, дореволюционный период, Первая мировая война.

Новоселов В.Н. Строительство первого промышленного ядерного реактора для производства плутония на Южном Урале. В статье рассказывается об этапах сооружения в 1945–1948 годах первого предприятия атомной промышленности СССР – ядерного реактора комбината № 817. Рассмотрены вопросы организации строительства уникального промышленного объекта, показаны методы стимулирования труда заключенных ГУЛАГа, военных строителей и спецпереселенцев в экстремальных условиях.

Ключевые слова: Атомный проект, Спецкомитет, генеральный план, организация строительства плутониевого завода, промышленный ядерный реактор, строительный район, спецпереселенцы.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Уральская школа политологии. 22 апреля состоялось очередное заседание Клуба уральских политологов. На заседании обсуждалась тема «Кризис и политическая ситуация в регионах России». Участники Клуба выступили с сообщениями по проблемам экономического и политического развития России и регионов, особенностям реакции населения и власти на кризис и посткризисную ситуацию, а также перспективам модернизации российской социально-экономической и политической системы. Во второй части публикуются выступления В. Воронцова, К. Киселева, П. Панова, О. Подвинцева, К. Сулимова.

Ключевые слова: Клуб уральских политологов, кризис, модернизация, политическая система.

CULTURE

Shkurko N.S. Sociocultural sources of the russian imperial myth. In the article the sociocultural sources of the imperial political myth are analyzed. The author presents the basic variants of the existence of the myth at various stages of the development of the country, the feature of perception and the interpretation by the power and the society (from «the historical mission of Russia» and «Moscow – «the Third Rome» – to messianic «Russian idea»). The modern variant of the existence of the myth – the restoration of «the former greatness of Russia» – successfully consolidates the efforts of the power and the population of the Russian Federation, providing the ideological unity, creating an attractive image «the owner of the country».

Key words: «Russian idea», political myth, sociocultural, imperial myth, symbolical elite, specific space of authority, imperial consciousness, messianic applicability, citizens political culture.

HISTORY

Smirnov S.S., Vlasova A.V. The social work of the Russian Orthodox Church in the Ural during the pre-revolutionary war period. The article is dedicated to the understanding of the role and importance of the Russian Orthodox Church social work in the Ural in the pre-revolutionary First World War period. The authors conclude the vicarial word of the orthodox clergy, and the social and financial support from the Church played a significant role in overcoming hard consequences of the war in the Ural.

Key words: charity, Ural, Russian Orthodox Church, pre-revolutionary period, First World War.

Novoselov V.N. The construction of the first industrial nuclear reactor for the plutonium production in the South Urals. The article discloses the stages of the construction of the first enterprise of atomic industry in the USSR in 1945-1948 – the nuclear reactor of the enterprise № 817. The issues of the construction organisation of the unique industrial object are examined, the methods used to stimulate the work of the Gulag prisoners, military builders and settlers in the extreme conditions are shown.

Key words: atomic project, special committee, general plan, organisation of the construction of the plutonium plant, industrial nuclear reactor, building area, settlers.

SCIENTIFIC LIFE

The Ural School of Political Science. A scheduled meeting of the Ural Political Analysts Club took place on 22 April. The subject was “The Crisis and political situation in Russian regions”. The Club members reported on the problems of economic and political development of Russia and its regions; the peculiarities of the population’s and the power’s reaction to the crisis and postcrisis situation; perspectives of modernization of Russian socioeconomic and political systems. The second part presents the speeches of V. Vorontsov, K. Kiselev, P. Panov, O. Podvintsev, K. Sulimov.

Key words: the Ural School of Political Science, modernization, political system.

АВТОРЫ НОМЕРА

Айвазян Г.А., соискатель Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Безбородов М.И., аспирант кафедры международных отношений, преподаватель кафедры политологии факультета политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета. E-mail: miha2003@rambler.ru

Борисенков А.А., доктор философских наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления, г. Москва. E-mail: borisenkov_va@mail.ru

Ведерников П.В., аспирант Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург. E-mail: p.vedernikov@k66.ru

Власова А.В., кандидат исторических наук, доцент Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, г. Челябинск. E-mail: avlasova74@mail.ru

Воронцов В.С., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и новейшего времени Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Гурарий Е.М., аспирант кафедры философии и политологии Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: gurariy777@mail.ru

Игнатова В.Г., заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Северо-Кавказской академии государственной службы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону. E-mail: tignatova@skags.ru

Киселев К.В., заместитель директора Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук по научным вопросам, кандидат философских наук, г. Екатеринбург. E-mail: kiselevkv@yandex.ru

Лактионов Г.А., соискатель Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Леонов И.Н., аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Новоселов В.Н., заведующий кафедрой истории и философии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доктор исторических наук, профессор. E-mail: svkr1977@mail.ru

Панов П.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета. E-mail: panov.petr@gmail.com

Подвинцев О.Б., директор Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук по исследованию политических институтов и процессов, доктор политических наук, E-mail: ipl_perm@mail.ru

Попов В.Д., доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва.

Сагатовский В.Н., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Санкт-Петербург. E-mail: vn-sagat@yandex.ru

Славянский А.В., соискатель Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Смирнов С.С., доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. E-mail: sss45@inbox.ru

Сулимов К.А., кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета. E-mail: sulimovk@yandex.ru

Табалов А.В., председатель Правления Фонда поддержки гражданских свобод «Правовая миссия», г. Челябинск. E-mail: alextab@mail.ru

Толмачева М.В., соискатель Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Томазова О.Е., кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического факультета Ростовского государственного экономического университета.

Торгай Н.З., старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. E-mail: natali110608@mail.ru

Файзрахманов Р.Х., доцент кафедры теории государства и права Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург. E-mail: rafnt@mail.ru

Ханмагомедов А.С., аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Чегодаева Т.А., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: pksot@mail.ustu.ru

Чернов Г.Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. E-mail: gch61@bk.ru

Шкурко Н.С., кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск. E-mail: Nat-shkurko@yandex.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи в электронном варианте (на диске, CD-диске или по электронной почте).

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 19.100 знаков без пробелов, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон – 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления".

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.